

ИЗБ.З(ЗК)722.
М 76

**БАУРДЖАН
МОМЫШ - УЛЫ**

**ПСИХОЛОГИЯ
ВОЙНЫ**

Коль судьбе угодно было сделать меня очевидцем потрясающего человеческого страдания, хоть и не владею я искусством нанизывать концом стального пера на белую бумагу складную речь, по той простой причине, что рук моих, привыкших к эфесу боевого клинка, рукоятке пистолета и управлению боевым конем, лениво слушается ручка, и язык мой, привыкший к резкой команде устава, медленно поворачивается к словопроизношению, но, чтобы не оказаться в числе скупых (подобно Карымбаю, перед смертью бросившему свое богатство в море), я долгом своим считаю перед памятью павших, пострадавших, честных моих солдат — не умолчать, а поведать пережитое немой бумаге, дабы она приобрела язык свидетеля происшедшего.

A large, stylized handwritten signature in black ink, which appears to be "В. Ленин" (V. Lenin). The signature is written in a cursive, flowing style with a prominent arch over the first part of the name.

**БАУРДЖАН
МОМЫШ - УЛЫ**

**ПСИХОЛОГИЯ
ВОЙНЫ**

КНИГА · ХРОНИКА

АЛМА-АТА «КАЗАХСТАН» 1990.

ББК 63.3[2]722.78 К22
М 75

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Составление и комментарии М. М. Мырзахметова

Редакторы П. А. Зуев, Т. В. Терехова

Момыш-улы Б.

M75 Психология войны: Книга-хроника/ Сост. Мырзахметов М.—
Алма-Ата:Казахстан, 1990.— 240с.(Огненные годы).

ISBN 5-615-00525-4

Советские и зарубежные писатели хорошо знают Момыш-улы как легендарного комбата, личной храбростью поднимавшего бойцов в атаку в битве под Москвой (об этом рассказывается в романе А. Бека «Волоколамское шоссе»), а также как автора книг «За нами Москва» (1958), «Генерал Панфилов» (1963), «Наша семья» (1976), удостоенной Государственной премии Казахской ССР имени Абая.

В книгу вошли речи, лекции, выступления Б. Момыш-улы перед учеными, писателями, бойцами и политработниками в 1943—1945 гг., некоторые письма, раскрывающие взгляды воина, писателя и педагога на психологию Великой Отечественной войны, на все пережитое.

Широкому кругу читателей.

М 0503020600—96 23—90
(401[05]—91)

ББК 63.3[2]722

ISBN 5-615-00525-4

© Б. Момыш-улы, 1990
© М. М. Мырзахметов. Составление
и комментарии, 1990

486159

ПИСАТЕЛЯМ

О ВОЙНЕ

11 декабря 1990 года Президентом СССР М. Горбачевым подписан Указ о присвоении Момыш-улы Баурджану звания Героя Советского Союза [посмертно].

Моя точка зрения по теоретическим и практическим вопросам войны может показаться кое-кому узкой и даже наивной. Я человек с семилетним образованием, военной школы не кончал, солдатскую школу прошел в горно-вьючной батарее и настоящим военным стал только в годы войны.

Почему я пишу об этом? Потому что война — самое потрясающее событие в человеческой жизни. В тылу же живут вымыслами о войне. Вымысел хорош, если он выше действительности, но нет ничего выше современной действительности в войне, и она требует правды. Вы видите в театре или на киноэкране эпизоды войны, но внутреннего содержания ее вы ни в кино, ни в театре не увидите потому, что многие писатели и работники искусства не понимают глубоко истины о войне, пишут предположительно, довольствуются вымыслом, который не соответствует действительности.

Меня возмутило произведение одного композитора, который написал лирическую музыку на боевой текст. Зачастую и художник рисует какое-либо полотно и дает лишь фотографию, без внутреннего содержания. Это, видимо, получается от того, что люди глубоко не знают войны. Правду о войне познать трудно, сидя в тылу, но даже и мы, участники боев, не знаем ее до конца. Находить правду в войне очень трудно, обобщать ее еще сложнее. Постигание истины о войне — это огромная проблема.

Когда я читаю литературу на военные темы, убеждаюсь, что многое не соответствует действительности. Бывают книги, написанные типографской краской, бывают — написанные кровью. Я читал книгу войны, написанную на поле боя кровью, в натуре, а не типографской

краской. Поэтому я считаю: недолговечность художественных произведений заключается в том, что художники, писатели или киноработники не сочетают в них художественную сторону с военными вопросами, с войной. Я думаю, это большой недостаток. Раз ты пишешь на военную тему, то должен уметь чисто военные вопросы излагать художественными средствами. Вот тогда это произведение будет ценным для всей массы. Большинство писателей, увлекаясь художественной стороной, отклоняются от показа собственно войны, а ведь хорошее произведение должно являться настольной книгой даже для нас, военных командиров. Ведь цель всякого произведения — просвещать. Для того чтобы написать о войне, автор должен быть сам просвещенным человеком в этом вопросе, изучить материалы и факты, творчески переработать их и правильно обобщить, он должен все вопросы знать больше и всесторонне. Случайные эпизоды, рассказы отдельных лиц, второстепенные материалы не дают права к написанию серьезного произведения.

Война — частное и временное, но самое критическое явление в жизни человека. Она на долгие годы решает судьбу его родины, судьбу его народа. Народ бессмертен. Война — великий экзамен народной мощи и воли. Сколько бы ни длилась она, являясь потрясающим событием в человеческой жизни, но оставляет лишь глубокий шрам. Через десятилетия, подлечив рану, народ продолжает жить, он не погружается и не утопает в бездне войны, а стоит выше — над войной, строит, руководит, движется вперед.

Искусство с давних пор имело исключительное значение в развитии самосознания народа, отражая его жизнь, борьбу, мечты и надежды на лучшее. Литература, музыка, живопись — ясный отпечаток всего великого и прекрасного, сокровищница мудрости наших предков и их трудов — являются реальными, сильными средствами к познанию жизни, мощным оружием борьбы.

Опыт Великой Отечественной войны еще раз убедил нас, что успех зависит от морально-нравственных сил войск, что в конечном счете живые люди — солдаты и офицеры — решают все, они в первую очередь подвергаются испытаниям боя, но они являются и творцами побед.

Техника, как бы она ни была усовершенствована и

развита, все же остается средством борьбы. Ее создал и ею управляет человек. Человека с его душой, умом, разумом никакая техника не может заменить никогда и нигде. Душа человека — самое грозное, незримое оружие в бою. Ей по праву принадлежит первое место; равных ей по мощности средств борьбы нет и не будет.

Основная цель литературы — просвещать, пробуждать благородные порывы и чувства, воздействовать на совесть, честь, волю, разум, поднимать и воспитывать в человеке одно из главных чувств — чувство долга.

Долг — это высшее интеллектуальное понятие, во-бравшее в себя ум, чувство, волю, совесть, честь, справедливость, правду, любовь. Только сознание долга ставит солдата превыше всего, облагораживает его, удерживает его от низких поступков — трусости и измены. Только сознание долга вдохновляет и воодушевляет, удваивая, утраивая его физическую и моральную силу и способности. Только сознание долга толчок к подвигам; отвага порождает порыв, бурный поток энергии, творческую силу. Только сознание долга — путеводная звезда ко всему благородному, оно делает способным на все великое и прекрасное, на что только способен человек.

Сильнее долга силы нет.

Крепче долга брони нет.

Нежнее долга чувства нет.

Суровее долга судьи нет.

Горячее долга страсти нет.

Священнее долга святыни нет.

Мудрее долга мудреца нет.

Искуснее долга творца нет.

Страшнее долга кары нет.

Щедрее долга награды нет.

Светлее долга света нет.

Прямее долга дороги нет.

Острее долга языка нет.

Стремительнее долга тулпара нет.

Прозорливее долга пророка нет.

Прозрачнее долга чистоты нет.

Выше долга вершины нет.

Долг — дух души, сердце сердец.

Долг — вершина мечты и славы.

Долг — основа скромности.

Долг — вдохновение любви.

Долг — корень преданности.
Долг — стержень верности.
Долг — основание покорности.
Долг — трамплин к дерзновению.
Долг — дух мужества.
Долг — сердце отваги.
Долг — гроза трусости.
Долг — фундамент совести.
Долг — охрана чести.
Долг окрыляет бескрылых.
Долг воодушевляет бездушных.
Долг воскрешает мертвых.
Долг знает только жизнь.
Долгу смерть запретна.

В мире нет и не будет более мощного двигателя, чем долг. Именно так понимает долг солдат. Без глубокого понимания чувства долга, чувства советского патриотизма не понять образ советского офицера и солдата, так как долг происходит от готовности до конца служить идее, не отступая перед трудностями, перед противником.

Правда — самое питательное средство для воспитания чувства долга, мужества, высокой нравственной чистоты, непоколебимой воли, верности своему долгу. Ложь — самый вредный яд.

Я понимаю, что задача, стоящая перед писателем, весьма сложная и трудная, так как его произведение обязано быть прежде всего документом политическим, литературным, историческим, военно-биографическим, с живым, мыслящим героем — нашим современником.

Это налагает на автора большую ответственность перед историей, перед его совестью, перед его творчеством, в то же время закономерно ограничивает его фантазию, стесняет стилистическое выражение мысли.

Человека эпохи Великой Отечественной войны нужно показать разносторонне — таким, каким он был, таким, каким вышел из войны. Нет абсолютного героя и абсолютного труса. Не было бы трусости — не было бы отваги. Героизм есть результат воинского воспитания и большой внутренней борьбы — с самим собой прежде всего.

Читателю обыкновенно показывают героя как сверхъестественную личность и тем самым навязывают мысль

о безнадежности подражать ему, вместо вселения в него уверенности в способности совершать такие же подвиги, как и описываемый герой, при условии преодоления ряда внутренних и внешних трудностей.

В наше время образы создаются не авторами, а войной, суровой и трагической ее обстановкой, и если художник не может стать выше действительности, над жизнью, то пусть не стыдится этого. Будет уже большой заслугой, если он запечатлеет портрет человека войны с прилежностью хотя бы добропорядочного фотохудожника.

Я считал и считаю, что никто не вправе уходить в область абстрактной фантазии, имея под руками нашу реальную действительность. Но, увы, многие, кто занимается этим в силу своего ремесла, к сожалению, оказались глухими, немыми и, самое обидное, — слепыми; они не увидели, не осознали, не поняли, не вникли во всю тактическую глубину вопроса, тогда как именно они должны были это сделать. По этой причине все прекрасные и жуткие факты войны часто делались и делаются жертвами личной узости и ограниченности авторов, которые приглаживают, отполировывают их до неузнаваемости, излагают отутюженным, гладким языком плохого газетчика, и они уже ничего не имеют общего со своим оригиналом — истиной.

Описать, показать, как это было на самом деле, — это не упрощенчество, а искусство. Раскрытие смысла борьбы — есть великая задача и долг истинного художника, а люди этой безжалостной борьбы — материал. Их образ, их портрет — скульптурное изображение эпохи и народа, имеющее глубокий смысл на века, так как они (образы) созданы в неповторимых условиях времени и обстановки. До боли жаль, когда эта драгоценность отмечается лишь одним характером и находит только отражение в литературных документах, подчиненных шаблону, когда не показано, что ими движет внутренняя творческая сила, здравый смысл и логика.

Скажите сами — могут ли фронтовики испытывать уважение к художнику, погрязшему в тине личных, мелких забот и личных, мелких интересов, приниженному повседневной борьбой за существование, а не за творческую жизнь? Конечно, нет. Ведь мелочность его души просвечивает сквозь словесную одежду его произведения.

Борьба за простые вещи: за свою жизнь, за свою семью, за свой народ, свою землю, свой язык, за жизнь частную, народную и государственную в безжалостной обстановке войны многих и многих мыслящих людей из нас, солдат, сделала людьми простых слов и простых дел.

Война оказала нам услугу зеркала, помогла познанию самих себя и других. Некоторые из нас научились прямо смотреть в глаза фактам, анализировать их, быть объективными, не бояться говорить правду, рассуждать о государственных делах. Это значит, что война выковала на фронте и в тылу сильных людей, способных на собственные выводы о жизни частной и народной, без ненужной для общего дела профессионально-ведомственной дипломатии, иногда доходящей до лицемерия.

Солдат и офицер — люди войны, образ нашего времени, но прежде всего это мыслящие люди, вобравшие в себя опыт войны. Их характер на первый взгляд как будто бы узнается сразу, но, дойдя до кажущейся вам вершины, вы замечаете следующий, удаленный от вас горизонт. Когда вы доходите до него, перед вами встает новый горизонт, и вы должны идти и идти вперед.

Этот образ многогранен, подобен бесконечному простору с резко очерченным, пересеченным рельефом местности, как на поверхности, так и в глубину. Это значит, что автор имеет дело с образом развивающимся, деятельным, осмысливающим в пределах своих интеллектуальных возможностей суть борьбы, стихию испытаний, опыта боя и труда.

Для автора это сложный образ, весьма трудный объект для описания и восприятия. Часто автор, подхлестываемый срочностью работы, не проникая в глубину, допускает верхоглядство, цепляясь за какую-нибудь одну деталь характера, беря его в профиль. Вследствие этого образ получается односторонним, ограниченным. Простительны эти грехи, когда их совершают по неопытности или по незнанию, но непростительно, когда по халатности или искусственно, руководствуясь личными интересами и личной выгодой.

Конкретно этих авторов часто интересует приключенческий характер в действиях и деятельности человека; в частности, выпячивая твердость воли, как жестокость, не желая понимать, что в пределах этики и правил ведения войны ломка, разрушение и уничтожение всяких

препятствий на путях к цели есть гражданско-человеческая, служебная необходимость, а не жестокость.

Они не хотят совмещать волю с добром, любовью, милосердием, без которых невозможен вообще человеческий характер. У них выходит человек с перекаленным, каменным или же с бутафорским сердцем, а не нормального закала упругости стали, не поддающейся никакой деформации при испытании.

Теперь несколько слов о языке художественных произведений. Язык войны — это язык живых людей, язык воинов, участников боя, язык действительности — стиль времени. Так же, как современный бой представляет собой огневое состязание сторон и завершается ударом живой силы в штыки, язык войны есть перекличка языка меча с языком огня.

В бою человек достигает не только наивысшего физического, но, прежде всего, умственного напряжения. В бою куется и язык. Если бы удалось собрать высказывания массы солдат, хотя бы по одной фразе от каждого, то они составили бы несколько томов мудрейших изречений. К сожалению, мы на них не обращаем внимания и не собираем. Писатели, побывавшие на фронте, в большинстве своем, как правило, дальше штаба фронта бывают очень и очень редко, поэтому они не знают грамматику и правописание воинского языка и ограничиваются стилем политдонесения.

Поэтому не приходится удивляться, что некоторые авторы свои образы формально наделяют мыслями и словами. То, что оригинально, остроумно и логично в устах солдата и вызывает восхищение, у офицера звучит неоригинально, даже пусто, а часто вызывает недоумение. Короче говоря, необходимо не механически расставлять слова и раздавать их образам, а учитывать индивидуальность каждого. Лаконизм в стиле изложения, осмысленное, продуманное, целеустремленное построение образа, расстановка акцентов с возрастающей ритмичностью; кульминация переломных моментов войны в образах и мышлении людей; драматургия боя... Ритм войны должен быть пульсом, биением сердца книги о войне.

К сожалению, не могу не отметить, что некоторые авторы ограничиваются описательным изложением, часто пишут казенным языком, привносят фантастическую «отсебятину», нецеломудренно касаясь кровью написан-

ной страшной и прекрасной действительности нашей, описывая ее растянуто, с выдуманной, не соответствующей действительности обстановкой, или ненужной лирико-трагедией, с частыми повторениями уже известных положений, упуская основное в теме — бой, человек в бою, не проникая глубоко в сущность как первого, так и второго.

Многих, в том числе даже военных, раздражает, когда пехоту справедливо называют основным родом войск, а нас — общевойсковыми командирами. Авторы часто увлекаются внешней формой военных специалистов и являются поклонниками технических родов войск, шараясь от внешне неприглядного вида пехотной экипировки, пренебрежительно называя наших солдат «пехтурой».

Пехота, сочетая в себе мощный огонь с ударной живой силой, штурмовым ядром способна выполнять боевые задачи в самых разнообразных условиях местности, погоды, в любое время года и суток.

Назначение пехоты — ближний бой. Она начинает его, оказывая на противника огневое воздействие, подавляет и завершает, окончательно уничтожает его страшным штыковым ударом в грудь с глазу на глаз. Она самостоятельна в маневрах, огневом состязании и штыковом ударе. Она — основной и универсальный род войск ближнего, самого жестокого и жуткого этапа боя, она способна завоевать и прочно удержать завоеванное.

Ни от одного солдата других родов войск не требуется такой выдержки и отваги, почти нечеловеческих усилий, напряжения, как от пехотинца. Никто так остро не испытывает моральную, психологическую и физическую жестокость боя, как пехотинец.

Никто так не осознает опасность и уверенность в превосходстве или обреченность своего положения, как пехотинец.

Никто так остро не испытывает сладкую радость боевого подвига и горечь неудач, как пехотинец. Он все завоевывает собственной рукой, сам, лично, а не благодаря «коню» или «мотору».

Никто так не лишен оправдания и возможности или способов уклониться от боя, ссылаясь на неисправность машины, или необеспеченность, или ограниченность действий по разным условиям, как пехотинец. Термин «не было возможностей» исключен из лексикона пехотинца. Пехотинец покидает поле боя или убитым или раненым.

Ни от кого не требуется такая внутренняя душевная стойкость, хладнокровие, сохранение разума, сознающего долг, чтобы встретить несущееся стальное чудовище, плюющее в него огнем, способное раздавить в блин все преграды на пути, как от пехотинца, который свою обнаженную грудь противопоставляет средствам большой разрушительной силы, как будто его тело плотнее, непробиваемее, чем любая толстая броня.

Как бы относительно ни был слаб огонь пехотинца, но благодаря тому, что ничтожной винтовкой управляет человек, его разум — огонь его точен и губителен. Укус пехотной «пчелы» смертелен наверняка и вернее изрыганий огнедышащего дракона — царь-пушки и прочих мощных орудий, которые в большинстве случаев нагоняют страх, как гроза. Но как ни громка гроза, а молния — разряд — наверняка поражает не всех, на кого гневало небо, а лишь одну точку. Кроме того, пехотинец владеет оружием боя — штыком вплотную, что и венчает успех боя.

Никто так не испытывает экстаза близости с противником в бою, атаке, как пехотинец, в самый жуткий и решающий момент боя, когда собственноручно штыком ощущает не только тело, но и нутро неприятеля.

Ни в ком так ярко не выражен национальный характер, национальная гордость, как в пехотинце.

Итак, пехота — решающая сила. Подумать только — как многогранна обстановка и психологическое воздействие ближнего боя, как глубоко сложен и одновременно прост образ скромного человека — пехотинца в этом котле боя с топливом самой высшей калорийности — термитом.

Ни в ком так отчетливо не проявляются естественная красота и естественное безобразие человека, его моральный облик, высокий нравственный уровень, его неукротимая воля, неиссякаемая энергия, мужество, храбрость, совесть и честь, разум и безумие, правда и ложь, ни в ком так не сочетаются человек и зверь, как в пехотинце.

Пехотинца многие знают очень плохо. В их представлении солдат — это какое-то неживое каменное существо, бессердечный, картонный человек. Поэтому в произведениях некоторых авторов образ солдата не соответствует действительности. Образ солдата-пехотинца широк, как необъятный степной простор. И тот, кто

достойно опишет пехотинца, тот счастливый писатель. Свобода ему до конца жизни от пера — от него мир большего не потребует.

Несколько слов о нежности солдатского чувства и внутренней морали. Многим кажется, что взаимоотношения людей на войне очень грубы, и в лексиконе некоторых дам, имеющих военных кавалеров, до сих пор существует выражение: «Вы на мое сердце наступили солдатским сапогом» (или еще хуже — сапожищем), а на самом деле далеко не так, и взаимоотношения людей на фронте не так уж грубы, как это кажется, я бы сказал, даже нежнее, и более чутки, чем любая, самая изысканная искренняя нежность любящей женщины, именно потому, что бой это есть напряжение всех чувств. Если всмотреться — там существует искренняя, внутренняя нежность и теплота — все, на что только способен человек, именно исходя из обстановки боя, боевой жизни, из ее трагического опыта. Ведь как же можно всерьез отказать, обидеть своего товарища по оружию, когда в душе таится постоянная тревога, что ты можешь скоро навсегда утратить его и после его гибели будешь жестоко страдать и терзаться всю жизнь, что не помог тому, кто больше не нуждается в твоей помощи и поддержке, кто отдал жизнь свою, чтобы ты жил. Перед мертвым извиняться бесполезно, он лишен жизни, лишен способности понимать и прощать. Как же можно нагрубить и обидеть? Бой сплачивает людей. Установившееся боевое содружество нерушимо.

Правда, грубое обращение часто имеет место в строевом обучении из-за непонимания, что главной целью строевой подготовки является обучение требованиям боя, где команда, как святыня, прививается солдату, где добиваются свободного, механического выполнения команды в строю, без особых и ненужных напряжений мускулов. Но нельзя же из-за таких недоразумений стричь всех под одну гребенку! И делать слово «солдат» символом грубости, совершенно не принимая во внимание основное внутреннее содержание. Нет, многие неправы. Я убежденно утверждаю, что нежнее бывалого солдата существа на свете нет.

Без глубокого понимания образа солдата не понять и образ офицера. Командир — центральная фигура, мозг войск, организатор боя, творец победы.

Когда я пишу или говорю о командире, я хочу

доказать, что командир — это творческий человек. Мы называем литераторов, художников, композиторов людьми творческого труда, но так как мы говорим, что бой и война это не только наука, но и искусство, то и организатор и проводник этого искусства является творцом.

Командовать — значит диктовать, повелевать свою осмысленную волю, непреклонно проводить в жизнь свою творческую мысль, что в военной терминологии носит название — замысел решения.

Первый подвиг солдата — повиноваться воле советского офицера. Первый подвиг офицера — уметь повелевать именем народа, именем государства. Уметь выражать благодарность от имени народа за воинские подвиги, что мы называем оказать воинскую почесть.

Самое трудное в армии это повиноваться, ну а повелевать еще труднее, чем повиноваться. Осмысливать сложнее, чем выполнять осмысленное. Решение настоящего мыслящего командира — тяжелый творческий труд, результат его творческого мышления. Сколько тяжелых дум, жестокой внутренней борьбы, переживаний страданий, тревог и волнений приходится перенести командиру, пока он найдет правильное решение вопроса и прикажет. Шаблон — не творческое решение, и часто не приводит к успеху. Боевое счастье не может случайно сопутствовать командиру в бою — он сам является творцом успеха. Если постараться глубоко проанализировать причины успешного действия войск, то не может остаться незамеченным вдумчивый и активный характер командира в организации и всестороннем обеспечении боя по замыслу, построению боевого порядка, тщательной разработке и подготовке предстоящего боя и проведению его. Вдумчивое отношение к своим обязанностям — основа творческой деятельности командира. Часто одиночество командира в бою диктуется обстановкой как необходимость, так как все внимание подчиненных в критический момент приковано к командиру, на его лице не должны отражаться ни сомнения, ни страх. Колесание командира — колебание подчиненных, страх командира — бегство батальона. Командир, не выиграв бой в себе, не имеет права вступать в бой вообще.

Обязанности командира в бою — не героически умереть, а выполнить поставленную боевую задачу, следовательно, командир должен быть не столько солдатом

кулачного боя, сколько солдатом ума. Главная среди прочих обязанностей командира — думать, думать и думать. Опыт сегодняшних неудач должен стать предвестником завтрашних удач, и нечего бояться показать неудачу офицера.

Командир должен быть всесторонне развитым и грамотным, строгим и справедливым, честным и непреклонным, уверенным в правоте своего решения. В этом состоит суть офицерского достоинства, чести и гордости.

Только такого командира солдат боится, уважает, любит, видя в его лице представителя государства — справедливого судью, строгого обвинителя, горячего защитника, заботливого отца, и целиком доверяет себя его совести, без малейшего сомнения и колебания. В нем он уверен, и перед его строгостью и требовательностью до сырой земли преклоняется.

Вникать в душу солдата, уметь воздействовать на его чувства, психику и управлять ими, задевать за живое в интересах службы, мобилизовать всю его сущность для осмысленного действия, для выполнения задачи, знать все качества солдата — моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные передовые черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье — священная обязанность командира.

Неотступный контроль не есть недоверие к подчиненным, а культура в работе, которая создает у исполнителей веру в непоколебимость воли командира к проведению в жизнь принятого решения любой ценой, отгоняя прочь присущее каждому желание противиться, поддерживает сознание необходимости применения своих сил и способностей для точного выполнения полученной задачи.

Офицер ни в коем случае не должен допускать высокомерное отношение к младшим, постоянную придирчивость, грубые замечания и словесную нотацию, переходящую в окрики и оскорбление личности; уважать человеческое достоинство, мундир и честь воина — основное качество советского офицера.

Приказ и повиновение составляют сущность воинского порядка. Командир должен владеть ключом от сердца солдата. Солдатский сейф — три ключа: ум, воля, чувство. Учи умом, а не гневом, учи лаской, но не хвали без меры, не терзай без вины. Не крик, не истерика, а

осмысленная строгость. Она должна быть справедливой и ни в коем случае не унижать достоинства человека в солдате. Не выходить за пределы нормы гражданского поведения. Отсюда — требование знать подчиненного, уметь его обучать, уметь воспитывать, уметь командовать.

В руках командира — судьба сотен и тысяч людей. Он обязан воздействовать на них силой личного примера, силой убеждения, но и силой принуждения. Он является ревнителем железной воинской дисциплины, добиваясь ее любой ценой. Он немедленно должен обуздать паникеров и дать возможность честным бойцам до конца выполнить свой долг перед родиной. Так как командир — отец победы, душа стойкости (из его стойкости подвластные ему люди черпают силы), без тени колебания, не задумываясь, он вырывает с корнем сорную траву с поля боя твердой рукой, безжалостно расправляясь с трусами и паникерами, помня, что честь коллектива — его честь, позор — его позор, судьба его неразрывно связана с судьбой бойцов, его жизнь в бою принадлежит боевому коллективу, которым он командует.

Личный пример командира есть средство управления, оно оправдывается лишь в том случае, если есть необходимость. Он должен быть заразительным, увлекать за собой всех остальных.

Храбрость есть умение удержать солдат на поле боя в интересах выполнения задачи. Осторожность в верном сочетании с решительностью — основное качество героя. Безрассудство не есть храбрость, а самодурство. Командир не может быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности.

Неоценимо велико значение команды командира в бою не только как средства управления, а как средства, завершающего победоносную борьбу чувства долга над чувством страха в душе солдата.

Насаждать строгую дисциплину может лишь тот командир, который безукоризненно соблюдает, прежде всего, самодисциплину, являясь образцом дисциплинированности, который завоевал доверие подчиненных и пользуется популярностью среди них справедливым отношением к ним, уважением их личности и достоинства, постоянной заботой об их нуждах и потребностях (включая и душевные), близкий к солдатской массе, но неизменно строго требовательной во всем.

Командир должен быть всегда и во всем примером.

Только тогда он сможет по праву гордиться своим мундиром, и блеск его не будет резать глаза солдатской массе, солдат будет гордиться своим командиром.

На вооружении командира должно быть боевое слово, задающее за живое солдат своей правдивостью, задушевной простотой. В руках командира сосредоточены все средства воздействия на бойца: от убеждения до принуждения. Командир — власть, а ни одна власть никогда не отказывалась от принуждения, если это необходимо.

Жестокость командира должна быть исключительно осмысленной, справедливой, потому что трагические моменты войны требуют суровой беспощадности от командира.

Образ офицера будет сильным, если его показать в развитии, внимательно следящим за ходом обстановки, находящим в ней новое, что может обеспечить успех, своевременно оценивающим обстановку, анализирующим, умеющим обобщить, сделать выводы и развить недоговоренные солдатом оригинальные мысли, чем постоянно вдалбливать ему собственные умные мысли; ведь воспринимать лучшее у массы и обобщать — трудная и сложная роль и долг руководителя.

Понять гораздо сложнее, чем толковать. В произведении некоторых авторов генералы и офицеры показаны постоянно выстреливающими умные слова, образцами ума, а не в развитии, постепенно осмысливающими ход событий войны, учась у масс, на опыте службы, боев и у врага. Поэтому девиз «постоянно учиться» необходимо заменить девизом «постоянно учиться, учиться подчиненных по принципу: мой полк — моя академия».

Воспитание сильного духом и верою, спаянного твердой нерушимой дисциплиной боевого коллектива — вот комплекс искусства командира уметь командовать.

Образ генерала и офицера будет представлен ярче, если автору удастся понять: размышления командира перед боем, переживание боя заранее, испытание силы воли и своих способностей перед честью оружия, народом и жизнью доверенных ему солдат, то есть, как я раньше выразился, «бой ума с умом», включая и это понятие — «выиграть бой в себе».

Самое трудное — набраться терпения, выдержки, спокойствия и хладнокровия, думать творчески, здраво...

Нужно в образе офицера показать отдельные штрихи психологии командования так, как она есть. Я так долго задержался на этом определении потому, что без этого качества не создать подлинного образа офицера-командира в литературе. Без глубокого понимания офицера не понять бой и смысл борьбы. Итак, командир — творец победы, стержень, центральная фигура, вокруг которой кружатся все, как планеты вокруг солнца.

Одним из нерешенных в литературе вопросов продолжает оставаться национальный вопрос в армии. Приходится сожалеть, что некоторые стараются эти многогранные и щепетильные отношения разрешать почти отпиской, необъективно представляя неким условным знаком целую армию, ограничиваясь при показе многонационального лица нашей единой армии лишь ударением на акценте и экзотичности фигур.

Необходимо разъяснить в книге понятие о национальном духе (этой благородной черте личности в нации и нации в целом) и о национализме, шовинизме (порок личности в нации).

Личная национальная, отечественная гордость, национальные благородные традиции, осознание того, что все народы и все нации способны на великое и прекрасное, что нет национальной традиции, мешающей воевать, а есть национальные традиции, помогающие воевать, — стержень национальной политики в армии. Каждый должен любить свою нацию и через глубокую любовь и гордость за нее познать другие нации, уважать и любить их.

Национальная гордость — нерушимый закон и святыня для личности в нации. Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею — тот, безусловно, безродный человек, бродяга. Гордый может уважать только гордого и вполне законно не уважает негордого. Братство народов основано на гордости нации. В этом состоит основа интернационализма. Понятие и воспитание интернациональной гордости является одним из важнейших источников воспитания такой армии, как наша многонациональная армия. Без глубокого понимания интернационализма не понять и образа советского офицера.

Некоторых из моих московских собеседников-литераторов смущают якобы азбучно-элементарные трактовки уставных положений в произведениях под литобработкой Александра Бека. Так как эти товарищи и поныне

не перестают говорить об этом на любом литературном перекрестке, я позволю ниже повторить свои разъяснения по существу этого вопроса.

Устав — библия командира. Без глубокого понимания устава не понять образа офицера. Без знания прав и круга обязанностей не создать образа во всей его глубине. Нельзя найти истоки его подвига. Без устава не понять образ офицера. Без устава не понять солдата. Без устава не понять бой. Без устава не понять войну.

Целые главы устава поднимаются до философских обобщений. Устав есть произведение искусства. Устав есть обобщенный, сжатый, спрессованный сгусток опыта боев — мышление в понятиях, введенное в сознание мыслящих военных руководителей ценою неоднократных, многих жертв, и написан он кровью. В нем вложен, как ни в какой другой книге, здравый смысл (не всем доступный и при изучении требующий детальной расшифровки, трактовки, применительно к обстановке); основные, отправные установки — данные закона, метода тактических и оперативных приемов и способов ведения боя и искусства войны, глубоко обоснованные научно-теоретически и практически многолетним, многожизненным боевым опытом — историей войн.

Не каждому просвещенному военному профессионалу доступны все параграфы устава во всей глубине этого понятия. Поэтому многотомные военные труды, написанные до нас и в наше время, имеют единственную задачу — растолковать устав, и армия военных профессоров прошлого и настоящего не может со всей определенностью сказать, что ими это уже достигнуто.

Сложную проблему в нашей практике представляет знание устава, а понимание — тем более. Следовательно, чтобы понять устав, нужно иметь большую теоретическую подготовку и громадный практический опыт, лично приобретенный на поле боя. Поэтому неоднократные заявления некоторых писателей, утверждающих, что знают устав, невольно, наравне с законно справедливым раздражением, вызывают горькую, но вместе с тем ироническую улыбку...

Короче говоря, если автор пишет на тему войны, имея под руками документальный материал реальной действительности, ему не избежать устава ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, так как избегать его — это значит избегать жизнь, избегать живую, жут-

кую, красочную действительность на поле боя, встать на путь фальсификатора, чего я не желал бы даже врагу своему. На войне случайностей как таковых нет, а есть закономерность. Как и другие явления, бой ограничен своими законами, правилами, нормой. Сборником, собранием этих законов являются уставы.

Итак, устав — это жизнь. Передача мышления в понятиях, превращение мышления в образы художественной литературы, делающие доходчивыми до массового читателя положения устава, которые необходимы для наших соотечественников, как воздух, на данном этапе развития нашего поколения солдат, рожденных и обязанных сражаться на любом участке в эту эпоху непрерывных войн, сплошной жестокой борьбы, часто доходящей до грубой формы — драки.

Книга на тему войны должна грамотно, со всей остротой освещать вопросы войны с военной точки зрения, имея центральной фигурой человека в бою и его психологию. Она должна являться для читателя пособием военного просвещения (не только романом), дающим возможность познать умом истину на войне.

Мне кажется, что любое литературно-художественное произведение на военную тему обречено также на неудачу (неполноценность и неживучесть), если его автор игнорирует устав; этим самым он не только губит для себя хорошую перспективу, а, самое обидное, губит дело, и на многих это несчастье неизбежно обрушивается, потому что они считают, что устав избегать гораздо легче, чем попытаться понять его.

Мне кажется, что основная задача художника — это возрождать жизнь, нашедшую покой в параграфах устава в сжатом, чеканном, сухом изложении, то есть он обязан оживить устав в общедоступной форме художественного слова. Художник должен заниматься разобщением обобщенных, суммированных уставом фактов, сведенных в единое понятие. Следовательно, художник-писатель должен знать больше, чем устав; если он располагает суммой — найти слагаемые, если он хочет доступно растолковать произведение — найти множимое и множитель, знать делимое и делитель, чтобы сказать о частном. Особенно следует быть осторожным со знаками плюс и минус, дабы сумма и разность ни в коем случае не вышли за рамки справедливости.

Все экспериментальные приемы боя, тактические и

оперативные замыслы производятся в лаборатории войны — на поле боя, на нас, солдатах. Мы своей кровью подтверждаем правильность или неправильность того или другого положения. Только на нас, солдатах, испытывается эффективность всех вакцин войны, поэтому писателю необходимо прививать себе войну — вакцину и навсегда излечиться от литературного лихачества ума и пера.

Когда мы говорим об уставе Красной Армии, не следует забывать, что он является разработкой основных положений войны, это не копия петровского устава, или суворовской науки побеждать, или устава какой-нибудь иностранной армии, а самостоятельная, современная военная мысль, сгусток эволюции, обобщения, осознания опыта боев, поэтому каждый, рассматривая свое понятие об уставе через призму критики, обязан доискиваться до истины.

В ходе Отечественной войны некоторые уставные положения часто и постоянно менялись, так как на практике боевых действий не нашли оправдания или подлежали частичному уточнению. Поэтому не следует пересмотр уставов рассматривать как неустойчивость или необоснованность, наоборот, это доказательство полного отсутствия консерватизма в нашем военном деле — в этом состоит его большевистский характер.

В период наступлений нашей армии каждый, чувствуя приближение конца войны, оглядывается назад, всматривается в лицо ее основных этапов. Период отступления был характерен острым ощущением боли за родину, выросло осознание себя гражданином, сердце которого истекает кровью за каждый отданный врагу клочок родной земли. Это нашло выражение в лучших стихах первого периода войны — Суркова, Твардовского.

Стабильность фронта породила тоску по дому, жене, детям, родному городу — здесь центром внимания стал Симонов с его интимной лирикой.

В третий период, эпоху победного наступления, тоска, лирика отступают на второй план. Наступлению нужна победная героическая песня. В наступлении, как нигде, поэт, а не прозаик должен быть рядом с бойцом. Боец в эпико-героических образах поэзии должен ощутить свои богатырские возможности. Уже написанные марши полков и дивизий должны вырастать в новых строках с новыми именами героев, именами отвоеван-

ных городов — это поэзия подъема сознания стихийной силы образов, праздника чувств, гордых совершенной отвагой наших воинов.

Искусство сейчас вступает в эпоху капитального строительства на темы войны, отказываясь от временок полевого типа — недолговечных, имевших задачей обеспечение нужд только сегодняшнего дня.

Мне кажется, что настало время истинному художнику прежде всего самоопределиться, внутренне укрепляя себя, работать без оглядки, не сковывая творческое воображение цепями преждевременных вопросов «как подумают», «как посмотрят», «что скажут», «понравится ли». Все это делает погоду на короткий отрезок времени.

Художник должен жить высокими идеями, и не следует ему, работающему над большой темой, самому в ходе работы применять ножницы чаще, чем карандаш.

Поэт мог бы дерзновенно сказать:

Я словом в слово хотел войти,
Чтобы словом слово жечь.
Я мыслью в мысль хотел войти,
Чтобы мыслью мысли сечь.
Я чувством в чувство хотел войти,
Чтобы в чувствах чувство беречь.
Я в войну войной хотел войти,
Чтобы войну войной пресечь.
Я в поэзию поэзией хотел войти,
Чтобы поэзию поэзией вознесть.
Я жизнью в жизнь хотел войти,
Чтобы жизнью жизнь принести.

Я утверждаю, что многие из фронтовиков, записывающих воспоминания, несут в себе большой литературный и документальный материал. Повторяю, некоторые из них, мне кажется, поступают совершенно разумно, когда одновременно с писателями-профессионалами хотят осмыслить пережитое, доверяя писателю свою память и свои записи.

К горькому сожалению, некоторые авторы смотрят на таких фронтовиков, как на удачно подвернувшийся материал, флиртуют с темой, в лучшем случае трактуют их рассказы, записи и мысли, как случайно сказанные слова, чем заглушают голос героя и компрометируют цельный и ценный по содержанию материал, теряя при его освоении чеканный язык воина. Это закономерно вызывает возмущение, внутренний творческий счет и глубокую

Мне подсказывают моя совесть, моя честь, мой долг.

Я пишу не для того, чтобы передать вам горячий привет от бойцов и командиров 8-й гвардейской стрелковой дивизии — на это я не уполномочен.

Также пишу не для того, чтобы дать интервью любопытным журналистам о боевых эпизодах на нашем участке фронта — на это тоже не имею полномочия.

Я пишу для того, чтобы вам всем заявить претензии бойцов, которые нахожу справедливыми лично с моей точки зрения. Надеюсь, что вы с достоинством литератора, хладнокровно, по-деловому, выслушаете эту маленькую неприятность, каковую я ниже преподнесу на резком, грубом, неотшлифованном своем солдатском языке, рассчитывая на ваше снисхождение, благодушно прошу простить меня — отвыкшего говорить изящно, деликатно и дипломатично. Ведь для этого нужно время, которым не располагаю, лучше короче, хотя топорно, но о деле, о службе — буду писать.

В переживаемые нами суровые дни Великой Отечественной войны наш народ, наш советский тыл воинам Красной Армии дают все необходимое для боя и для победы.

Как оружие, так и обмундирование в ходе боев изнашивается, а наши техники, мастера нам своевременно ремонтируют оружие; портные и сапожники чинят, штопают, накладывают заплатки на нашей износившейся экипировке, производят обыкновенный мелкий и текущий ремонт, тем самым предохраняя бойца от сырости, непогоды и ветра, продлив своевременным ремонтом срок носки, т.е. заставляют кожу и хлопчатобумажный материал честно и до предельной возможности служить народному, нашему общему делу с большой пользой.

Дух наших бойцов и командиров в борьбе крепок, как гранит. Ненависть к заклятому врагу горит в сердце каждого из нас. Но душа солдата тоже имеет свойство изнашиваться — солдат не камень, не сталь, не стекло, а человек, обыкновенный человек со всеми человеческими достоинствами, чувствами и слабостями, присущими каждому.

Он не только постоянно проявляет отвагу, мужество, героизм, но и в минуты душевной невзгоды проявляет и слабодушие и слабоволие. Многим удастся самим перебороть эту напавшую на него слабость и взять себя в руки. Другим товарищи помогают. Третьих командир и политработники ободряют. Одним словом, тоже понемножку ремонтируются, оттачиваются, как лезвие боевого клинка и боевого штыка для завтрашнего боя, дается нужный закал некоторым ослабевшим в огне боев.

Боец — живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он жаждет ласки и нежности любимой, чудного лепета маленького, забавного карапузика сына или кудрявой малюсенькой дочки — он муж, он отец!

Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы. Нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого, солнечного, сияющего дня. Он с любовью смотрит в голубое, безоблачное звездное небо ночью. Это жизнь, он — живой человек.

Он плачет, и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательность близких людей, друзей и хороших товарищей.

Порой он устает физически и духовно: в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу.

Я не рядовой боец, но тоже солдат, и все это я испытал, видел, слышал и недавно был свидетелем такого разговора в блиндаже.

Чтобы разогнать эти мысли и во время 10—15-ти минутной передышки забыться, боец из вещевого мешка вынимает книжку и читает ее оглавление.

— Ах! О войне. Как в окопе, в сыром и полумрачном блиндаже живет, — разговаривая сам с собой, швыряет книгу вон, пустив по адресу автора настоящий мат, — он думает, что я не знаю — я только что оттуда.

Снова копается в мешке. Вытаскивает в потрешанной обложке маленькую книжечку и говорит, рассматривая ее:

— Дорогой Антон Павлович. Здравствуй, дорогой мой доктор,— рука у него дрожит, жадно читает коротенькие рассказы Чехова. Его глаза постепенно ласково пробегают строки за строками, его обветренное морщинистое лицо приятно вздрагивает и в углах потрескавшихся губ появляется улыбка, и он, прихлопнув ладонью по колену, почти безумно хохочет.

Он протянул книжку товарищу, удивленному его неожиданным смехом:

— На, почитай... вот это место,— указывает он пальцем.

Опять роется в мешке.., радостно говорит:

— Золотой Александр Сергеевич, генералиссимус русской поэзии и словесности. Очень и очень, от души рад вас встретить в этом блиндаже. Добро пожаловать. С нами вместе воевать пришли, землю русскую защищать? Пожалуйста, пожалуйста. Рад иметь такого боевого друга, как вы...

В это время замполитрука приносит газеты. Боец берет «Социалистик Казахстан». Видно, что-то ища, пробежав страницу, разочарованно отдает обратно, приговаривая:

— Опять «помощь фронту». Вся газета исписана. Конечно, я не против, нужно, и, безусловно, нужно печатать, но не на всех четырех страницах... Для души-то что-нибудь напечатали бы,— тяжело вздохнув,— ох, редактор, редактор! Души у тебя, братец, нет. Все равно, как мой пулемет — «так, так, так» — твердишь и твердишь, без конца и края: «война, война, война»... Конечно, война, я отрицаю, что ли? Факт, уже полтора год налицо. Сухарь ты ржаной, брат, хоть обижайся, но все равно говорю — сухарь! Без вкуса о войне пишешь, в военной кулинарии, к сожалению, мало разбираешься.

— На... «Красная Звезда»,— протягивает помполит.

— Давай, что хорошего пишут,— берет и читает...

— А! Илюша! Илюшенька, Эренбургушка! О

чем ты мне хочешь сегодня рассказать? — читая, кивает головой: — Правильно, брат, правильно говоришь... Умный ты мужик оказался. Вчера командир о тебе говорил: «Илья Эренбург — наводчик, снайпер, солдат — метко из пера стреляет», а я просто, по-своему, по-дружески скажу: «Ты — мой мелкий сапожник, искусный портной, каждый день то заштопаешь, то гвоздичек пришьешь моей душе. Молодец, хорошо производишь мелкий ремонт»!

На третьей странице, увидев стихи, восклицает:

— Костя Симонов! Ты тоже здесь, солдат лирики... хорошо о сердечных делах пишешь, хорошо!

— А Абая мы совсем забыли,— говорит другой боец.

— Да, приятно было бы поговорить со стариком, уму-разуму поучиться у него.

— Ведь он неплохой вояка,— отвечает первый боец,— но, знаешь, молодой человек, он, Абай, не виноват, он с удовольствием повоевал бы вместе с нами.— Разведя руками и поморщив лоб, продолжает:

— Понимаешь, случилось несчастье, говорят, что на старика в Алма-Ате домашний арест наложили и редактор издательства до конца войны к нам его не намерен отпускать, а после войны он старика вам в трех томах хочет представить.

— Можно же отдельные стихи Абая печатать для фронта, отдельными брошюрами,— говорит третий боец.

— Нет,— раздраженно отвечал ему первый,— нет говорю, ты понимаешь, что нельзя, говорят... говорят, что на этого старика истрачено много бумаги (потому что он раньше всех казахских писателей печатался), а фонд издательства предназначен молодым писателям и поэтам, которые сейчас учатся выводить буквы нового алфавита. Понял?

— Довольно,— басом произносит ефрейтор,— давайте я вам лучше вслух прочту «Алексей Куликов, боец...» Бориса Горбатова, он простого солдата хорошо знает и боец в центре его внимания, потому и хорошо пишет. Слушайте...

Такой диалог — не моя выдумка, а на самом

деле и в действительности имел место в блиндаже.

Я передаю его со всеми подробностями и умышленно не называю имена бойцов, во избежание разжечь огонь раздора между вами и этими простыми честными бойцами...

Я считаю, что товарищи бойцы правы и, не будучи ни литератором, ни издателем, ни редактором и ни цензором, передаю вам без всякой корректуры слова моих боевых друзей. Правда, они еще обижались на Мухтара, Сабита, Габита, Абдильду, которых они прежде глубоко уважали, а сейчас по их адресу тоже наговорили разные неприятности, но их я, за неимением времени, не записал (за что прошу их извинить меня), а обещал бойцам написать им письмо, чтобы они в ближайшее время написали для фронта коротенькие, содержательные, простые рассказы и стихи.

Теперь немного от своего имени. Под впечатлением изложенного выше разговора я позволю себе задать вам следующие общие вопросы.

Казахов-бойцов на фронте Отечественной войны не менее, чем сотни тысяч. Многие и многие из них не владеют русским языком. Вас, литературных бойцов и командиров (к сожалению, не идущих в ногу с военным и трудовым фронтом), я спрашиваю:

1. Кто из вас из какой части и к какому роду оружия (поэзия, проза, драматургия и т. д.) литературного фронта принадлежит? И что эта часть и род оружия и вы, как солдат, делаете для военного и трудового фронта?

2. Кто из вас подарил солдату хотя бы подснежник, лепесток, дикорастущий тюльпан, не говоря о культурной розе и целом букете из цветов, которые предоставили бы бойцу радость и вдыхал бы он приятный аромат поэзии?

3. Кто из вас рассказал солдату юмористический рассказ, вызывающий хотя бы улыбку на его суровом лице, не говоря о смехе, хохоте, столь необходимом для солдатской души и для победы, как пуля, штык и прочее оружие?

4. Кто из вас написал полный горечи, народного горя, гнева, ненависти к врагу трагедию войны,

очерк (или как там у вас называется в литературе), разжигающий душу бойца пламенем ненависти, призывающий его к беспощадной мести, мщению злом за зло, смертью за смерть и кровью за кровь?

5. Кто из вас отшлифованным, сжатым, простым, понятным, полным художественной силы, доходчивым до бойца языком, написал о жизни, счастье, любви, о семье, о совести, о чести, о славе, доблести, отваге, напоминающем бойцу о всем человеческом достоинстве, гордости и чести, способствующим перебороть чувство страха, ограждая себя от чувства стыда, низости и позора?

6. Кто вам сказал, что солдат идет в бой умирать? Ложь! Солдат идет в бой не для того, чтобы умереть, он, как и вы, любит жизнь и за нее идет в бой.

7. Кто вам сказал, что страха нет? Страх есть, он вездесущ и присущ каждому живущему. Чувство страха преодолевается сознанием, глубоким сознанием чувства долга и благородства. Кто вам дал право скрыть этот факт в человеческих чувствах, не описать его правдиво, наглядно, заклеить позором и проклятьем труса и паникера, малодушие и шкурничество?

8. Кто сказал вам, что героизм — дар природы? Нет! Героизм не есть дар природы, а результат сознательного воинского воспитания и принуждения себя сознательно идти на опасности, откуда брызжет смертью, ободренный возвышенным благородным чувством гражданина для выполнения священного долга перед Родиной.

9. Кто дал вам право не отдать должное совершенному солдатом подвигу, отваге, а марать бумагу художественной размазней, преуменьшив или преувеличив, по воображению писателя, действительный правдивый факт, красочную историческую действительность, показать во весь рост полновластного офицера и кроткого солдата?

10. Кто дал вам право некоторые хорошие произведения русских писателей построчно, по абзацам переводить на казахский язык (никому не понятный — русские слова произносить по-казахски), а не заставить автора заговорить свободным, доступным, понятным казахским языком, по сути

и содержанию оригинала с такой же силой, как и на русском языке?

11. Кто дал вам право занять выжидательную позицию до конца войны, не писать, а собирать пока случайные материалы и сидеть в литературной засаде?

12. Кто позволил некоторым ефрейторам литературы командовать полком и дивизией литературного фронта?

13. Кто наложил домашний арест на старика Абая, его лирику, его гений, его мудрость, и не позволяет ему маленькими брошюрами прийти на фронт?

14. Кто наложил запрет выезда на фронт народной мудрости, сказки, юмора, сильных и доходчивых, воинственных, почти суворовских народных поговорок отдельными брошюрами?

15. Кто дал право не держать постоянно и глубоко мудрого Джамбула в курсе событий, дать этому сильному агрегату мудрости «простой», прикрепив к нему неграмотного, невежественного, читающего русскую газету по слогам, секретаря, тем самым законсервировав старика в бурные дни Отечественной войны?

16. Кто вам дал право оставлять без внимания, (почти) без газет и без литературы сотни тысяч бойцов (не понимающих или слабо понимающих по-русски) — казахов на родном языке?

Я, как солдат, требую ответа на все эти вопросы.

Хотел еще кое-что сказать, но не располагаю временем. Я не заключаю свое письмо повторным «извините» лишь потому, что под пером чувствую правду.

Примите мои искренние пожелания плодотворной творческой работы на тему сегодняшнего дня».

Этим «Письмом к писателям» я хотел сказать, что солдат прежде всего — человек и ему присуще все человеческое. Самое грозное оружие в бою — душа человека, боеприпасы к нему — духовная пища. Для того чтобы понять эту душу, нужно знать ее конструкцию полностью, нужно знать каждую деталь, каждый винтик для того, чтобы снабжать и питать это оружие — арсеналом его является живое слово. Раз мы назвали душу солдата оружием, каждое оружие нужно делить на системы и

калибры. Солдатская масса разношерстна, разносистемна и разнокалиберна. Есть души-гаубицы... а им присылают пули для винтовки, а к мелкокалиберной винтовке вдруг присылается снаряд. Раз продукт творчества писателя мы называем духовной пищей, то и надо давать солдату такую книгу, чтобы ему было легко ее читать, чтобы она вызвала у него смех, напомнила бы ему обо всем человеческом, о достоинстве человека. Об этом, конечно, писать трудно, но нужно. Исходя из этих соображений, я и написал такое письмо. Должен сказать, что 60 процентов и русской фронтовой литературы, которую мы получаем, тоже брак, а наши литераторы-казахи, во избежание брака, решили совсем не писать. Правда, это экономия средств, но ведь в духовной пище солдат-казах нуждается не меньше, чем другие.

Повторяю, очень трудно писать на военную тему. Пока нужно делать эскизы событий, наброски, но чтобы из них было видно, что человек пытался нарисовать. Сейчас нужно писать так, чтобы после войны над этим материалом можно было бы работать несколько лет и придать ему лицо, настоящий облик.

Любая потеря возвратима, но потеря человека невозвратима. Главная сила армии и ее основная ценность — солдаты. Поэтому главное внимание должно быть уделено обучению солдатскому ремеслу. Пренебрежение к солдату, к человеку не приводит к хорошему. Всегда нужно откликнуться на нужду солдата, и поскольку писатели являются основными поставщиками духовных боеприпасов, им всегда нужно быть чуткими в своих произведениях и сознавать всю полноту ответственности в этом вопросе перед народом. Солдат погиб — вся ценность потеряна, сохранить солдата — вот что самое важное. Когда будем говорить о Панфилове — я разовью эту мысль. Для того чтобы не потерять эту ценность — солдата — нужно обучать его и духовно, и физически, воспитывать в нем хорошего воина, обучать солдатскому ремеслу, чтобы он сам не погибал, а врага уничтожал. Для победы нужен духовно здоровый, высокосоциальный советский человек.

Проблема воинского воспитания — есть проблема воспитания от пеленок до штыковой атаки. Родительское воспитание — самая главная стадия дошкольного воспитания. Школьное воспитание, общественно-молодежное

воспитание — самая важная стадия в становлении человека. В общественном воспитании человек нуждается до самой гробовой доски. Ошибочно считать, что взрослого не нужно продолжать воспитывать. Солдат — взрослый человек, но его общественное положение производит его в младшие ранги, и этот ранг в армии требует не менее заботливого отношения и опеки, чем над юнцами. Совершенно недопустимо, чтобы душа солдата паслась на подножном корму. Я считаю преступлением, когда казахи-бойцы на фронте не получают самого элементарного скудного пайка из арсенала родного языка, родной литературы, родной музыки.

Дело военных — обучать призванного в армию гражданина военному делу, технике и приемам боя, солдатскому ремеслу, одновременно продолжая общественное воспитание. Часто мамыши портят человека еще с пеленок. Попадает к нам такой испорченный человек, неужели я могу его исправить в течение двух лет, ведь его портили 22 года? Беда еще и в том, что у нас часть молодежи разболтанная, расхлябанная: старших не уважает, грубит.

Казахская пословица гласит: Ұяда не көрсе, ұшқанда соны іледі (Как тебя воспитают, таким и вырастешь). Если ребенок с мамышей не ладит, в пять лет спорит с отцом, не слушается, растет хулиганом, то он неизбежно становится плохим гражданином и солдатом. Перевоспитать такого человека, привить ему боевые качества — трудная обязанность не только командира. Мало приятного командиру от такого подарка нерадивых мамыши и папаши. Ребенок должен с молоком матери впитать все благородные качества человека, гражданина и тогда из него выйдет и хороший воин. Тогда армия может получить добропорядочного человека, хорошего воина, а теперь мы иногда мучаемся и очень много теряем времени, сил и здоровья на перевоспитание.

Большая роль в воспитании масс принадлежит художникам, писателям, композиторам и другим деятелям искусства. Когда я был на приеме у первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, мы с ним четыре часа говорили о воспитании, национальной воинской культуре и о некоторых пробелах в этом отношении, выявленных войной, плоды которых иногда приходится пожинать. Нужно воспитать до армии хорошего человека. Это очень глубокий вопрос. Вот почему я вынужден писать о солдате. Слово «солдат» нужно понимать не только

в смысле — на войне. Вы ведь не на войне, не на фронте, но тоже солдаты трудового фронта. Нужно видеть человека солдатом с малых лет. Я не имею в виду только человека в серой шинели с винтовкой в руках, а под этим подразумеваю всех тех, кто работает в разных областях деятельности. Это тоже фронт. Слово «солдат» я понимаю в широком смысле. От семейного быта до атаки, в бою, везде нужны бойцовские качества, упорство человека. Военно-боевая деятельность человека — есть только одна их разновидностей нашей борьбы.

Нелегко стать солдатом, военным. Во-первых, потому, что солдат по службе не имеет никаких демократических прав, я говорю — на службе, а не в избирательной системе. В строю нет свободы действий, личной жизни, нет права распоряжаться собою. Солдат лишен всего этого — такова необходимость, такова солдатская доля. Элементы демократизма в армии вредны. Вы можете сказать — это неправильно. У нас некоторые военно-политические работники это оспаривают, но я пришел к выводу, что во взаимоотношениях командира и рядового не должно быть даже элементов демократизма. Есть повелевающий и есть повинующийся — таков армейский принцип командования и подчинения, это необходимость. Никакого равноправия между подчиненными и командиром в строю быть не может. По всей вероятности, после войны будут обсуждать этот вопрос, но я, являясь участником Отечественной войны, имея скромный опыт, убежден, что придется прийти к такому выводу. Мнимое и ложное равноправие в армии будет обсуждаться после войны — в этом я убежден.

Нелегко быть солдатом, нелегко повиноваться чужой воле, но ты должен беспрекословно выполнять приказ, команду, даже если тебе это и не нравится, ты должен молчать и делать. По этому вопросу в моих рукописях есть более или менее обдуманнные формулировки. Тот, кто в моей торке зрения сомневается и интересуется этим вопросом, пусть обратится к рукописи.

Нелегко командиру дисциплинировать войско, добиться повиновения. Я уже говорил о благородных традициях воспитания, повторяться не буду. Исходя из этого я написал письмо Председателю СНК Казахстана о воспитании молодежи, о воинском воспитании нации и о военной культуре, о благородных традициях нашего

народа, формирующих боевые качества в джигите (текст дан в авторской редакции, без изменений.— Прим.ред.)

«Являясь участником, руководителем и наблюдателем более 100 боев, я пережил горечь неудач и радость побед, радость боевого подвига своего лично и солдат наших.

Еще в феврале месяце 1942 года я попытался обобщить результаты личных переживаний, наблюдений за другими, действий отдельного солдата и целого боевого коллектива, по родам оружия, по видам боев и другим психологическим особенностям в общую тему «Мысли о воспитании боевых качеств».

Мне удалось частично изложить свои соображения на бумаге, но за неимением времени до сих пор не представляется возможным закончить начатое, и эти мысли неотступно преследуют меня, как только я освобождаюсь на несколько минут от непосредственной работы.

Я убедился на собственном опыте, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение играют военное прошлое народов и национальные традиции.

Одну из ненаписанных глав своей рукописи в плане я назвал: «Благородные традиции, воспитывающие боевые качества в джигите», в этом личном письме к Вам, как со старшим братом, я хочу поделиться с Вами набросками этой главы.

1. ЭДЕТ И ЭДЕП

Ұяда не көрсе, ұшқанда соны іледі — Как тебя воспитают, таким и вырастешь).

Ұлың өссе ұлы жақсымен, қызың өссе қызы жақсымен ауылдас болғын — Сын растет — будь соседом с хорошим сыном, дочь растет — будь соседом с хорошей дочкой.

Жаным арымнан садаға — Лучше умереть, чем потерять совесть.

Өлімнен ұят күшті — Совесть сильнее смерти.

Қоянды қамыс — ерді намыс өлтіреді — Заяц умирает от страха, а герой — от стыда.

Хочу изложить смысл и значение этих погово-

рок, в выводах сказать, что воспитанность (әдеп) должна быть внедренной в сознание и стать привычкой (әдет) Уважение к старшим, сознание долга и чести, безукоризненное соблюдение общественного порядка, строгое соблюдение законов воспитывают положительные качества, которые носят название благородства, любви к Родине, народу, семье, человеку, жизни. Человек, получивший хорошее воспитание, владеет основой боевых качеств — преданностью, честностью, дисциплинированностью.

2. Игра в асык, жілік, жасырынбақ, жарыс, күрес, ак-сүйек воспитывает в юноше сноровку, ловкость, увертливость, меткость, быстроту, упорство и прочие военные (боевые) качества, необходимые солдату в бою, как воздух.

Опыт убедил меня, что әдепсіздік — әлсіздік, әдептілік — ерлік (невоспитанность — слабость, вежливость — мужество).

3. Сөз тапқанға қолқа жоқ (кто правду говорит, с того и спроса нет).

Бәдік, той, айтыс — есть состязания быстрого мышления и остроумия. Нигде, как в айтысах, не застает человека врасплох многогранная неожиданность. Айтыс, бәдик, той вырабатывали у юношей и девушек импровизаторские способности, любовь к устной литературе и музыке, расширяли их кругозор, они приобретали остроумие и смекалку.

Бой полон неожиданностей. Смекалка и сообразительность — постоянные спутники солдата, обеспечивают победу в условиях, кажущихся иногда безнадежными, в безвыходном положении.

Білек — бірді, ақыл, айла — мыңды жеңеді (сила победит одного, а ум, ловкость — тысячи).

4. Көкпар, бәйге, аударыспақ — традиционные национальные спортивные игры, вырабатывающие смелость, ловкость, физическую закалку, азарт, способность к риску с расчетом, даже способность к самопожертвованию ради чести и славы своей. В благородстве этих игр не может быть никаких сомнений. Эти игры воспитывают благороднейшие рыцарские качества в джигите, столь необходимые для солдата Красной Армии.

Вот краткий перечень этой ненаписанной главы.

Наши «шоқынғандар» пренебрегали этими благородными традициями в воспитании боевых качеств, как «отжившими», они даже преследовались до сих пор людьми негосударственного ума, сидевшими за председательскими столами, в общем потоке «бунтарства» против прошлого.

Это было, безусловно, неумно. Здесь будет кстати упомянуть старую казахскую поговорку «Шала молда дін бұзар» (неученый мулла веру портит).

Вследствие такой оплошности в воспитании некоторая часть молодежи растет неузнаваемо развязной, легкомысленной, хилой, мешковатой, попадают даже трусишки, малодушные, шкурники.

Некоторые не умеют ездить верхом, боятся лошади — просто стыдно называть таких казахами; лепечут какую-то ерунду по-казахски, похожую на какую-то тарабарщину.

Я только перечисляю кажущиеся мне недостатки в воспитании молодежи, убежденно преклоняясь до сырой земли перед положительной стороной воспитательной работы благородных качеств джигитов системой воспитания нашего времени.

Все хорошее в прошлом казахского народа должно восторжествовать в настоящее время. И золотая казна народной мудрости должна стать нашим достоянием, обогатить наши знания и опыт, оказать услугу делам нашим.

Подвиги славных казахских джигитов Едиге, Кобланды, Бекета, Наурузбая, Исатая, Махамбета, Амангельды, Алпамыса и других должны стать традицией современных джигитов — ах, как жаль, что молодежь их мало знает!

Долг службы и совесть воспитателя джигитов-солдат обязывают меня обратиться к Вам с этим личным письмом, так как, по моему личному мнению, — возрождение благородных традиций нашего народа, обогащающих вкладом своим систему воспитания молодежи, немыслимо без вмешательства таких государственных мужей, как Вы.

Извините, что отнял у Вас столько времени этим письмом».

ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВА

Война не является новостью для человечества, и когда я буду говорить о боевых действиях, о бое, то должен предупредить, что я не собираюсь открывать Америку, хочу лишь по-своему обобщить и передать вам виденное и пережитое.

Что такой бой? Мы, сами военные, даем разные определения понятию «бой», даже в уставе Красной Армии имеется шесть определений его, так как со временем все меняется. Я все же буду излагать свою точку зрения, но предупреждаю, что она не является окончательной. Бой — это есть организованное воздействие на противника. (Ведь воздействовать на человека, на группу людей можно по-разному: умом, психикой, силою техники и оружия.)

Итак, бой — организованное воздействие на противника (умом, огнем, психикой), причем огневое воздействие выступает как продукт воздействия умом и как средство психологического и физического воздействия.

Современный бой как тактическое понятие, когда обе стороны насыщены техникой — есть огневое состязание сторон. Организованное применение огневых средств, основанное на принципах уставных требований (обобщенного опыта) принято называть системой огня. На ней зиждется стойкость боевого порядка войны, ибо решающее в современном бою и в обороне, и в наступлении — огонь в сочетании с маневром войск. Победит тот, кто окажет большее огневое воздействие на живую силу и технику противника, кто сумеет взять инициативу, создать гибкое огневое управляемое преимущество, сосредоточить веер траекторий в нужном направлении в нужный момент.

Следовательно, управлять боем — значит управлять огнем, создать массу огня над головой противника, прижать его к земле, ко дну его окопов, траншей, ослеплять и поражать амбразуры, тем самым, беспощадно истребляя вражеские силы, беречь свою собственную силу.

Пехоту беречь только огнем и огнем, очищая и прокладывая ей путь. Огнем, огнем и огнем — только невежда в военной форме может стремиться грудью пехоты пробить огневой щит — полосу смерти перед передним краем обороны противника. (Таких ура-идиотов, к глубокому сожалению, немало.)

Только в бою испытываются все качества человека. Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадаваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою.

Многие из вас читали мою первую повесть «Волоколамское шоссе». Когда я был в Москве, то беседовал с писателями и журналистами — эти штатские люди в военной форме имеют очень слабое представление о войне. Мне сказали, что в первой повести у меня солдат идет в бой не умирать, а жить. Как же, спрашивают, это может быть: кругом летят тысячи пуль, снаряды, осколки, разве можно здесь остаться живым? А я утверждаю, что надо именно так пояснить солдату, но пояснение это обосновать как следует. У многих создается впечатление, что громадное насыщение техникой и средствами истребления — это и есть так называемая мясорубка, раз попал туда, так уже не выберешься.

Я считаю, и написал об этом, что война не является мясорубкой, так как средства истребления сторон одинаковы. Объем истребляемости и способность истреблять зависит от искусства солдат и офицеров. Для умеющих воевать война в некоторой степени лишается поголовно уничтожающего характера.

Основа искусства боя, как уже говорилось, — огневое воздействие на противника, истребление его живой силы, сохранение собственной живой силы. В этом заключается сущность искусства ведения боя.

Идея боя — это выиграть его без потерь, искусство — выиграть бой с наименьшими потерями. Говорят, что в бою много случайностей. В бою нет случайностей, есть неожиданности для противников. Победа или поражение вполне причинны и закономерны. Случайностью прикрывается всякая расхлябанность офицера и солдата, поэтому случайность не может быть оправданием недобросовестной и необдуманной служебной деятельности офицеров и солдат. Но, представьте себе, эти оправдания глубоко сидят в сознании многих. Почему я так пишу? Да потому, что многие ищут оправдания собственной нерадивости в случайности. Нет, война не является оправданием недобросовестных действий офицеров и солдат. Конечно, это касается и не военных. Приведу такой пример: я когда-то, до войны, ехал с Дальнего Востока. Обслуживающий персонал международного вагона был предупредителен и вежлив, а когда некоторое время спустя пришлось ехать, так слышал зачастую грубость. Но ведь вагон тот же, и четыре колеса остались те же. Вот и словом «война» многие стараются оправдать свою расхлябанность. Даже в бою среди солдат и офицеров приходится слышать, что «война влияет на все». Правильно, но это не значит, что должна царить анархия в абсолютном смысле. Говорят: «Ведь мы не на парад идем, а на войну». Кстати, что такое парад? Это — смотр сил. Какая разница между парадом и войной? Настоящий парад, настоящий смотр боевых сил, самое всестороннее, самое жестокое испытание для них — война. Вот на этом настоящем параде, где решается судьба каждого, судьба народов, судьба страны, более всего, чем когда-либо, нужно быть строгим, подтянутым, достойным. И никакой расхлябанности!

Бой не страшен, так как человек воюет с человеком. Если бы человек воевал с каким-то сверхъестественным существом или зверем — это другое дело, но когда человек воюет с человеком, они имеют одинаковые средства воздействия, бой в абсолютном смысле этого слова не страшен.

Я не собираюсь спорить с врожденными трусами, ибо, кто боится, у того двоится.

В бою находят свое предельное выражение и проявление все присущие человеку качества. Эти чувства можно разделить на две группы: высшие чувства — долг, благородство, мужество, отвага, храбрость, геро-

изм; низшие чувства: измена, низость, боязнь, страх, ужас.

Разум, инстинкт, интуиция являются как бы командными инстанциями в человеке. На некоторых вопросах сознания и чувства человека в бою в последнее время заострилось внимание. Рассуждения об этих вопросах идут как в окопах, блиндажах, так и в домах за стаканом чая, в редакциях, в писательских кабинетах. Я хочу изложить некоторые понятия психологического порядка. Думаю, что они пригодятся нам в дальнейшем.

Опыт Великой Отечественной войны еще раз убедил нас, что победа одерживается силою духа, успех зависит от морально-нравственных сил войск. Материальные средства и современная техника являются материальной базой и средствами борьбы. Основа основ — это живой и сознательный человек.

Морально-нравственные качества человека определяются словами — духовная сила. Основными источниками и двигателями духовных сил являются: ум, чувство, воля.

Направленная и целеустремленная работа над этими тремя элементами человеческих качеств является предметом воспитания.

Что такое страх? Это вопрос до некоторой степени проблемный. Многие военные, то есть штатские в военной форме (к ним я отношу корреспондентов, случайных штабных офицеров), отрицают страх как таковой, они даже возмущаются: «Как так? Наша Красная Армия бесстрашна! Как в нашей армии может существовать страх! Наша армия непобедима!» И вот даже здесь, в тылу, мы не отделались от этой болезни. Ни один «бельсенды» не хочет понять, что страх как явление существует везде, во всех армиях (т. е. как чувство, присущее живым, с душой, сердцем, людям). А названные мной люди возмущаются, называют это трусостью, приписывают нам политическую недалекость и прочее. Этот вопрос вызывает очень много споров и среди наших военных, и некоторые пытаются себя обмануть и говорят, что страха нет.

Я хочу высказать свою точку зрения по этому вопросу. Что такое страх? Бесстрашие как таковое вообще в природе не существует. Бесстрашных людей нет на свете. Страх присущ всему живому и вездесущ, свойствен не только человеку, животному, но даже и рас-

енные мысли нашего народа. Многие считают нас, казахов, пастушеским племенем, и даже когда мы стоим в военной форме, на нас смотрят, как на экзотическую фигуру. Надо смотреть на нас как на народ, на людей. Если мы пороемся в своей памяти, оказывается, у нас есть много военных творений. Эту поговорку можно перевести на русский язык так: «Мужу честь дороже жизни», «Благородному человеку честь дороже жизни». «Өлімнен ұят күшті» — «Бесчестье — позор, оно страшнее смерти». «Өмір үшін өлгенше соғыс». «Жаным арымның садағасы». — «За жизнь дерись до смерти». Чувство благородства, чувство совести, чувство гордости — все благородные черты человека помогают нам, бойцам, преодолевать страх внутри себя, а потом и во вне...

Возвратимся к выводу, что страх присущ всему живому, бесстрашие рождается в результате борьбы со страхом чувства долга. А что такое чувство долга? Это чувство благородства, чести, совести — это значит, что человек ограждает себя от всего низкого, то есть лучше с честью погибнет, чем примет позор. Бесчестье — страшнее смерти. Вот на этом поставим точку.

Что такое героизм? Это не врожденное качество человека, а результат правильного воинского воспитания. Тот, кто видит отвагу и героизм в кулачном бою, тот ошибается.

Героизм — не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга, ограждая себя, прежде всего, собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, равенстве, разделить не только благо жизни целого коллектива, но и опасность, стремление обезопасить себя и соотечественников путем наибольшего истребления врага, беспощадного мщения за зло злом, за смерть смертью, за кровь кровью.

Смелость — есть сочетание расчета действия с риском. Риск оправдывает расчет. Без расчета риск не оправдан.

Лихость — есть сочетание ловкости со смелостью. Лихость без ума — самодурство.

Ловкость — результат строго последовательного воспитания (тренировки) ума, быстроты мышления, дис-

циplinированного тела, послушных мускулов для молниеносного действия.

Следующий вопрос — солдат. Это один из самых сложных вопросов. На сегодня справедливо будет сказать, что все произведения на военную тему не раскрывают образа солдата. Солдат в них — некое отвлеченное дитя человечества.

Но вернемся к страху. Приведу один отрывок — «Страх в бою», написанный мной 27 мая 1942 года:

«Бой — испытание всех человеческих качеств, в нем проверяется и решается все.

Бой срывает маску, ложь, напускную храбрость — фальшь не удержится под огнем. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Мужество или совсем покидает, или проявляется со всей полнотой только в бою.

Боец силен своим оружием, но в руках слабого самое мощное оружие бессильно, так же, как сила гигантского богатыря ничтожна перед самым ничтожным оружием стойкого воина.

Стойкость — щит смелых.

Спасение не в бегстве, а в защите и нападении. Кто не защищается, тот погибает.

Без риска нет победы.

Побеждает лишь тот, кто наступает — не ждет смерти, а смело идет навстречу ей, ибо он слишком любит жизнь, чтобы бояться смерти, и во имя жизни и свободы отчизны идет в бой.

В бою жизнь никем не дарится, а завоеывается, бой пощады не знает.

Опасность в бою из мнимой становится реальной, непосредственной близостью — смерть окружает, наступает, атакует на каждом шагу сто, тысячи раз. Рядом падают товарищи, свистят тысячи пуль, воют, жужжат разными голосами мины, снаряды, шлепнувшись о преграду, с сильным треском лопаются, со свистом разбрызгивая во все стороны бесформенные осколки разной величины, режущие, калечащие, убивающие все то, что встречается на пути, острием и скоростью своей, поднимая взрывом своим громадный столб черного, густого дыма взрывчатки в смеси с землей, грязью, щепками и разорванными в клочья телами жертв, превращая мясо и кости в окровавленные кусочки,

кровь — в пыль, оставляя глубокую воронку на земле.

Поле, воздух — все, все дышит смертью. Проходит час — 60 минут, в минуте 60 секунд, в секунду — тысячи смертей, солдату приходится ползти, идти, бежать... Небывалый критический момент в жизни: чувство страха и чувство долга дерутся, царапаются, рвут друг на друге волосы — самые свирепые звери неспособны так жестоко бороться, как эти два чувства: «Ты погиб, твоя молодая жизнь пропала, тебя сейчас убьют или искалечат, изуродуют навсегда, твое тело разорвет в клочья, и никому тебя не найти и не похоронить. Спасайся, прячься, бежим, бежим скорее, бежим...» — говорит чувство страха, тянет, сильно тянет назад, или свинцовой тяжестью прижимает к земле, или хватает за подол шинели — не пускает вперед. Руки бессильно опускаются, палец отказывается нажать на спусковой крючок, зрачки расширяются, глаза чуть не выходят из орбит, бояться не только целиться, но и смотреть. Ноги подкашиваются, колени дрожат. Легкие хватают воздух, задыхаясь неравномерным потоком, захлебываются. Сердце усиленно-учащенно колотится в груди, всасывая кровь вовнутрь, оставляя поверхность мертвецки-бледной, полотняно-белой. Нервы туго натянуты, как струны, — все это говорит: бежим, бежим без оглядки, спастись.

«Ты человек! Ты гражданин! У тебя есть чувство стыда, позора, низости — у тебя есть благородная личная гордость, гордость твоей семьи, гордость твоей нации — чувство долга. Ты не один, не тебе одному выпала эта участь, рядом с тобой твои соотечественники, твои товарищи по оружию, и они не хуже тебя, и они тоже хотят жить, как и ты. Неужели из-за одного тебя твою семью, твоих родителей, твой народ другие будут считать трусливыми душонками! Не накладывай на себя, на семью, на народ клеймо позора, чтобы другие не говорили, что у них слово Родина только на языке, а не в сердце. Не делай, чтобы они стеснялись произносить твое имя и проклинали тебя навеки.

Подумай! Если побежишь, то покроешь себя и свое поколение позором и проклятьем — все и

всё отрекутся от тебя: отрекутся от тебя отец и мать, как от изменника, и будут стыдиться смотреть в глаза соседям. Отречется жена и с горечью будет вспоминать тот несчастный день, когда решится стать твоей женой. Отрекуются дети — милые дети твои — и будут они самыми несчастными из всех несчастных. Они будут стесняться носить твое имя и будут скрывать, кто был их отец. Отрекуются товарищи, земляки, с которыми ты не хочешь поделить горечи, трудности, опасность. Если тебя поймут — то расстреляют как предателя, изменника, предадут справедливому позору, твоей кровью смоят позор коллектива. Расстрелянный, будешь валяться без чести, без совести, как падаль-дохлятина. Подумай, бегство — не спасенье, это низко и тяжело, страшнее смерти.

Тебе никто жизнь дарить не будет, иди, завоевывай сам. Имей честь. Набирайся мужества: хочешь жить — убей тех, кто пришел убить тебя и твоих товарищей, тогда будешь жив. Товарища спасешь — слава и честь тебе. Героем назовут тебя — все гордиться будут тобою.

Быть может, станешь калекой — это лучше, чем быть калекой совести, презренным всеми. Быть может, погибнешь, выполняя свой долг, — вечная память и слава, скажут тебе, с гордостью вспоминать будут. Мужайся! Вперед!» — приказывает чувство долга.

В момент этой внутренней борьбы у солдата, когда чаша весов попеременно колеблется то в одну, то в другую сторону, когда солдат находится под двойным гипнозом этих чувств, большое значение имеет команда. Команда командира, его повелительный, не терпящий возражений тон, уверенная, спокойная интонация — есть приказ Родины сыну, вселяющий в душу уверенность, поддерживающий силу воли, психику, дающий толчок для выполнения долга, вырывающий воина из рук малодушия, позора, вселяющий боевой дух, спасающий гибель его совести от заманчивой, но мерзкой психологии — от чувства страха».

Вот почему выше я говорил: «... управлять боем, управлять психикой...», вот почему неопределимо велико значение команды командира в бою, не только как

средства управления, а как средства, завершающего победоносную борьбу чувства долга над чувством страха.

Преодолев чувство страха, воин среди множества опасностей чувствует себя спокойным (разумеется, относительно), верит в силу своего оружия и разумно, хладнокровно, расчетливо действует на поле боя; иногда, разъяренный чувством накипевшей ненависти к врагу, которую он выстрадал, забывая даже о самосохранении, бросается на опасность и преодолевает ее.

* * *

Что такое мужество? Основа мужества — гордость. Давайте разберем, каковы источники гордости. Опрятность, чистота тела и души порождают личную гордость и самодисциплину, требовательность к себе и окружающим. Внешняя расхлябанность — признак внутреннего убожества человека. Грязь разлагает человека. Неряшливый в быту — неряшлив и в службе, и в работе. Если работник внешне расхлябан, он такой же и в работе; если человек аккуратен, он таков и в работе. Внешняя опрятность — признак внутренней собранности, самодисциплины, требовательности к себе и к окружающим.

Вот на этом мы и остановимся. Что такое личная гордость? Личная гордость порождает отвагу. Негордый отважным быть не может.

Что такое национальная гордость? Национальная гордость есть личная гордость в нации, есть сумма гордости личностей той или иной нации, национальная гордость — нерушимый закон для всех личностей в нации. Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею, — безусловный подлец и бродяга. Уважая себя, можешь уважать других; являясь полноценной личностью данной нации и гордясь своей нацией, ты можешь достойно относиться и к другим народам. К примеру: русские должны быть глубоко русскими для того, чтобы быть интернационалистами. Есть два понятия: национальный дух — это благородная черта, национализм — это порок личности в нации. С этим вопросом надо разобраться.

Некоторые с легкостью путают национальный дух или национальный патриотизм с национализмом. Надо уметь различать национальный дух и национализм. Национальный дух имеет прекрасные свойства, познание своей

нации, и нам надо развивать эти благородные черты. Человек, обладающий национальным духом, глубоко и возвышенно понимает свой долг перед отечеством, перед своим народом и братством народов.

Все народы способны на великое и прекрасное. Великое чувство братства народов подверглось в этой войне большому испытанию, и оно выдержало это испытание. В этой войне ни одна из народностей и национальностей Советского Союза не имеет права воевать хуже другой. Предположим, что один народ плохо воюет: какое же основание уважать этот народ? А тот народ, который воюет хорошо — достоин глубокого уважения.

Каждый солдат задает себе следующие вопросы: «Кто мы были такие? Кто мы есть? Какими мы будем?»

Если кому-нибудь из вас скажут: ваш дедушка был хороший человек, вам будет очень приятно, и поэтому, когда нас будут спрашивать — кто мы, мы должны отвечать так, чтобы чувствовалась гордость за наше прошлое, за наших достойных предков.

Кто мы есть? Кем мы будем? На это нам надо отвечать: неплохие люди есть, а будем еще лучше. И большую роль в этом должны сыграть обучение и воспитание. Что такое обучение? Это — путем муштры прививать технику солдатского ремесла. Доводить все приемы до автоматизма, чтобы солдат действовал, как гимнаст, выполняющий упражнения на снарядах. Воспитание прививает человеку благородный нрав. В воспитании первое — сознательность, это главное, а принуждение — подсобное средство. Воспитание тупой покорности означает, по существу, полную моральную подвластность человека. Нужно склонность к послушанию превратить в мощное и гибкое средство пробуждения и развития человеческого достоинства. Тупая покорность — враг благородной покорности гордого человека.

В армии должна быть строгая дисциплина, основанная на чувстве глубокого уважения человеческого достоинства.

Воспитание мужества: осторожность в верном сочетании с решительностью — основное качество героя. Не обузданная смелость без рассудка — не храбрость, а самодурство, и геройством ее назвать нельзя.

Наши художники позволяют себе такую глупость: нарисуют немца так, что получается какая-то чудовищ-

ная карикатура-страшилище. Вот я солдат, никогда не был в бою, но скоро пойду воевать и смотрю — там зверь-великан, которого и на свете-то нет. И это называется пропагандой; это союз художников помогает воспитывать — ненавидеть, но на самом деле он оказывает медвежью услугу, ибо этим он только пугает молодого солдата. Есть и произведения писателей, в которых немец описывается страшилищем — это ложь. Некоторые говорят, что немцы не люди. Я с этим не согласен и своим солдатам говорю, что это люди, но с развращенной натурой, что в их жилах течет такая же кровь. Нужно убедить бойца, что немца можно проткнуть штыком, убить пулей, что и ему присущ страх. Другая крайность — немца показывают совершенно ничтожным трусом. Будто бы, если один наш боец крикнет «ура», немцы сразу побегут. Я за два года не видал таких немцев. Они сопротивляются, им присущи как страх, так и мужество.

Не следует показывать противника ничтожным, скрывать его боеспособность, его способность к сопротивлению. Всякая карикатурная крайность о противнике не только недостойна, но и уродлива. О противнике нужно говорить правду — только на правдивых примерах можно воспитать и ненависть, и бесстрашие.

Воспитание в данном случае имеет целью выработать в человеке качества воина. Это достигается привитием убеждения, что преданность семье, народу, родине, государству, уважение к старшим, соблюдение законов, порядка, обычаев и традиций неразрывно, органично связаны с личным благополучием, что забота об общественном благе является жизненной необходимостью и духовной потребностью, что только правильное отношение к общественным нуждам (от каждого по способностям) награждается общественным благополучием. Воспитание этих понятий вводится в сознание и вырабатывает самостоятельный характер индивидуума для осознанной деятельности; нравственный облик его должен быть чуждым страху и рабскому поклонению, что и составляет путь безграничной любви и доверия к государству, народу, исходящую от чистого сердца.

Казахи говорят: «Kici елінде султан болғанша, өз елінде ұлтан бол». — «Человек безгранично предан, когда он счастлив, а счастлив он лишь там, где ему верят, где его любят».

Остановлюсь на некоторых психологических понятиях. Как я понимаю, например, что такое «ум», «чувство», «воля» и другие?

Ум — это сила, познающая предметы и явления. Он их тонко различает и определяет, то есть человек, вбирая впечатления чувствами своими, передавая их нервам, быстро обрабатывает их в мозгу, давая ясный ответ, представление или образ происходящего. Работа ума отражает душевное состояние человека. Ее мы часто членим на отдельные понятия.

Мышление — есть высшая ступень познания, отражения объективной действительности, связанная с последовательной обработкой впечатлений.

Уверенность — это ясное представление о предметах и явлениях, отчетливое понимание совершающегося и ясное представление о его последствиях. Уверенность порождает жажду успеха, поднимает энергию, отдает вполне определенные распоряжения или вызывает личное действие — стремление к немедленной деятельности.

Сомнение — есть колебание ума в результате неясного и неотчетливого представления, понимания и обработки впечатления. Сомнение есть разнovidность боязни. Колебание на войне — весьма опасное, часто пагубное душевное состояние, не дающее возможности на что-нибудь решиться, что-то предпринять, доводящее часто до состояния растерянности, когда начинают путать и сбивать с толку и других.

Из практики мы знаем, что сомневающийся командир, как правило, избегает личных распоряжений, передавая свои обязанности заместителям или отдавая неясные, неконкретные приказания общими словами, страхуя себя от последствий отговоркой, что его «подчиненные просто не поняли». В народе это называется «с больной головы сваливать на здоровую». Я сам лично трижды чуть не пал жертвой несостоятельности ума моего начальника, что помогло мне разобраться в понятии «сомнение».

Память — это способность ума воспринимать, сохранять и воспроизводить по своему желанию пережитые впечатления. В военном деле память служит основанием опыта. Она сортирует, обобщает явления для дальнейших полезных действий, учась на уроках удач и неудач. Конечно, личный опыт — великое дело, он оставляет

глубокий след в мозгу, но все же он узок, поэтому должно особо уделять внимание памяти и опыту других, изучению и обобщению его, это является долгом любого мыслящего офицера, средством к его личному росту. Нам справедливо предлагается учиться на опыте, изучать и обобщать опыт других.

Скука — отсутствие умственных интересов, отсюда малые способности и слабая деятельность. Скуку порождает назначение на должность не по призванию, на работу, чуждую природным данным. Народ говорит: «Насильно мил не будешь», «Не в свою колею попал», он чувствует себя «не в своей тарелке». Всегда следует избегать возможных противоречий природных данных, дарования человека со служебными требованиями. Отсюда закономерно требование изучать кадры с целью определения, кто к чему способен, кого и где целесообразно и выгодно использовать, а не вообще назначать. Недоучет всего этого приносит огромный материальный ущерб и ненужные жертвы, которых можно было бы легко избежать при правильном распределении и умелой расстановке кадров (включая и рядовой состав).

Рассеянность — в основном есть разновидность скуки, отвлеченности, несправедливости мышления, безразличного восприятия явлений, отсюда, как следствие, пассивность, слабая деятельность и тому подобное.

Мечтательность — размышления о несбыточном, но все же страстное желание. На войне мечтательность часто является двигателем, наталкивающим на творческий путь в решении реальных задач.

Притворство — ложное, искусственное создание впечатлений, на войне — самое великое несчастье, пагубный обман.

Лицемерие — искусственное сочувствие, понимание, признание, единомыслие — стремление выдать ложное за истину, скрывая последнюю. Все это является часто результатом того, что «попал не в свою колею». Верным средством преодоления лицемерия, еще лучше — недопущения его, является ликвидация причин, породивших такое, при формировании части или назначения на должность товарищей-офицеров. При невозможности — отучить методом принуждения.

Чувство — определенное состояние тела и души, то есть наша способность воспринимать внешний мир и

реагировать на него. Чувства бывают: физические, или как иногда их называют — низшие, то есть те, которые определяются физическим состоянием организма (чувство боли, жажды, голода, холода и пр.). Духовные, или, как иногда принято называть, высшие — то есть возбуждаемые отвлеченными представлениями — чувство любви, ненависти, злобы, гнева и такие понятия, как истина, чувство справедливости, правды, лжи, и тому подобных.

Впечатление — приятное или неприятное ощущение, вызывающее возбуждение или угнетение психики человека, которое порождает или вызывает подъем или упадок сил и энергии, влияя непосредственно на деятельность, как физически, так и в духовном смысле этого слова. Нам важнее всего знать, изучать и понимать высшие проявления чувств как моральных факторов и нравственных основ в воинском воспитании боевых качеств.

Долг — это высшее интеллектуальное понятие, вобравшее в себя ум, чувство, волю, совесть, честь, справедливость, правду, любовь, противопоставляя им противоположные явления в человеческой деятельности.

Ранее я более подробно говорил о долге, здесь же считаю необходимым попутно остановиться на следующих определениях: сознание долга называется совестью. Совесть — нравственное понятие, определяющее, что такое добро и зло, правда и ложь, справедливость и прочее. Это чувство душевного равновесия, регулирующее деятельность человека в зависимости от его представления об истине, правде и справедливости, определяющее, насколько выполнен или невыполнен долг (отсюда рождается то бодрость, то угнетение), указывающее, от чего следует воздержаться, что надобно делать.

Короче говоря, совесть — контролер долга, регулятор человеческой деятельности.

Гордость — есть сознание личного достоинства. Желание ценою даже жизни сохранить достоинство, высокий моральный дух называется честью.

Стыд — сознание непозволительности совершенного поступка.

Запятнанное самолюбие, униженное достоинство морального духа — позор.

Уверенность на войне, в бою — чувство превосходства над противником, чувство собственного достоин-

ства. Уверенность достигается знанием дела и подъемом воинского духа.

Воодушевление — подъем душевных сил, стремительный поток энергии, бодрости. Средствами воодушевления войск являются: воздействие обаянием, чуткостью, уважением человеческого достоинства, личный пример начальника, советы, доходчивые разъяснения, простая задушевная речь, остроумие, уместная шутка, игра, музыка, пение боевых и других песен, танцы, пляски и иная самостоятельность в подразделениях. Последней необходимо уделять особое внимание, так как солдат больше воодушевляется, чувствует себя свободнее в этой немудреной затее своих сослуживцев, чем на представлении профессиональных артистов, где он ощущает себя все-таки больше зрителем и смотрит на них именно только как на профессионалов.

Взаимная выручка или чувство коллективизма — важный и обязательный элемент воинского долга, благородная черта стадного — общественного чувства товарищества. Способность сочувствовать товарищу в беде есть результат воспитания в человеке чувства помогать в достижении общей цели, стремления всеми силами и способностями своими не допустить разрушения боевого коллектива, сознавая, что гибель товарища означает прямую угрозу ослаблению его, уменьшает шансы на достижение общей цели и личное самосохранение.

Это чувство является моральным основанием командования и подчинения, боевой спайки, боевого содружества, оно основано на принципе «один за всех и все за одного».

Таким образом, офицеры обязательно должны уделять особое внимание воспитанию, привитию и укреплению у солдата этого чувства единства, ведущего к общей цели. Укрепляют и развивают его народные воинские традиции, а также единая форма одежды, единообразие обучения приемам боя, внушение единства целей, сознание, что слабость подразделения — его слабость. Позор подразделения — его позор. Слава подразделения — его слава. Честь подразделения — его честь. Неудачи подразделения — его неудачи. Успех — его успех. Боевой коллектив, в котором он находится, — его семья боевая, с судьбой которой неразрывна связана его личная судьба и участь.

Здесь я не привожу ни одного абзаца из прежних моих записей о страхе, но все же в дополнение к ним считаю необходимым сказать несколько слов в порядке классификации этого присущего всему живому чувства.

Боязнь — чувство, порождаемое ожиданием боли, страдания и прочих неприятностей.

Страх — чувство, вернее, состояние ожидания возможно смертельного исхода и прочих сильных неприятностей и физических страданий.

Ужас — последующий рост страха, парализующий сознание и чувства своей неожиданной внезапностью, доводящий человека до состояния остолебения, оцепенения, превращающий его в бесчувственное существо — живой труп, мускулы и нервы которого перестали служить, иначе говоря, полная дезорганизация человеческого «Я».

Паника — распространение страха на толпу.

Боязнь, страх, ужас, паника вызываются теневой стороной инстинкта самосохранения, жадой спокойной жизни и безопасности.

Эти чувства понижают работу ума и воли, разрушая нормальную деятельность органов чувств, вызывая судорожное сокращение мускулов, частое сердцебиение; они делают возможным потерю управления умом, чувствами, лишают воли, уравновешенности, человек попадает во власть низких чувств, животного инстинкта самосохранения.

Эти чувства, присущие всему живому, легко подавляются и уничтожаются противоположными душевными силами — интеллектом, высшим сознанием человека — мужеством, самообладанием, сознанием собственного достоинства, долгом, совестью, честью, строгой воинской дисциплиной, личным примером командира, властной его волей, его авторитетом, повелительной интонацией в голосе при отдаче команды и распоряжения, способной рассеять страх и породить уверенность у подчиненных, памятуя, что солдат всегда думает: там, где командир, меньше опасность; раз не боится командир, значит, не предвидится ничего страшного, но раз трусит командир, нет в нем уверенности, значит ожидается нечто грозное, страшнейшее.

Эти чувства вызываются преимущественно неожиданностью, внезапными действиями противника врасплох

и сознанием возможности быть убитым, которое разрушительно действует на психику. Вот почему воинский устав придает большое значение и отводит первое место вопросам боевого обеспечения, непрерывной разведке и охранению, как имеющим огромное значение и в моральном отношении.

Властное и определенно ясное приказание и команда при первых же признаках страха действуют отрезвляюще, восстанавливают равновесие духа и возвращают мужество даже застигнутым врасплох и давшим «драпака».

Только умение правильно воспитывать, воздействовать на психику подчиненных и разумный приказ являются верными средствами предупреждения и недопущения, предотвращения страха, угрожающего чести оружия и знамени, жизни бойцов, спасения их от бесчестия и позора.

Отчаяние — чувство, сознание совершенной безнадежности и безвыходности положения и ожидание неминуемой гибели.

Так как для военного (такова его профессия) утрата жизни является нормальным следствием его ремесла, и воинский устав требует воспитывать способность к самопожертвованию, когда это продиктовано обстановкой боя, возможность личной гибели не может служить оправданием для военного (как это бывает со штатскими людьми). И хотя, казалось бы, сознание, что личная гибель не столь печальна, сколь велика эта жертва для большего блага — победы над врагом, исключает для военного понятие отчаяния, все же оно до известной степени является общим чувством для всех (так как солдат живой человек и ему также присущи все человеческие слабости) с той лишь разницей, что возможность личной гибели для военного не является неожиданностью, он ежедневно, с минуты на минуту ждет ее, находясь на поле боя. Любая неожиданность не должна вызывать в нем оцепенения, а, наоборот, побуждать на еще более энергичные действия и работу ума, воли и чувств. Жажда жизни, страстное желание выжить, победив смерть, — есть главная движущая сила в бою, делающая человека способным презреть смерть, заставляющая идти навстречу ей, с глазу на глаз с неудержимым гневом умерщвлять смерть именем жизни. Жизнь — знамя солдата.

Вот почему я утверждаю, что солдат идет в бой не умирать, а жить, что надежда на жизнь согревает сердце солдата. Он и умирает для того, чтобы жить...

Дерзновение — благородный порыв, когда воин решается на все, на самое невозможное, готов с честью принять гибель. Воля вырывается из тисков безнадежности и берет верх, инициативу над всеми душевными и физическими чувствами и ведет по пути, который неведом противнику, уверенному в невозможности такого поступка и в обреченности своей жертвы. Дерзновение является для противника совершенной неожиданностью, действует на него ошеломляюще, прежде всего морально, и он, изумленный и пораженный решительностью, лишается способности немедленно что-то предпринять. И молниеносный эффект находит свой результат, сменяя отчаяние торжеством, хотя это и может быть связано со смертью, но такое редко случается с дерзавшим.

Итак, для военного, в конечном счете, нет отчаяния, безнадежности, надежду теряет лишь тот, кто никогда не владел ею по-настоящему. Умітсізден, уміт қашады, умітті асқар таудан асады (от пессимиста надежда убегаёт, оптимист горы перешагнет), как наставляют казахи.

Патриотизм — любовь к отечеству (государству) — осознание прямой зависимости личного благополучия от общественно-государственной безопасности, признание своей зависимости от государства, того, что укрепление государства есть укрепление личности. Короче, патриотизм объединяет понятие государства во всех его отношениях с личностью, с ее прошлым, настоящим и будущим. Только любовь к отечеству может служить моральным оправданием убийства на войне, нравственным основанием военного дела.

Всегда следует избегать толкования патриотизма отвлеченными словами, общими местами без связи с интересами личности — подданного государства.

Необходимо отметить один из важных элементов патриотизма, неизбежно сопутствующий ему. Это национальный дух или национальный патриотизм — любовь к своему народу, с которым личность связана кровным единством и общностью происхождения, территорией, языком, бытом, нравами, психологическими и этнографическими особенностями, сложившимися историческими традициями, имеющими вполне определенные и

самостоятельные, отличные от других качества и особенности. Со всем этим нужно обязательно считаться и знать, для того, чтобы направить это чувство в общее русло понятия патриотизма, любви к отечеству, к нации, используя его как могучее средство воодушевления войск.

Современный бой политически есть бой объединенных наций, в котором принимают участие с оружием в руках все народы нашего Советского государства. Только совместными их усилиями достигается успех.

Каждый командир должен проникнуться мыслью о безусловной необходимости повседневной, практической и правильной работы над развитием чувства патриотизма.

Совершенно недопустимо и очень вредно такое ошибочное и невежественное отношение, когда некоторые представители из среднего слоя великой русской нации думают и относятся к другим нацменьшинствам, как к людям «второго сорта». К сожалению, этим самым они оскорбляют в первую очередь, и прежде всего, великое достоинство своей нации, меняя главенствующее величие высокой идеи на знамени нации на нечистоплотную мелкость шовинизма. Это зло в отношении русских товарищей Калинин назвал «русотяпством».

В практической работе следует всегда помнить, что ни в коем случае не следует путать понятие национализм и национальный дух, имея в виду, что первый в своей основе несет антагонизм, а второй предполагает любовь и уважение к другим народам через любовь к своему народу.

В некоторых республиках не сохраняются основы национальной культуры и языка, что не делает чести их руководителям и коммунистам в первую очередь, ибо марксизм не допускает мысли об уничтожении этой основы, а, наоборот, предполагает развитие во всех отношениях национальной по форме, социалистической по содержанию культуры в интересах общечеловеческих, поэтому те, кто допускает раздробление этой основы, заслуживают всяческого осуждения и справедливого упрека.

Зависть — сознание превосходства другого и собственного бессилия и никчемности. Успешная деятельность, физические достоинства, а также материальные блага у других вызывают зависть, так как каждому

присущи стремление к деятельности, самомнение и уверенность, что он не хуже остальных.

Успешная деятельность является результатом превосходства и находит свое выражение в форме славы, известности, популярности, общественного влияния и тому подобного. Все это у завистника вызывает раздражение и душевные страдания, моральный гнет, от которого он старается избавиться путем унижения соперника клеветой, распространением разных небылиц, замалчиванием его полезной деятельности и справедливых заслуг. Завистник по своему облику всегда ниже того, кому завидует, или, на языке военных, доносчик и не стоит мизинца того, на кого доносит. Надо проверить скорее личность доносчика, чем человека, на которого он донес. К сожалению, у нас поступают иногда наоборот.

Завистник — противная и вредная фигура, особенно в армии, так как он способен на неблагородные поступки и даже преступление. Даже пассивная деятельность завистника, выражающаяся в замалчивании заслуг и всяких препятствиях к общественному признанию полезной деятельности других, очень вредна. Она понижает продуктивность работы талантливых и способных людей, тем самым наносит огромный вред делу и общим интересам.

Честолюбие в первоначальном понятии — любовь к чести и основной двигатель воли. В отрицательном понятии — безнравственное стремление к славе. Стремление достичь похвалы, известности ценою безнравственных выдумок, ложной деятельностью, преувеличением действительно происходившего, выпячиванием своих заслуг. Единственным средством против честолюбия является суровая справедливость, умение тонко различать, находить и видеть отвагу. Каждому человеку присуще желание получить одобрение от сослуживцев и начальников за его полезную деятельность. Удовлетворять это чувство требует справедливость. Оно вдохновляет, придает энергию, повышает продуктивность работы. Ведь каждый жаждет внимания к себе, солдат хочет быть вознагражденным за свои старания не столь ценностями, сколь вниманием командира — представителя народа, государства, которому он так верно служит.

Скромнее солдата существа нет. Будьте чутки, внимательны и справедливы к нему. Параграф 14 полевого

устава требует от бойца огромного напряжения всех сил, поэтому командир обязан проявлять в любых условиях заботу о нем. В уставе записано: «Знание своих подчиненных, постоянное личное общение с ними, внимание к их боевой жизни, подвигам и нуждам обеспечит командиру боевую спайку части (соединения) и успех в бою».

Много говорят о толпе. Что такое толпа? Толпа не армия, и армия не толпа. Итак, толпа — скопище людей. Сбор по различным причинам вследствие разных побуждений.

Сбор людей с определенной целью и задачей, с соблюдением дисциплины, установленных порядков и правил принято называть организованными группами, обществом, по той простой причине, что вся деятельность участников планомерно подчиняется целям и задачам данного сбора, собрания.

Отсутствие единства, целеустремленности, организованности, стихийный сбор в силу низких психологических побуждений, отсутствие ясной, единой цели участников — есть понятие «толпа», справедливо вошедшее в наше сознание, как символ неорганизованности.

Потеря управления, то есть организации, дисциплины, следовательно единства и планомерности совместных действий превращает любую организованную группу людей в толпу, и большая группа людей становится легкой добычей малой по количеству организованной группы, и при первом же ударе рассыпается, лишенная способности к сопротивлению.

Практика убеждает, что иногда терпят поражение не потому, что мало сил или техники, а лишь потому, что нет организованности, управления объединяющих в единое русло усилия многих в достижении единой цели, или управление в силу каких-то причин потеряно.

Человек в этом хаосе совершает ряд бессмысленных, непоследовательных действий, теряется в толпе, как личность. Сознание, что найти ответственного за деяние толпы невозможно, порождает дурные побуждения, толкает на нарушение долга, на преступление, создает полную безответственность, в то время как в организованном обществе человек боялся бы это совершить.

Ввиду неспособности рассуждать, толпа легковерна и весьма легко поддается внушению, поэтому властное,

волевое распоряжение рассудительного человека, отданное с уверенной интонацией в голосе, в форме безотлагательного требования приводит толпу к моментальному повиновению воле вожака. В вожаке сосредоточиваются ум толпы, воля толпы, чувство толпы, что дает безропотное повиновение.

На поле боя вожак — человек действия, а не рассуждения. Он действием подчиняет волю.

Воля, как основная движущая сила, составляет основу деятельности, находит себя и развивается, объединяя частные воли в общую силу, создавая органическую независимость воли подчиненных воле начальников, то есть повинующихся и повелевающего. Общая твердая воля, выразителем которой является командир, дает всем возможность равномерного, уверенного действия, повышения твердости, стойкости и энергии в соответствии с обстановкой.

Слабая воля командира лишает подчиненных устойчивости, разрушает равномерность действия, раздробляет духовные силы и материальные средства борьбы, создает беспорядок. Слабая воля командира чаще всего проявляется в частой отмене приказов или неопределенности, неконкретности, туманности в распоряжениях и личных действиях.

Общая твердая воля — спутник победы. Слабая воля — предвестник поражения. Недаром говорится: «лучше иметь стадо баранов под командованием льва, чем стадо львов под командованием барана».

Армия — государственная вооруженная сила, организованная, дисциплинированная для защиты государства от внешних и внутренних врагов, где духовные и физические силы человека подчинены строгой дисциплине.

Работа ума, чувства, воли в армии находят развитие и проявление в специальном (военном) направлении познания военного дела и выполнения специальных военных обязанностей. Обобщение, направленность и целеустремленность людей в армии как организованной силы зиждется на подчинении и командовании, имея в своей основе сознание воинского долга.

Армия объединяет все частные воли в общую волевою силу, органически создавая зависимость подчиненных от начальников. В армии существует общая воля, выразителем которой является командир.

Следовательно, армия — самая сознательная и разумная группа людей, которая проникнута высокими, благородными чувствами, твердой волей, прекрасной организованностью. Здесь несколько слов скажу о том, как я понимаю волю и сопутствующие ей чувства.

Воля — способность к самостоятельному здравому и разумному решению и проведению его в жизнь, то есть согласованные действия ума и чувств, подчинение последних первому.

Твердая воля заглушает страх, тяжелые впечатления боя, преодолевает утомление, голод, холод и прочие невзгоды и физические страдания, подчиняет себе солдат, посылает себя и других на опасность для достижения цели. Короче говоря, воля есть двигатель, средство преодоления препятствий на пути к цели.

Храбрость — умение вести себя на поле боя в строгом соответствии с занимаемой должностью, воинским званием, обстановкой в интересах выполнения задачи.

Обычно принято понимать под храбростью необычайно сильное повышение деятельности нервной системы, подъем физических и духовных сил, чтобы достичь цели хотя бы ценою личной гибели, что мне кажется не совсем, не всегда и не везде верно. Такие действия чаще всего относятся к понятию решительность. Совокупность ума, воли, энергии, самообладания, настойчивости, инициативы, решительности характеризуют понятие мужество.

Трусость — отсутствие воли и самообладания, вследствие чего — забвение воинского долга, чувства собственного достоинства, проявление темных сторон инстинкта самосохранения.

Нерешительность — колебание силы воли, доводящее до растерянности и бездействия. Устав требует и наставляет, что лучше принять какое-либо решение, чем не предпринимать ничего. Упрека заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг цели, а тот, кто, боясь ответственности, остался в бездействии и не использовал в нужный момент всех сил и средств для достижения победы.

В воспитании качеств настоящего воина большое значение имеют традиция и дисциплина.

Традиция — документальные, словесные предания

(легенды) о воинской доблести в прошлом, в характере данной части в настоящем.

Новобранцы очень восприимчивы и впечатлительны, на них очень сильно действуют примеры старых служак, разговоры, рассказы, образы и внушение. Всякому человеку присуще желание подражать героям. Воспитание на принципах подражания примерам героев прошлого и настоящего формирует у новобранца традиционные представления и понятия о воинской доблести и стремление быть не хуже и службу нести, не хуже чем его предшественники, о которых вспоминают с благодарностью, рассказывают легенды, поют песни и возвышают как образ.

Сохранять, укреплять и умножать традиции — святейший долг и обязанность командира перед памятью предшественников, украсивших знамя славой ценою крови и жизни.

Воинская доблесть — самоотверженная решимость одержать победу, не считаясь ни с чем. Воинская доблесть складывается из дисциплины и мужества, умения, здоровья, силы, бодрости. Военачальник должен стремиться сберечь живую силу и материальные средства, то есть сохранить моральную, материальную и физическую боеспособность при решении боевых задач с наименьшими потерями.

Дисциплина — объединение всех сил подчиненных на почве долга. Сознание чувства воина создается воспитанием у солдата желания отличиться безупречным выполнением служебных обязанностей, весельем, бодростью, подъемом энергии, опрятностью, подтянутостью, как признаками внутренней собственности, внешним блеском, как признаком любви к чести, дисциплинированностью как признаком верности долгу, вежливостью, как признаком благородства, вспыльчивостью, как признаком решительности, задором, как признаком смелости, упрямством, как признаком воли и стойкости, самовлюбленностью, как признаком любви и чести.

* * *

Ум дан многим, а сердце не всем. Надо самому осознать и разъяснять другим, что война помешала многим выйти на широкую дорогу счастливой, созида-

тельной творческой жизни, зачеркнув мечты молодости, так доходчиво, чтоб в сердцах каждого горело желание в любую минуту быть готовым к подвигам и самопожертвованию, без раздумья и сожаления, если этого потребует обстановка.

Командир кровно связан с солдатами, которых он ведет в бой, и всем (и победой) он обязан им, поэтому на них он должен смотреть прежде всего как на боевых друзей, быть вожаком, бойцом большой души, сильной воли.

Главное в боевой дружбе — взаимопонимание, уважение человеческого достоинства, стремление справедливо возвысить подвиги товарища, тем самым самому подняться до больших героических дел.

У командира много обязанностей. Главная из них — воспитание и установление дружбы бойцов и укрепление товарищеских уз, спайка подразделения. Сила части в боевой дружбе, товарищеской спайке.

* * *

Я дал краткие определения всем этим элементарным понятиям. Они будут дополнены примерами из боевой жизни и при необходимости — комментариями. А пока сделаю краткий вывод обо всем сказанном.

1. Ум — познает, выясняет, дает задачу, планирует, указывает способы и методы действия и средства к достижению цели.

2. Воля — приводит в действие средства, выполняет распоряжение, поддерживает энергию, то есть, воля есть сочетание: способности самостоятельного решения, способности практического проведения в жизнь принятого решения.

3. Чувство — увеличивает полезную деятельность, повышает или понижает продуктивность работы до высшего напряжения или упадка, бездействия.

4. Совесть — судит о том, в какой мере выполнен долг, вызывает душевное состояние и деятельность — увеличение или уменьшение энергии, как следствие, бодрость (гордость), чувство сознания выполненного долга или угнетение, подавленность угрызением совести под тяжестью стыда за невыполненный долг.

Каким должен быть командир, офицер? Офицеры делятся в основном на три категории. Я имею в виду строевых, а не штатских в военной форме, которые тоже носят погоны. Итак: офицеры ближнего боя; офицеры тактического соображения и назначения; офицеры (генералы) оперативного мышления и назначения.

В военной литературе вы такого разделения офицеров по категориям не найдете, во всяком случае, я не встречал. Может быть, это грубо, однако так можно распределить. Каждый офицер из этой группы имеет свое место в боевом порядке, свое место в бою. Разница заключается в масштабах руководства, в соображениях и назначениях в службе. Для какого объема дел офицер предназначен, каков круг его обязанностей.

Командир — мозг войск, организатор боя, творец побед. Когда я пишу или говорю о командире, я хочу доказать, что командир — творческая личность. Мы называем литераторов, художников, композиторов людьми творческого труда, но так как мы говорим, что бой и война это не только наука, но и искусство, то почему организатор этого искусства не является творцом, почему мы его не назовем творческим человеком. И на самом деле, командир — это человек творческого труда. Отвага командира — в его уме и непоколебимой, непреклонной воле.

Среди прочих занятий командира главное: думать, думать и думать. Офицер должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума. Как гласит казахская поговорка, «штыком убьешь одного, а умом тысячи».

Основная обязанность командира до боя — прививать мужество своим подчиненным. Основная обязанность командира в бою — не умирать, а выполнять поставленную боевую задачу, экономно расходуя для этого все подвластное ему, сообразно обстановке, с учетом реальных сил и возможностей, с наибольшим напряжением энергии.

Действия командира всегда должны регламентироваться, сочетая в себе: служебную необходимость; общую целесообразность (не только с точки зрения вы-

годы для своей части или подразделения, но и для других частей); личную заинтересованность (я имею в виду служебную заинтересованность), если командир не заинтересован в проведении того или иного задания, то не вложит в него всю свою душу.

Командир не может быть однозначным, несолидным человеком, он должен глубоко понимать, что такое служебное самолюбие и себялюбие, он должен отличать служебный эгоизм от личного эгоизма. На его вооружении должно состоять простое боевое слово, задевающее за живое солдат своей правдивостью, задушевной простотой. Помните казахскую поговорку: «Сөз сүйектен, тайяқ еттен өтеді». — «Острое слово — разит, а палка только бьет». Простота бывает: простота в одном случае — глубина, в другом — пустота; иначе: прост да умен, или прост да глуп. Я имею в виду первое.

Командир должен чувствовать возложенную на него ответственность, не защищать частные интересы вне интересов общих. Командир не должен быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности, однобокость — порок офицера. Командир должен сочетать в себе эти качества. На свои личные достоинства он должен смотреть через призму критики. Командир должен умело применять все меры воздействия на бойца, не унижая его человеческого достоинства, действуя на его чувства, совесть, психику, а это целое искусство, к овладению которого должен стремиться любой здравомыслящий командир. Солдат должен быть в центре его внимания. Офицер должен знать его нужды, душу солдата. Когда я говорю о нужде, то имею в виду не питание, не материальную сторону, а душу человека, умелый подход к нему. Следовательно, командир должен работать умом — дисциплинированно, настойчиво, последовательно и целеустремленно. Трагические моменты войны требуют от командира суровости и беспощадности ко всякому неповиновению и беспорядку. Война не терпит беспорядка и неповиновения. Суровость должна доходить до смертной казни виновника, без колебаний, если этого он заслужил. Это самое гуманное и самое человеческое, а не сумасшествие. Не гладить же по головке человека, который допустил невозможные вещи — трусость или измену. Потакание — слабость.

Убивать труднее, чем умирать самому. Когда рас-

стреливаешь труса или изменника из своих — это очень тяжело, и в командире-человеке происходит ужасная внутренняя борьба. Человек, преодолев ряд внутренних и внешних трудностей, приходит к выводу о расстреле — это самый трагический момент, для совершения которого нужно мужество.

Строгость и требовательность командира должны быть осмысленными, а всякие словесные нотации, окрик не являются строгостью, а самодурством. Строгость и требовательность должны быть справедливыми, не выходящими за рамки гражданского поведения, воинского такта, ни в коем случае не унижающими достоинства человека-солдата.

Итак, командир является воспитателем солдатских масс, он должен придерживаться правила: учи не гневом, а умом. Чем продиктовано это правило? Попадают такие люди, которые привыкли учить гневом. Если у бойца не все в порядке, начинают на него кричать и оскорблять. Правда, иногда и без крика не обойтись и не добиться желаемого, но все это нужно делать осмысленно. Вот отсюда и вывод: учить надо умом, а не гневом.

Каждый солдат нуждается в теплом слове за свои старания. Следовательно, командир должен придерживаться правила: не хвалить без меры и не терзать без вины. Из чего исходит это правило? Если хвалишь человека, значит, он приобретает славу, но слава имеет двойкий характер: для глупых — способствует стать круглым дураком, для умных слава — большой тяжелый груз.

Если человек приобрел какую-то известность, следовательно, он превращается в образ, в человека, которому его собственное «я» уже не принадлежит. Все внимание он должен уделять долгу, а личное для него, до некоторой степени, перестает существовать. Власть тоже опасна. Если власть дана умному — умный руководитель, если глупому — самодур, особенно опасный на войне.

Был такой случай, когда один старший лейтенант, действуя в тылу противника, частично выполнил задание. Фамилия его Малярчук, а его прозвали «зробила», потому что он, давая донесения, говорил так: «Зробилы три блиндажив». Задание-то он выполнил, однако, вер-

нул, оставив нескольких бойцов из своего подразделения в тылу противника. Часть из них примкнула потом к партизанам. Как солдат он совершил подвиг, а как командир — преступление. Но хотя этот лейтенант был не совсем развитым человеком, его пришлось наградить медалью «За отвагу». Если бы это был настоящий офицер, то я, конечно, отправил бы его в штрафной батальон, а так как он был «зробила», то я ему простил. Наш «зробила» — плохой лейтенант, он даже топографии не знал. У него не было представления о масштабе карты, он совершенно не мог ориентироваться по компасу. Он выполнил задание, уничтожил противника, но где он был — по карте показать не смог. Он вложил в это дело всю свою душу, все, к чему был способен, а предъявить ему обвинение в том, что он не знает топографии, что не только по компасу, но и по звездам ему не вывести часть — я не мог. Поэтому я сказал: «Если он порядочный старший лейтенант, то он заслуживает дисциплинарного батальона, а раз он такой и есть, то за храбрость он заслуживает награду за свой подвиг, как солдат».

Командир должен уметь воздействовать на совесть солдата, побуждать его к благородным порывам, учить и уметь учиться у подчиненного. Это я подчеркиваю потому, что многие начальники, не только военные, может быть, и гражданские, считают ниже своего достоинства учиться у масс. Для командира его подразделение является академией. Мое подразделение, мой полк были моей академией. Солдатская масса это народ, и вполне сложившийся. Солдат говорит умные слова, к нему надо прислушиваться, его надо не только учить, но и у него учиться. Для командира опыт сегодняшней неудачи должен стать предвестником завтрашних удач, то есть, если сегодня вы потерпели неудачу, найдите причины этому, чтобы в следующий раз ошибку не повторить. То же самое — после удачного боя. Командир должен воспитывать своих подчиненных, придерживаясь правила: «Не торопись умирать, а учись воевать». Воюя, учись, закаляйся и мужай. Такое чувство командир должен воспитывать у своих подчиненных.

Личный пример в бою. По этому вопросу не только у других, но и у нас, военных, много различных точек зрения, из-за чего мы потеряли немало наших кадров. Это было и во всех предыдущих войнах.

Я уже говорил, что обязанность командира не умирать, а выполнять поставленную перед ним боевую задачу. Мы в начале войны имели ненужные жертвы.

Что же такое личный пример? Это средство управления и воздействия на бойца и на подразделение. Личный пример призывает: «Делай так, как я делаю». Дадим следующую формулировку: личный пример есть средство управления в бою и оправдывается он лишь в том случае, когда действительно необходим. Он должен быть заразителен своей кричащей демонстративностью и действовать наверняка, увлекая за собой остальных.

Личный пример — это инициатива. Я здесь немного отклонюсь. Лежит рота, людей надо поднять в атаку. Противник неизбежно встретит огнем, огнем щитом. Командир подает команду: «В атаку, вперед!» Я пока не встречал такого, чтобы люди сразу поднялись по команде и пошли в атаку. И это вполне закономерно: кому хочется умирать? Поднять людей в атаку — это самое трудное. Стоит подняться только одному смельчаку, и поднимется вся рота. Конечно, когда идут в атаку — вся рота смелая, но кто смелее? Тот, кто поднялся первым. Исходя из этого, следует формулировка: инициатива — вот как смелости. У солдат бывает стадное чувство, которое многие презирают. А я считаю, что в таком случае это благородная черта боевого содружества коллектива. Тот, кто первый поднимается в атаку, несмотря на смертельную опасность, тому обязаны успехом, которого добилась рота. Может быть, он сам в этой атаке никого и не убьет, но он поднялся первый и его надо за это наградить потому, что дело не в том, сколько врагов он заколол в этой атаке, а в том, что он показал пример, поднимаясь первым, тем самым увлекал за собой остальных. Конечно, стыдно отставать от него, и остальные поднимутся и пойдут в атаку. И даже тот, кто совершил героический поступок уже в атаке, тот также обязан первому поднявшемуся. Если личный пример не является заразительным, то это не личный пример, он не нужен потому, что свою цель не оправдывает. Показывать такой личный пример командиру не следует, рисковать ему не нужно. Если командир при этом погибает, то можно сказать только, что погиб он по глупости, потому что не было необходимости показывать такой пример, а он увлекся и не оправдал своего

назначения. Отсюда вывод — особенность личного примера в бою: командир должен быть осторожным и показать пример так, чтобы все его видели и тогда, когда это необходимо.

Основу руководства и управления войсками (правда, это слишком громко сказано) составляет борьба с неповиновением. Нелегко стать настоящим солдатом, но и командиру нелегко дисциплинировать войско, а воевать еще труднее. Покорность в строю не гарантирует от случаев неповиновения в бою. Сопротивление будет проявляться на каждом шагу и поэтому командир постоянно должен держать свою часть в собранном виде, как говорят кавалеристы: «Собрать коня». Тот, кто надеется, что к нему люди пришли дисциплинированными и все в порядке, тот ошибается — это еще не все. Говоря о борьбе с неповиновением, я понимаю слово сопротивление не как «бунт», а более широко.

Во взаимоотношениях командира с подчиненными ему людьми не должно быть элементов демократизма, то есть между повелевающим и повинующимся может существовать только так называемый ложный демократизм, он совсем не нужен именно в армии. Распоряжение командира (приказ) — это основа подчинения.

Ничто так вредно не отражается на службе, как слабая команда. Как отдается команда (приказ), так она и выполняется. Слабая команда или распоряжение, без уверенности в голосе, не дает почти никаких результатов. Когда я отдаю команду, я смотрю солдату в глаза, чтобы понять, насколько до него дошла моя команда, мой приказ и как они будут выполнены. По выражению глаз солдата я могу понять, как он выполнит команду — просто так или с рвением и желанием.

Не поймите меня так, что эта команда должна быть такой же, как «направо» и «налево», я имею в виду широкий смысл слова «команда». Весь успех в бою зависит от уверенности командира, но командир, прежде чем отдать приказ, должен сам глубоко осмыслить его, всесторонне продумать, насколько он необходим. Подчиненный же должен быть убежден в непреклонности командира при выполнении полученного приказа. В армии для того, чтобы повелевать, нужно самому уметь повиноваться и, прежде всего, разуму и требованиям службы.

Необдуманное слово командира иногда обходится слишком дорого полку. Вот я, полковник, командир полка, что мне стоит крикнуть «тревога», а ведь придут в движение больше тысячи людей, обоз, лошади, артиллерия...

Был у меня один командир батальона. Расскажу о нем. Накануне приезжал командующий. В числе других были награждены два комбата: один — умный, другой — легкомысленный. За ужином легкомысленный на радостях выпил. Заметив, что он «под мухой», я предложил ему отправиться домой. Приехав на место, он решил проверить боевую готовность своего батальона. Он сказал только одно слово «тревога», и все завертелось и понеслось. Люди, кони, повозки... Несколько сот человек, а сам командир... заснул. Когда был собран в готовности батальон — это было уже в четыре часа утра (самый сладкий сон для солдата), его разбудили. Он со сна только промолвил «долго собираетесь» и опять заснул.

Я его отстранил от должности комбата (он не понимал силы командирского приказа, значит, и не мог командовать). На второй день я был вынужден предоставить батальону отдых. Так одно необдуманное слово принесло службе большой вред.

Итак, перечислю требования к приказу:

1. Команда или приказ есть выражение воли командира, формула его решений. Нужно понять, насколько служебная необходимость требует отдачи именно такого, а не другого приказа. Нужно знать, все ли есть для проведения в жизнь этого приказа.

2. Возможно ли выполнить данный приказ и в данных условиях? Вот основное, что должен продумать командир, прежде чем отдать приказ, принять решение.

3. Обеспечено ли необходимыми силами и средствами выполнение приказа.

4. Расчет времени — сколько времени требуется для выполнения приказа. Расчет должен быть реальный, а не просто так — сделай это за пять минут.

5. Кому поручается выполнение этой задачи? Не каждому можно поручить выполнение приказа. Только после того, как убедишься, что выполнение приказа решит судьбу людей и что человек выполнит приказ, можно ему его поручить. Не каждый подчиненный способен на выполнение любого приказа.

6. Достаточно ли точно понято приказание исполнителем. Бойся доверяться ответу по заученной канцелярской форме «так точно».

7. Должны быть также обдуманы методы и способы выполнения приказа.

И следующий пункт — контроль. Надо обязательно проверять, как выполняется приказ, искажается ли он или соответствует задуманному. Ведь в бою не всегда делается так, как ты думаешь. Поэтому, отдавая приказ, нужно видеть его выполнение, корректировать его, тогда это будет называться приказом, а если пункты не соблюдены и не обдуманы — это формальность.

В моей практике были случаи, когда командиры отдавали непродуманные приказы, следовательно, они не всегда могли быть выполнены. Тогда наказывали подчиненного за невыполнение приказа, а я в таких случаях наказывал командира, отдающего такой приказ, а не солдата.

Командир должен быть популярным в своем подразделении, в своей части. Солдат должен его любить, бояться, уважать и беречь. Строгость командира, основанная на справедливости, — основа его популярности. Приказ должен быть хорошо продуманным. Наказывать солдата нужно только за дело и, не оскорбляя его человеческого достоинства, такое наказание не приводит к злу и не умаляет популярности командира, солдат терпит, потому что это справедливо. Несправедливость вызывает озлобление, масса его не терпит. Справедливый командир может назад не оглядываться. Бояться своих — это величайшее несчастье, а чтобы не бояться своих, надо быть справедливым.

В чем выражается забота командира? Да, у него и фураж, и снабжение, и обмундирование, но основная его забота — это честь оружия и сохранение людей, доверенных ему. Все остальные заботы — ответвления от основной.

Командир должен иметь нравственное влияние на солдата, говорить с ним на его языке простыми и доходчивыми словами, владеть ключом к сердцу солдата. Командир должен быть примером для подчиненных всегда, везде и во всем; только тогда он сможет справедливо гордиться своим мундиром.

Командир должен быть психологом, способным за-

глянуть в душу солдата; общение с солдатами, понимание их внутреннего состояния постигается не столько умом, сколько искренним чувством и состраданием к их солдатской доле. Высокомерное отношение нетерпимо как оскорбление для них.

Есть такое понятие — субординация.

Понятие это двустороннее: старший по чину должен уважать все качества младшего, как своего товарища по оружию, соотечественника, гражданина, человека и так далее, а не смотреть свысока, с пренебрежением — в этом сущность воинской воспитанности и культуры поведения офицера.

Исходя из всего вышесказанного, следует вывод: командир должен быть человеком творческого ума и практики, в этом его офицерское достоинство и честь.

* * *

Как бы ни была насыщена современной техникой армия, если ее личный состав всесторонне не прошел боевую выучку, а офицеры плохо владеют способами, методами обучения и управления войсками, техникой и огнем, она (армия) останется бесполезной толпой и при первом серьезном ударе противника рассыплется, как горох.

Для обученной армии огневое крещение — первое необходимое испытание боевых качеств, дающее закалку войскам и имеющее весьма важное значение для дальнейших боевых действий. Первый бой есть предвестник исхода последующих боевых действий. Нужно обучать и готовить войска, во что бы то ни стало выиграть, обязательно выиграть первый бой.

Учебу нужно организовывать с первого призывного пункта до первой победоносной атаки. Учиться надо и закреплению на захваченном рубеже — воюя, учиться, закаляться и мужать. Без учебы ни одного «мирного» и боевого дня не должно быть никогда.

Основа боеготовности и боеспособности войск — боеготовность и боеспособность каждого отдельного солдата. Они решают задачу на поле боя, а не штаб или карта, — мысль принявшего решение командира. Хорошее и умное решение командира может свестись к нулю, если плохо подготовлен солдат и, наоборот,

рот, посредственное решение можно вытянуть на отличный результат, если отлично обучен боец. «Выучка бойца — ключ к победе».

Формирование морального воинского облика бойца и командира, воспитание боевых качеств бойца нельзя ограничивать беседами, докладами, как это очень часто практикуется у нас. Основным должно стать практическое обучение солдатскому ремеслу на местности, реально оборудованном полигоне, избегая всякую условность, давая настоящую боевую нагрузку физическим и умственным силам бойца и командира.

Воспитание моральных и физических сил требует постоянного внимания, умения вникать в душу человека, возбуждать благородные порывы, крепить силу воли, нравственные, моральные, физические, умственные способности, сознание человеческого достоинства, личной и национальной гордости, убежденную веру в свои силы и способности и веру каждого солдата в оружие. Необходимо терпеливо и кропотливо учить, тренировать, внушать уверенность в действиях советами, замечаниями, наводящими вопросами, призвать на помощь творческую силу и мысли обучаемых, развивать инициативу, воинскую смекалку, хитрость другие боевые качества.

Особенно у командиров нужно развивать уверенность в себе, инициативу, твердую, непреклонную волю, правильное и последовательное мышление, глубокомысленное решение. Всегда считаться с его мнением, поддерживать и развивать оригинальные мысли — учить и учиться на них.

Постоянно поднимать боевой дух на реальной основе анализа тяжелого ратного труда и жизни солдата. Справедливо оценить старание боевого коллектива. Ни в коем случае не убивать волю и инициативу постоянным «плохо», как это делают некоторые специально, «из желания добиться еще лучшего».

Набраться терпения, быть собранным. Обязательно различать: незнание, неопытность и халатность в службе. Находить их причину, реагируя вовремя мерами поощрения или взыскания с учетом индивидуальных особенностей, способностей, психики, а не считать всех огульно: «все плохо» или «все отлично». Не сверлить постоянно провинившегося, не давая опомниться, или не хвалить отличившегося до головокружения.

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

О Панфилове написано и сказано много, но все это подано в пределах некрологического трафарета, то есть не создан и не дан образ генерала. И поэтому я вынужден был отвести основное место в повести Ивану Васильевичу Панфилову.

В чем суть подвига генерала Панфилова и что он собой представляет как командир, как человек? Считаю, что об этом пока никто полноценно не сказал.

Известно, что в начале войны Ивану Васильевичу было поручено сформировать 316-ю стрелковую дивизию. Она была не кадрового, а ополченческого типа, за исключением старшего командного состава. Сама же дивизия состояла из разношерстной массы: в нее были призваны бухгалтеры и учителя, неграмотные и кандидаты наук, рядовой состав — от рабочего до народного комиссара. Это были представители 36 национальностей.

В мирное время юноши обычно проходили двухгодичную службу в армии. За это время им успевали привить необходимые воину качества. Нам же на все это отвели всего два месяца. Ни один генерал в истории еще не участвовал в войнах с такой разношерстной массой. Сколотить такое боевое соединение как 316-я стрелковая дивизия — это большое дело. Взвод сколотить и то нелегко, а такое боевое соединение, которое имеет высшее техническое назначение, сделать его боеспособным, не всякому удавалось.

Итак, первая заслуга генерала Ивана Васильевича заключается в его организаторских способностях.

Дивизия попадает в незнакомые места. Жители степей оказываются в лесах и болотах, которых никогда не видели. Это, можно сказать, психология местности, психология климатических условий и т. д.

Первое время Иван Васильевич говорил: «Мы степной народ, нам не только надо учиться ходить по лесу, но нужно научиться воевать в этой обстановке, а времени маловато, надо торопиться...»

И вот за короткое время, в течение одного месяца, он, как педагог и командир, научил свое боевое соединение не только ходить по лесу, но и воевать.

Если вы знакомы по литературе с английской колониальной, японской и другими иностранными армиями, то знаете, что на освоение климатических и других условий им дается два-три года, а мы располагали всего месяцем. Поэтому я имею основание говорить, что ни одному генералу не удавалось за такое короткое время освоить важнейшие природные факторы, оказывающие психологическое и другое воздействие на войско.

Это вторая заслуга генерала Панфилова.

Иван Васильевич был одним из оригинальных военных мыслителей. Для того чтобы быть оригинальным, нужно быть смелым, новатором в тактике и военной стратегии. Он имел преимущество военного мышления и владел тактической гибкостью по отношению к своему противнику. Новаторство, которое он ввел и которое помогло победно решить ряд боев — это так называемая спираль Панфилова. Если попытаться охарактеризовать генерала Панфилова, то это выглядело бы приблизительно так: генерал разума, генерал логики, генерал реального расчета, генерал хладнокровия, генерал стойкости, генерал упорства, генерал целеустремленности.

Иван Васильевич был глубоко русским человеком, знал прошлое, настоящее и будущее своего народа. При этом он был настоящим интернационалистом, благодаря этому ему удалось из разных национальностей сколотить дружное боевое соединение. И узбеки, и казахи, и киргизы, и украинцы — все его называли отцом.

В чем новаторство Панфилова? Раньше мы до некоторой степени придерживались линейной тактики, а он один из первых осознал особенности боев под Москвой. Это были бои за дороги в условиях маневренной обороны, бои за основные направления. Он оглядывался назад, но не для того, чтобы бежать, а для того, чтобы нападать, знать, что делается впереди. Он часто повторял — отступать никогда не поздно, то есть нас учил

в этом вопросе «спешить» медленно — поспешишь — противника насмешишь.

Потери рубежа возвратимы, но потери людей безвозвратны. Такая же мысль была, кажется, у фельдмаршала Кутузова, что потеря Москвы — это не потеря России. Он старался сохранить живую силу — наших солдат.

Панфилов является одним из наследников передовой русской военной мысли. Если рубеж не заслуживает больших потерь, то он не боялся отдать его врагу, но отдавал его ценой больших потерь для противника. Его правилом было: без боя не отходить.

Я помню как-то раз он приехал ко мне и, выслушав доклад, сказал: «Момыш-улы, чтоб немец за это село минимум полтора полка положил...»

Основная цель тактики Панфилова — истребление живой силы врага. Он слепо не держался линии рубежа. Иван Васильевич понял, что применение тактики истребления живой силы противника приводит к тому, что немцы, побеждая, терпят поражение, что в недрах из побед заложены корни их поражения.

Ведь видов боя много и удачное отступление с нанесением противнику ущерба тоже есть победа, и отступать нужно было умело, так, чтобы враг потом не мог наступать, а нам было бы с чем его контратаковать.

ВОЛОКОЛАМСКОЕ

НАПРАВЛЕНИЕ

Обстановка в первые дни Отечественной войны всем известна, поэтому нет необходимости на ней останавливаться. Наша печать в 1941 году была более откровенна и точно информировала общественность о ходе боевых действий на фронте.

Напомню лишь о стратегическом замысле сторон. Немцы хотели концентрическим ударом крупных сил по основным стратегическим направлениям расчленить, раздробить и разобщить наши силы, быстро захватить важные в оперативном и стратегическом отношении политические и экономические центры страны, дезорганизовать и таким путем за короткий срок завоевать нашу страну. Они в большем масштабе хотели повторить то, что им удалось на Западе и в Польше.

Замысел нашего главного командования: остановить, перемолоть живую силу и технику врага, обескровить его, создать условия выгодного соотношения сил и мощным контрударом разгромить.

Об этом много написано. Я не стану говорить о том, что вам известно. Перехожу непосредственно к нашей 316-й стрелковой дивизии. Ей приказывается принять Волоколамский укрепрайон на протяжении до 50 километров. Немец находится еще далеко. Отрезаются участки полкам и батальонам.

Остановимся на батальонах. По нашим уставам, и новым и старым, батальон может занять оборону до двух километров, не больше, а нашим батальонам дается шесть-восемь километров, то есть с превышением основных норм в три-четыре раза. Считать, что наш батальон был полноценным, нельзя, он был ополченческого типа, не был полностью укомплектован и воору-

жен. Об этом я как-то писал: «Против танков мы стояли с палками». Занимать оборону на таком широком фронте — не очень легкое дело. Я, как командир батальона, думал, что мы просто готовим рубеж для подходящих или отходящих частей, что сюда придут другие части и два-три полка займут участок моего батальона. Я даже не думал обороняться на этих восьми километрах потому, что считал это невозможным.

В дальнейшем, рассказывая о происходившем, я буду говорить и о том, как это описано в книге А. Бека «Волоколамское шоссе».

Вам, наверное, встречалось понятие «арьергард». Это часть войска, оставляемая для сдерживания противника, когда основные силы отходят. Потом эти отходящие силы принимают бой на новом рубеже, затем отводятся на следующий рубеж и снова принимают бой. Вот я так и думал: Красная Армия ведет бой арьергардными частями, сдерживая противника, а остальные отходят, придут, займут рубеж, а потом мне дадут полтора-два километра.

Но, увы! Так было написано только в книге. На Волоколамском направлении на самом деле так не было. Мы копали, укреплялись. Как копали, как укреплялись, об этом во второй повести написано подробно, включая Волоколамск. Поэтому на всех боях на этом промежутке я буду останавливаться очень бегло.

Копали, укреплялись... вдруг идет беспорядочная толпа, сначала один-два человека, потом пятерки, десятки бойцов, внешне расхлябанные, до невозможности обросшие; у одних винтовки, у других их нет, вид ужасной моральной подавленности. Приходят к нам. «Откуда, товарищи?» — «Из окружения». — «Где ваш командир?» — «Не знаем». — «Где часть?» Не знают. А что случилось? Рассказывают такие ужасы, что немец это чуть ли не дракон. Появляется, когда не ждешь — с тыла, с фланга, стреляет светящимися пулями, бомбит и так далее. Одним словом, сплошной кошмар. Об этом вы читали в книге А. Бека.

— Ну, отправляйтесь с богом! — говорим окруженцам. Пропускаем их через рубеж.

Вот такие неприятные встречи продолжались у нас дней 15. Бойцы у меня очень дисциплинированные, хорошие бойцы. А теперь смотрю на своих бойцов и

вижу: глаза у них потускнели, нет боевого блеска, улыбку за золото не найти. Страх. На меня тоже нападает страх, но надо думать. Ведь каким страшилищем становится немец! Ведь так, того и гляди, мои люди тоже разбегутся, и я окажусь командиром несуществующего батальона.

Немец не появлялся, но зато являлись каждый день люди, говорящие, что они вышли из окружения. Надо сказать, что это было как чума, которая разлагала бойцов батальона. Все люди бегут, а мы что? Правда, бойцы этого открыто не скажут, но все же в душе у них такое могло быть. Я буду говорить не о соседях, а о своем полке, лучше меня его никто не знает.

По указанию генерала мы организовали разведку. Когда спрашивали у проходящих людей, где же немцы, нам отвечали: «Да вот, идут по пятам». Сегодня говорят, завтра так говорят, ведь это просто невозможно. В чем дело? Что такое? Мы искали немцев, посылали разведку вперед и вперед. А их не было видно. Описание природы и берегов Рузы А. Беку удалось. Там был замечательный лес. Но этот красивый лес нам не был выгоден. Военные смотрят на природу по-своему, так же и на искусство.

Помните, у Бека написано «отодвинуть лес». Мы тогда боялись рубить лес, но теперь, если это выгодно, не считаемся ни с какой ценностью — рубим. Но тогда мы все-таки боялись, да там и лесничий ходил и не разрешал... А вот если не весь лес, то, по крайней мере, опушку леса надо было вырубить, чтобы видеть немца. Но лесничий говорит: «Есть постановление Совнаркома, за таким-то номером. Это заповедник. Вы за это будете привлечены к ответственности, никаких разговоров». Я еще тогда лесничих слушался...

А потом в этом лесу противник все-таки накопился, как я и думал. Если бы мы лес вырубili, можно было бы провести бой в более выгодных условиях. Такова была наша наивность и гуманное отношение к природе в первые дни войны. Ведь мы не имели никакого опыта.

Послали вперед разведывательные отряды, разведывательные группы с заданием выяснить, где немцы. Ничего определенного мы не знали. Общую обстановку объяснил генерал Панфилов.

Наши переживания до первого боя А. Беком записа-

ны более честно и точно из моих слов, вы их читали. Глава о расстреле полностью взята из моих записей. Записи эти находятся у Тажибаева, а глава называется «Приговор». Пересказывать не стану.

Опасность, которая нависла над батальоном в результате самострела и членовредительства сержанта Барамбаева, особым актом — расстрелом — была разрешена. Надо было во что бы то ни стало показать батальону, что тот, кто совершит подобный поступок — пощады пусть не ждет. Но опасность и боязнь противника не ушли, немцы все-таки представлялись такими, как их описывали беженцы. Нужно было рассеять заразу боязни немцев, привитую «окруженцами», а для этого обязательно надо было, чтобы бойцы увидели живых немцев, чтобы попробовали своим штыком, проколет или нет, надо было убедить, что наша пуля убивает немца, надо было доказать бойцам, что и немец, испытывая страх, бежит, что он не какое-то чудовище. Для этого обязательно требовалось провести до основного боя с немцами одну удачную стычку, где наши наверняка должны побить немца. А если такой уверенности нет, то эту операцию не следует проводить.

Мой батальон был вытянут в ниточку, на душе было тревожно. Беспокоила не столько учетверенная норма против устава, сколько сердца и души солдат, которым присущ страх и которые заражены этим искаженным понятием о немце, принесенным нам окруженцами. Требовалось где-нибудь побить немца и победить обязательно!

Деревня Середа находилась от нашей передовой линии в 25—30 километрах. Где немцы? Не знаем. Послал я разведку на 10 километров — немца нет впереди, послал на 15 километров — немца нет, послал на 20—нет, на 25—нет, на 30 километров — сообщили, что немцы в деревне Середа.

Большак, который подходил к Середе с запада, шел с севера на станцию Шаховскую и на юг — на совхоз «Болычево». Шаховская и совхоз «Болычево» являлись узловыми пунктами, к которым стремились немцы. На восток, на село Новлянское через Житаху на наши рубежи шли дороги через Максимово. Немцы, двигаясь с запада на восток, решили, по всей вероятности, оставить от Шаховской до «Болычево» группировку,

совершить обходной маневр с севера и с юга, а не бить во фронт и поэтому двигались на восток. На Максимо-во — Новлянское движение прекратилось. Середа как бы являлась распределительным пунктом сосредоточения противника для действия на севере и на юге, и поэтому силы отсюда расходились на Шаховскую и на «Болычево».

Возвратились разведчики, сказали, что немцы в Середе, от нас в 25 километрах. Что делать? Принимается решение побить немца в Середе. Ставятся такие задачи: совершить ночной неожиданный налет на Середу, перебить, сколько можно, немцев и взять хоть одного «языка»; заминировать дороги, идущие на Максимо-во, взорвать мост по дороге на Шаховскую, захватить документы, пленных.

Но кому поручить это сделать? Над этим вопросом пришлось думать только потому, что ни я, ни кто другой в бою не были. В бою бывал Жалмухамед Бозжанов — участник финской кампании. Послать командира роты? Фронт — восемь километров, нельзя. К тому же вопрос должен быть решен наверняка. Поручаю это дело моему старшему адъютанту, лейтенанту Хабибуле Рахимову, бывшему агроному по образованию, альпинисту. Он назначается начальником разведывательного отряда, политруком — Жалмухамед Бозжанов.

Основная цель — укрепить у бойцов веру в свои силы. Следовательно, в отряде должны быть представители всех отделений. Я взял из каждого отделения по одному-два человека. Это, с одной стороны, невыгодно, но, с другой стороны, раз бойцы повоюют и вернуться, они расскажут обо всем товарищам. Ведь не могу же я собрать митинг, да он и не дал бы такого эффекта. А тут сидит рядом боец, курит и рассказывает: «Немец заорал, я бросил гранату». Вот что нужно было. Поэтому пришлось сформировать сборную команду, даже из представителей мельчайших огневых единиц.

Был составлен план: разбить отряд в 100 человек на три группы, нападать одновременно с трех сторон по 30 человек. Собрал бойцов и командиров, растолковал задачу, пожелал удачи, и 16 октября они выступили. 16 же октября подошли к Максимо-во, сосредоточились там, провели разведку, снова уточнили боевую обстановку. В эту ночь здесь было до полка пехоты и

мотопехоты немцев. Сообщили мне об этом по радио, я приказал отставить операцию, потому что одному идти против многих неразумно. Назавтра мне докладывают, что в деревне около 300 человек.

18 октября 1941 года ровно в 2 часа ночи совершается налет: расстреливали выбегавших немцев, некоторые из них повыскакивали в одном белье. Взяли штабные документы, одного немца живым, взорвали пять машин. Бой длился всего час. Наши потери: шесть раненых, один убитый — сержант Мосеяш.

Наутро отряд вернулся. Когда бойцы шли туда, они думали, что идут на верную смерть. А когда вернулись, я не узнал их — веселые, бодрые и чувствуют себя уже бывалыми солдатами. Таким образом была выполнена вторая задача: доказано, что пуля наша немца берет. Говорю участникам: товарищи, рассказывайте обо всем, только не лгите. Ведь если не предупредить, обязательно будут преувеличивать.

Серединский налет — это лихой ночной налет на противника, но значение его для последующих боев, для укрепления рубежа в душе наших солдат было громаднейшее, больше любых последующих боев. Поэтому, когда я говорю о своей части, я никогда не забываю серединский налет. Несмотря на то, что он не оказал никакого влияния на ход дальнейших событий на этом участке, ему мы многим обязаны. Самое главное — он повлиял на душу и психологию солдат.

Боевой порядок дивизии был в линии полка: на правом фланге, от Алефрово до деревни Высокой занимал оборону 1077-й стрелковый полк майора Шехтмана. От деревни Высокой до деревни Лазарево, имея передний край по восточному берегу реки Руза, занимал оборону 1073-й стрелковый полк майора Елина. От деревни Лазарево, М. Сибково до совхоза «Болычево» занимал оборону 1075-й стрелковый полк полковника Капрова. Я нарочно записал на карте фамилии командиров полков, чтобы они остались в памяти. В отношении ширины фронта я уже говорил. Вторых эшелонов в дивизии, в полках и батальонах, как это предусмотрено в Уставе, при обороне не было. Дивизия была вытянута в ниточку на протяжении 60 километров.

Если противник прорвет эту ниточку, нужно свежими силами восстановить положение. Но для парирования

удара противника ни в распоряжении генерала Панфилова, ни в распоряжении командиров полков и батальонов не было резерва, не было и вторых эшелонов. Следовательно, мы не имели достаточной тактической глубины; не имея вторых эшелонов, не имели, по существу, переднего края, передовая была здесь. Такое положение, когда одно отделение находится на расстоянии 200—300 метров от другого, очень благоприятно для противника. Если противник напал на одном участке, прорвал оборону, то, чтобы загнать фланг, вызвать людей, потребуется несколько часов, а то и сутки на перегруппировку. Поэтому считать оборону надежной было бы, безусловно, неверно. Обороняющиеся находились в невыгодном положении против наступающих.

Вообще опыт войны доказывает, что против одного обороняющегося должны наступать три, то есть соотношение сил: один к трем. А тут, при такой линии, даже если было соотношение один к одному, и то прорвать было легче, потому что наступающие выбирали пункты для удара, сосредоточившись, собрав силы, нацеленно били в одно выбранное ими место. В таком положении находилась наша дивизия в обороне. По-моему, любой генерал, какой бы то ни было армии, не позавидовал бы генералу Панфилову, который имел такую линию фронта. Положение было невыгодное. Генерал Панфилов сознавал это и глубоко переживал, что и заставило его искать новые способы, новые методы. Если бы он имел нормальный фронт, возможно, не подумал бы над тем, что впоследствии провел в жизнь. Генерал Панфилов ходил с одного фланга на другой фланг окопа, изучал рубеж обороны. Создававшаяся обстановка заставляла его быть ближе к солдатской массе. Это помогло ему стать популярным среди солдат, знать свою дивизию и сохранить ее. Но это не значит, что генерал, как впоследствии говорил Егоров, ходил в атаку, это не его дело. И тот, кто думает, что если генерал не пошел в штыковую атаку, он плохой генерал, тот безграмотный невежа.

Генерал Панфилов действительно бывал в окопах, в опасных местах, но не так, как трактуют некоторые. Он здесь бывал, когда полки занимали передовые позиции, бывал здесь и когда совершился прорыв, для управления боем, а не сидел в окопе с рядовым: «Ну, Ванюша,

как живешь, не падай духом». Это не обязанность генерала, ему надо управлять боем, тем более управлять на таком трудном рубеже, когда нет ни резервов, ни вторых эшелонов. У него времени не было, чтобы уговаривать каждого бойца, и вдруг ему дают время успокаивать какого-нибудь солдата. Это неправильно и неумно. Почему бы не показать — вот созданся прорыв, генерал явился в это место, дал указание ликвидировать прорыв. Нет, ему обязательно дают винтовку и заставляют участвовать в штыковом бою.

16 октября 1941 года южная группировка немецких войск, действующая на Волоколамском направлении, обходным маневром ударила по совхозу «Больчево». Мы ждали удара в лоб, а враг бьет в бок. Это первый бой. Первый большой бой на левом фланге дивизии, на участке и на левом фланге 1075-го полка полковника Капрова. Силы противника были группные — танки, мотопехота, авиация. Здесь был нанесен сосредоточенный удар. 1075-й полк вел ожесточенные бои, цепляясь за промежуточные рубежи — совхоз «Больчево», села Федосьино, Княжево и Соколово.

21-го, сбив с рубежа 1075-й стрелковый полк, немцы подходят к берегам реки Рузы, к районному центру деревне Осташово, обороняемой батальоном капитана Лысенко. Он дрался героически. Для того чтобы сбить полк, противнику понадобилось действовать своими крупными силами четверо суток. С нашей точки зрения, сдерживать такую силу противника с боем — это неплохо.

В это время генерал Панфилов управлял ходом боя. Обратите внимание, что тут идет большак. Приняв бой, он отскочил, занял Соколово, Игнатово. Принимает и здесь бой, потом опять отскакивает, получается спираль. Панфилов не бросался из деревни в деревню, а вел бой только по большаку. Как же не назвать эти действия новаторскими, как же не назвать это спиралью?

Районный центр Осташово был узловым пунктом на Волоколамском большаке и на стыке ракадных путей, он являлся также правобережным опорным пунктом реки Рузы и Волоколамского направления, сдерживающим натиск противника.

Поэтому генерал Панфилов загибает фланг по реке Рузе, оставив район Осташово как батальонный узел

сопротивления. Узел сопротивления, опорный пункт — такие понятия нам продиктовала Отечественная война. Наш новый Устав на основе опыта двухлетней войны требует теперь построить при обороне боевые порядки отдельными опорными пунктами, взводными, ротными и батальонными узлами сопротивления, обеспечив промежутки и стыки между частями и подразделениями огнем и инженерными сооружениями. Новый устав отказывается от линейной тактики. И мы сейчас не придерживаемся линейной тактики, а строим оборону опорными пунктами и узлами сопротивления. И вот в Осташове, как узловом пункте ракадных путей, генерал Панфилов организовал узел сопротивления, не обращая внимания направо и налево.

Когда он организовал Осташовский узел сопротивления, я находился в деревне Васильево и 20-го числа был вызван к нему. Эта встреча описывается во второй повести Бека. Со стороны Шаховской немецкая группировка прорывает фронт в направлении деревень Ханово, Юркина, Ярополец, следовательно, немец завершает обходный момент на Волоколамский большак, а по другим направлениям он боя не ведет. Зная эту обстановку, генерал Панфилов приходит к выводу, что немец будет воевать по большаку. Все проселочные дороги, все рубежи остаются вне внимания противника. Генерал Панфилов решает: нужно перестроить боевой порядок дивизии, нарушая линейную тактику. Сейчас здесь нам легче понять все, ведь прошло время и можно анализировать, а тогда, в ходе событий, чтобы прийти к такому выводу, нужны были прозорливость и ум.

На всем протяжении фронта немцы ведут разведывательные действия отдельными группами, а не наступают. Мы тоже ведем разведки. Генерал Панфилов готовит свои полки для выполнения последующих задач на промежуточных рубежах. Это было между 18—22 октября.

Немецкий генерал, встретив серьезное сопротивление в районе совхоза «Большево», пересмотрел свое намерение «завтракать в Волоколамске, ужинать в Москве». Отказался от этого. А заставить такого противника призадуматься — это уже заслуга, это значит сказать — «открой глаза, не на того нарвался!».

В районе Осташова батальон 1075-го стрелкового полка под командованием капитана Лысенко с 20 по 23 октября 1941 года ведет бои. Немцы же, овладев узловым пунктом Осташово, не продвигаются дальше, в течение трех дней пытаются перегрызть Осташовский узел. Батальон Лысенко ведет бои в окружении. Это первый случай проявления массового героизма в дивизии. Окружение батальона Лысенко было не только тактическое, а настоящее кольцевое окружение.

Поясню, что окружение бывает оперативное, тактическое, огневое, или настоящее кольцо (тоже тактическое).

Оперативное окружение — это когда противник захватил основной большак, лишив путей подвоза боеприпасов, питания и переброски резерва, ракадных путей. Оперативное окружение предполагает относительно большое пространство с крупными силами войск.

Тактическое окружение — это значит, противник захватывает все пути подвоза снабжения от корпусного или дивизионного пункта, от полка к батальону. Полк перерезан, нет путей для снабжения, то есть войска лишаются питания, переброски резервов и прочей связи с внешним миром, с соседями, с тылом. В тактическое окружение могут попасть дивизия, полк, батальон и роты.

И последний вид окружения — огневое или, как мы его называем, кольцо.

Из тактического и оперативного окружения можно выйти не приняв боя, но трудно прорвать кольцевое окружение.

Окружение для окружающего не выгодно, оно требует больших сил. Для того чтобы уничтожить один батальон, занимающий круговую оборону, иногда требуется не менее дивизии. Поэтому ни один разумный командир не должен принимать решение на огневое окружение, так как это потеря времени на окружение небольшой силы. Эта ошибка для многих явилась роковой — они потеряли не только часть своих сил, но и время.

Осташовский узел явился новой мыслью в военной практике, давшей многое для последующих боев дивизи-

зии. Опыт Осташово оказал нам громадную пользу. На выручку батальона Лысенко перебрасывается с левого фланга из 1073-го стрелкового полка 9-я рота лейтенанта Каюма Гарипова, учителя из Семипалатинска. Когда рота посылалась на выручку, то ставился вопрос о прорыве кольца. Панфилов хотел задержать противника на определенное время и решил, прорвав кольцо с двух сторон, вывести батальон из окружения. Но это не удалось. Гарипов повел своих солдат в атаку 21 октября 1941 года. Севернее района Осташово появились 60 танков противника. Рота героически сражалась с вражескими танками, нанося противнику ущерб. В этом бою геройски погиб лейтенант Гарипов. От роты осталось только шесть человек раненых и спасшихся. Геройски погиб Лысенко со своим батальоном.

По несправедливости некоторых наших командиров действия батальона Лысенко и роты лейтенанта Каюма Гарипова остались неотмеченными. Наши дивизионные писатели почему-то тоже умолчали о героических подвигах батальона Лысенко и роты Гарипова. В своих выступлениях я всегда останавливаюсь на этих героях. Так велит мне моя солдатская совесть. Ведь я живой свидетель, они были моими товарищами по оружию, их действия я считаю верными. Генерал Панфилов тоже был доволен действиями этого батальона и роты.

Безусловно, этот случай является в истории дивизии первым образцом массового героизма, оказавшим большое влияние на последующие бои. Поэтому неправы все те, кто считает подвиг 28 героев именно первым случаем борьбы с вражескими танками и первым случаем массового героизма.

После срединской операции мы замечаем передвижение немецких сил на флангах дивизии. Противник решил расчленить дивизию пополам, но у него ничего не получилось и 20-21 октября он решает выйти на прямую дорогу.

С целью заставить противника преждевременно развернуть свои силы, в район Житахи высылается отряд под командованием лейтенанта Донских, в район Кусакино — маленький отряд лейтенанта Брудного (так он назван в повести А. Бека). Задача их состояла в том, чтобы пропускать немецкие колонны, а потом огнем налетом расстраивать их и отскакивать назад. Бои Бруд-

ного и Донских характерны как первые бои из засады. Противник, ошеломленный огневым налетом, разворачивается, а впереди никого нет. В это время наши быстро отходят и снова — засада, немцы опять разворачиваются, наши отходят. В последних боях лейтенант Донских получил девять ранений. От Середы до Новлянского немцам пришлось пройти таким маршем четверо суток. Эту группировку противника мы держали действиями маленьких групп и заставляли воевать, по существу, впустую. Нападение маленьких групп заставило немцев развернуться и принять боевой порядок далеко от нашего основного рубежа. Противник развернул свои артиллерийские позиции в районе Житахи, Ситьково, приблизительно в четырех-пяти километрах от нашего переднего края. 22-го немцы ведут бои против Новлянской группировки, чтобы прорвать фронт и выйти на Новошурино. Бой завязался со 2-й ротой первого батальона 1073-го стрелкового полка, командир роты Севрюков (бывший бухгалтер Алма-Атинской табачной фабрики).

Одновременно противник повел наступление на Черново. В 8 часов утра он начал артиллерийскую подготовку по району Новлянского. Немцы — большие специалисты играть на нервах противника: в воздухе висят самолеты, рвутся шрапнель, осколочные и фугасные снаряды, с воем летят мины, бризантные рвутся со свистом и треском, в воздухе — клубы черного дыма. Шрапнель при разрыве дает веер пуль и имеет воющий звук. Все эти зрительные и слуховые комбинации оказывают сильное моральное воздействие на людей.

Артиллерийские подготовки обыкновенно бывают не более двух часов, а эту противник вел восемь часов. Нам сначала это было непонятно, а потом стало ясно, что цель была — уничтожить все живое, а потом идти маршем. Мы открыли огонь на правом фланге. Моим левым соседом был батальон майора Мешкова.

Противник накапливается в лесу и готовится к атаке. В это время я узнаю, что лейтенант Севрюков тяжело ранен. Докладывает его ординарец — маленький, юркий татарин Муратов. Я приказал найти Краева и послать его во 2-ю роту, а сам поехал в Новлянское. От командного пункта до Новлянского дорога шла лесом, мне нужно было попасть туда, на наш наблюдательный пункт.

Безусловно, я волновался. В лесу было еще терпимо, но по степи, на виду у противника, лететь на коне — самочувствие неважное. Но помог счастливый случай. Из Новлянского летит двуколка, за ней верховой — со мной повстречались у опушки леса. В двуколке сидел Кухаренко, командир батареи.

— Куда? — спрашиваю,

Я был возмущен бегством Кухаренко. И крикнул:

— Назад!

Он был легко ранен в лицо, но повернул двуколку. Гнев на Кухаренко помог мне победить свой страх. Подъехав к церкви, я поднялся на наблюдательный пункт вместе с Кухаренко. Телефонной связи не было, включили радио, подал команду на батарею «Огонь!» Оказывается, Кухаренко вел огонь по топоподготовке и смазал, снаряды рвутся далеко в стороне от противника. Я, как бывший артиллерист, это сразу увидел и даю команду бить правее. Это большая поправка. Два снаряда угодили прямо в немецкую группу (редкий счастливый случай в практике артстрельбы). Там создались переполох, а я очень обрадовался удачному попаданию и скоординировал: «Двадцать снарядов из каждого орудия!» Это уставом не разрешается, но я решил, что лучше обрушиться на противника сразу, а потом посмотреть, сколько останется немцев, ведь иначе нас перебьют. В бинокль увидел, что немцы поредели. Метрах в 50-ти летит немецкий самолет, а пилот грозит мне кулаком, я и выстрелил в него. Вот так в порыве гнева человек забывает об осторожности. Немец начал точный обстрел церкви. От снаряда погиб радист. Отдав команду, чтобы вели огонь через каждые пять минут по пять снарядов, спустился вниз и побежал на командный пункт роты, там встретил Муратова и Беловицкого.

Командир роты был ранен. Мы двадцатью выстрелами из каждого орудия создали у немцев переполох. Взяв Беловицкого с собой, побежал в правофланговый окоп. Прибегаю, вижу Жалмухамеда Бозжанова, политрука пулеметной роты. Говорю: «Ты что здесь делаешь?» Оказывается, он пришел проверить свой взвод и, увидев, что командир роты ранен, принял командование на себя.

Противник откатился назад. Видимо, он хотел здесь пройти, но нашими двадцатью выстрелами был накрыт.

Вечером немцы атаковали и прорвали фронт у Красной Горы. Там оборонялась 6-я рота 2-го батальона. Этот прорыв произошел 22 октября 1941 года двумя пехотными полками. Противник обходным маневром расчленил дивизию и полк пополам. Одну группу он послал на Козино, вторую на Чубиново — Лукьяново, третью на Новошурино и вышел ко мне в тыл на Новлянское. Для парирования удара у нас никаких резервов не было. В это же время он прорвал нашу оборону в районе Трулиси на участке капитана Мешкова и устремился на Волоколамск. Прорыв был совершен на участке дивизии в четырех местах.

Полк полковника Капрова, остатки батальона капитана Мешкова по приказу отходят в направлении Спас-Рюховское. 2-й и 3-й батальоны 1073-го стрелкового полка майора Елина отходят в направлении Софатово — Крюково. Фронт не прорван только на участке 1077-го стрелкового полка майора Шехтмана, по существу, полк никаких боев не вел и оставался на своей позиции под угрозой тактического окружения. Поэтому ему приказано отходить в направлении Волоколамска через Большое и Малое Голоперово, Тимошино, Михайловку, Ивановское.

Первый батальон 1073-го стрелкового полка в районе Новлянское — Васильево — Лазарево остается в окружении.

Я собрал командиров рот и отдал приказ:

«Занять круговую оборону, в целях экономии боеприпасов стрелять только наверняка, подпустив немцев на 50—100 метров; пленных не брать, в плен не сдаваться. Стрелять до последнего патрона, а последний оставить для себя. Артиллерийские орудия должны вести стрельбу на картечь прямой наводкой, последним снарядом взорвать орудия и расчет. За всякое нарушение дисциплины и порядка, за неповиновение наказание — только расстрел. Никаких выговоров и взысканий не существует».

В это время немецкие колонны двигаются на Волоколамск, в районе Спас-Рюховского идут бои. Этими боями руководит сам генерал Панфилов.

24-го 1-й батальон 1073-го стрелкового полка выходит из окружения с боями и останавливается на привале в районе Иваново и совхоза имени Сталина в лесу. В это

время по направлению Новошурино, Спас-Рюховское движется немецкая колонна, по 20—30 фрицев в каждой машине. Мы вводим в бой восемь орудий, восемь станковых пулеметов. И обрушиваемся огнем на немецкую колонну — это называется «прищемить хвост»... Дорога контролируется огнем для того, чтобы не дать противнику двигаться вперед.

Внезапным огнем прямой наводкой восьми орудий, восьми пулеметов уничтожается почти до одного батальона противника в тылу, но так как это не дает движения вперед, немцы решили расправиться с нашей группой в районе Иванова, и 1-й батальон 1073-го стрелкового полка снова попадает в кольцо. Немцы атакуют. После отбития атак они оказываются в невыгодном положении: Спас-Рюховская дорога закрыта, держится под огнем. Были, конечно, жертвы и с нашей стороны, и со стороны немцев. Наше счастье заключалось в том, что лес был окружен болотистой местностью, танками подойти к нам было невозможно, и немцы могли оказать действие только живой силой...

Воспользовавшись темнотой, батальон направился через Клишино на север Крюкова и Волоколамск. Те, кто двигается впереди, называются головной походной заставой (ГПЗ), те, кто охраняет фланги, подразделения, совершающие марши, называются БПЗ, те, кто охраняет тыл, называются тыловая застава или тыловое охранение.

Встречались и безграмотные командиры. Движение было не по дороге. Командир первой стрелковой роты Филимонов Ефим Ефимович спутал направление, приняв маленькую ложбинку на деревню Миловани за дорогу на Клишино и уклонился на восток, выйдя прямо к противнику.

Батальон вытянулся в колонну, колонна очутилась в Миловани. От ложбины до леса полтора километра, местность открытая, на виду у противника не пройдешь. Противник же думал, что мы ушли и двигает вперед колонну за колонной. А мы стоим от них в 500 метрах. Да! Вот так из-за безграмотности Филимонова было потеряно время. Мы хотели воспользоваться темнотой и уйти...

Чтобы не быть расстрелянным, нужно было расстреливать самим, и погибнуть, не защищаясь, а нападая, надо было выбрать наименьшее зло. Как быть? Развернуть орудия, пулеметы — пусть они ведут бой?.. Но тут

нужно самое короткое время, вот если проскочить бегом — это очень хорошо, а отвоевывать силами 600 человек открытое пространство не так легко.

Решил боевой порядок построить ромбом, не развертывая пулеметы, артиллерию в бой не вводить, вводить только винтовки. У нас наступление принято делать перебежками, — этого не делать, а идти умеренным шагом; прицельных выстрелов не производить, так как они будут задерживать темп движения. Первая рота в линию, вторая рота в линию, третья рота в линию, взвод связи, пулеметная рота в линию, артиллерия, обоз — в середине.

Боевой порядок был построен в шеренгу. Что тут принимали во внимание? Массовый огонь и чувство немцев к самосохранению. Было приказано винтовки держать так, чтобы траектория полета пули не превышала рост человека, артиллерия, обоз боя не принимают, они двигаются в середине. Бозжанов и Рахимов были в углах ромба.

Мы из лощины вышли и дали залп из всех винтовок в направлении колонны, которая идет по четыре. Первый залп был удачный, он буквально скошил врага. Шагая через трупы немцев, давая их колесами своей артиллерии и обоза, dokonчивая раненых, мы прошли через реку вражеской крови. Дошли до леса. В это время девять танков противника бросились за нами вдогонку. Мы развернули два орудия, подбили два танка. Противник уничтожил два наших орудия, но обоз и пехота успели войти в лес. Наши жертвы — около 30 человек. Почти батальон немцев был раздавлен. Это один из эпизодов выхода из окружения. С боем отходят части, занимая промежуточные рубежи до Волоколамска.

Танковая масса в 60—70 танков вела бой за Спас-Руховское. Сюда генералом Рокоссовским были перебросены два противотанковых полка. Сорок танков противника были подбиты. Это первый случай, когда нашей дивизии придавалась противотанковая артиллерия.

Генерал Панфилов организовал взаимодействие сил и стал руководить боем. Пехоты здесь было мало. Заслуга генерала Панфилова заключается в том, что он впервые руководил вводом в бой противотанковых полков, и под его руководством были подбиты 40 танков.

Для того чтобы иметь более подробное представле-

ние о боях 8-й гвардейской дивизии под Москвой, рекомендую прочитать повести Бека — там даны и некоторые обобщения.

27 октября 1941 года противник, сосредоточив силы, идущие по Осташовскому большаку в направлении Соколово, Шибаново, Крюково, в результате упорных двухсуточных боев, после жестокой авиационной бомбежки Волоколамска, занимает его. Вот тут против одной нашей дивизии действуют четыре дивизии противника. Бои за Волоколамск были по тому времени сильными боями. Волоколамск немцам обошелся дорого. Они потеряли больше половины тех сил, которые были у них здесь. Заняв Волоколамск, они дальше двигаться не смогли и вынуждены были занимать оборону фронтом на восток, не сумели развить успех, выдохлись.

До 16 ноября 1941 года немцы вынуждены были обороняться, а заставить победителя 20 дней обороняться — это очень много значило в те дни 1941 года.

Для Москвы, которая тогда находилась в «подкове» с севера и с юга, — это был уже большой выигрыш. Не только 20 дней, 20 часов тогда решали судьбу, даже два часа, а за 20 дней можно было перебросить целую армию. И эти 20 суток для нашего командования имели большое значение.

В этом и заключается заслуга генерала Ивана Васильевича Панфилова и нашей дивизии, которой удалось перемолоть живую силу противника, обескровить и заставить его принять оборону и простоять 20 суток на этом участке. Вот почему в 1941 году и подняли так высоко 8-ю гвардейскую дивизию, как боевую и заслуженную на этом ответственном направлении на подступах к Москве...

Наши занимают оборону: в районе Буйгорода, Авдотьино — 1077-й стрелковый полк Шехтмана, Ченцы занимает 690-й стрелковый полк, не входящий в нашу дивизию; Мыканино, Ядрово занимает 1073-й стрелковый полк майора Елина без одного батальона (об этом скажу дальше). Ядрово, Дубосеково и ряд других, включая станцию, занимает 1075-й стрелковый полк капитана Капрова. Таково положение сторон после занятия Волоколамска. Противник в обороне, и наши в обороне. 1-й батальон 1073-го стрелкового полка, занимая оборону на северо-западной окраине Волоколамска

(рабочий поселок, фабрика имени Ленина), остается в окружении. Выход из окружения описан во второй повести Бека.

Приведу несколько эпизодов, свидетельствующих о значении личного примера командира для поддержания морального духа бойцов. Я стоял около ветеринарного пункта, в то время как мой батальон пошел в наступление. Немцы ведут сильный обстрел, но бойцы идут, некоторые падают. Вперед я послал своего старшего адъютанта с ординарцем и, когда узнал, что выступило последнее отделение, решил идти сам. И мы с Бозжановым пошли последними. Дорога метров 500, теперь нужно бежать, но я иду, подошли к ложине — опасность миновала. Подходим к следующему сборному пункту. И тут Бозжанов прочел мне целую лекцию, что заслуга командира не в том, чтоб умереть, а жить для того, чтобы сохранить своих людей. Но в данном случае надо было показать бойцам, что опасности нет, нужно было психологическое воздействие. Взвод снабжения, взвод связи отошли на север с другим батальоном полка, мы оказались без питания, и было уже не 600, а около 400 человек, сохранился и мой конь Лысанька. У Николая Митрофановича были папиросы и три сухаря. Он принес их мне, но ведь все хотят курить. Подхожу к солдатам, угощаю, но ни один не взял папиросы. Я тогда не придавал никакого значения этому, а сейчас я понял, насколько наши бойцы были благородными.

Батальон пошел дальше.

Немало исколесил я со своим батальоном дорог. Оказывается, голод страшнее немца. Идем в тылу противника пять суток, все голодные. Попадают отдельные батальоны, отдельные роты противника, иногда приходится принимать бой, хотя сильной необходимости в этом не было, но делали это, чтобы люди забыли о еде, чтобы воспользоваться фляжками немецких офицеров. На шестые сутки в одном месте сделали привал. Ко мне подошел бывший агроном Алма-Атинской селекционной станции: «Товарищ комбат, разрешите обратиться». Вид у него неряшливый. Я приказал отойти на десять шагов, привести себя в порядок. Он это проделал и, подойдя, сказал: «Хочу кушать». Накануне я хотел зарезать Лысаньку, но бойцы не дали. Я ему ответил, что если мое мясо съедобное, то режьте и ешьте. Он

смутился и ушел. Я вслед ему крикнул: «Передай всем так».

В одном бою некоторые раненные остались без медпомощи, виновником был врач Красненко. Лейтенант Беликов в одном бою растерялся и совершенно не мог управлять взводом. Батальон раскис, прежде всего раскисли офицеры. Нет строгости и повелительной команды с их стороны.

Я собрал офицеров, их было 36 человек, надо было принять какие-то меры.

— За то, что оставил раненных на поле боя, военврач Красненко разжалован в рядовые. Старший санитар Киреев произведен в фельдшеры. За плохое руководство взводом во время боя лейтенант Беликов разжалован мною в рядовые. За хорошее руководство младший командир взвода Усик назначен командиром взвода.

Смотрю, офицеры не очень довольны этим. Перешел к общей части своей речи.

Красненко возмущился:

— Я — лицо старшего начсостава, и вы не имеете права этого делать.

— Ты прав, Красненко, но ты не знаешь, кто я такой.

Офицеры недоумевающе смотрят на меня.

— Я Председатель Президиума Верховного Совета, я Председатель Совета Народных Комиссаров, я Председатель Комитета Обороны, я Главный Прокурор СССР... Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами СССР, понятно вам? Вы думаете, что я сошел с ума? Нет, я в своем уме. Я — командир, поэтому беру всю власть в свои руки. Оккупированная территория Советского Союза является океаном, и эти 350 метров, где мы сейчас стоим, являются островом. Кому принадлежит верховная власть, кто здесь Верховный Главнокомандующий? Конечно, я. Я имею право не только разжаловать, но и расстрелять. Прикажете мне вас сдать немцам? Нет, не выйдет. Голоду вас не сдам и немцам не сдам. Если через два-три дня мы не соединимся с нашими, то из пулемета всех вас скошу и сам застрелюсь. Ваши жены и дети будут благодарить меня.

После всех этих резкостей потребовал еще, чтобы все подтянулись и взяли себя в руки...

Подошли к деревне Пашково. В других деревнях

находились немцы, но эта деревня почему-то не была занята ими. Я спрашиваю, кто здесь остался — председатель, бригадир? Отвечают: есть Иван Петрович.

Я попросил его подойти, он подходит и этак нагло говорит:

— Что вам тут делать, ведь тут власть немецкая. А я ему в ответ:

— Батальон идет по тылу противника, давно не ел. Тебе дается пять минут сроку, чтоб достать три коровы, зарезать их, собрать всех деревенских баб, чтобы они приготовили нам пищу.— Обращаюсь к Хасанову: — Хасанов, иди, проследи, чтобы все было, как надо.

Через десять минут собралась вся деревня. Привели три коровы, я приказал их зарезать. Затем объяснил собравшимся, кто мы такие, что идем седьмые сутки, хотим отдохнуть. Из деревни никто не должен выходить, кто это сделает, будет расстрелян. Потом попросил, чтобы каждая хозяйка приготовила пищу на десять бойцов.

Я был очень доволен поведением этих женщин.

Два дня отдохнули, один день повоевали с немцами, а на следующий день ушли и присоединились к своим частям.

Остановлюсь на некоторых деталях.

После такой продолжительной голодовки от обильной пищи мой батальон заболел. Может быть, об этом и неприлично рассказывать, но это имело свои неприятные последствия. Я должен был задержаться еще на два дня. На ветеринарном пункте я нашел целую бутылку опиума, ко мне подошел Киреев, и я велел ему забрать этот опиум.

Ко мне подходит Рахимов (он был просвещенный человек) и говорит:

— Вот если бы был опиум, то можно было бы облегчить положение людей.

Он ушел, а я начал лечить... Один солдат как-то особенно болезненно переживал свой недуг, и я дал ему разбавленное мной лекарство (полстакана воды на полстакана опиума). В это время пришел Рахимов, а я уже и сам намеревался принять такую порцию. Он мне и говорит:

— Что же вы делаете, разве так можно, ведь этой бутылкой можно вылечить тысячи человек!..

А опоздай Рахимов на несколько секунд, я был бы

в таком положении, как и тот солдат, который выпил лекарство моего изготовления. Правда, мы его отпоили молоком и спасли...

Панфилов вызвал меня с докладом. Одной из его особенностей было умение выслушивать по-отечески. Уехал я от него часа в два ночи. После моего рассказа о лечении опиумом он смеялся до слез. С разжалованием тех двоих согласился... 14 ноября 1941 года меня вызывают на командный пункт, и командир дивизии ставит следующую задачу: занять оборону в районе деревни Горюны на Волоколамском шоссе, станции Матренино и отметки 235,1, протяженность восемь километров. Я пришел в ужас от того, что батальон занимает такой большой участок обороны.

Отмечу еще одну особенность генерала Панфилова: он умел располагать к себе подчиненных, а ведь это нелегко. То, что я думал, я от него не скрывал и сказал:

— Как же вы даете мне на восемь километров 400 человек?

Он отвечает:

— А вы не бойтесь, одну роту — в Горюны, одну — на станцию Матренино, одну на отметку 235,1.

Тогда я не понимал, думал, что он распыляет силы, и спрашиваю:

— Как же я буду управлять?

Панфилов говорит:

— Если командиры освоят задачу до конца, то управлять ими не потребуется.

Но мне все-таки это дело не понравилось. Видимо, он прочел все на моем лице, остановил у дверей и сказал:

— Мы здесь занимаем оборону, немец на днях прорвет ее, двух эшелонов у нас нет. Вы будете являться вторым эшелоном нашей дивизии.— Посмотрел на меня и говорит: — Вы знаете, ведь я жертвую вашим батальоном, продержитесь до двадцатого на рубеже Горюны — Матренино — отметка 235,1...

Я был удивлен: немцы еще не пришли, а он ставит мне такую задачу, да еще говорит, что жертвует батальоном. Ведь не каждый командир так откровенен со своим подчиненным...

15-го занимаем оборону. 16 ноября 1941 года немцы, сосредоточившись, приведя в порядок те силы, которые воевали за Волоколамск, мощным ударом прорывают

фронт в трех местах: на правом фланге в районе Буйгорода идет жестокий бой с подразделениями 1077-го стрелкового полка майора Шехтмана, в районе Авдотьино прорван фронт на участке 690-го полка, основной удар нанесен в районе Ченцы, на левом фланге полка, второй основной удар, как обходный маневр,— в районе Дубосеково на участке 1075-го стрелкового полка. Это второй тур наступления немцев на Москву...

17 ноября стало днем наиболее яркого проявления массового героизма солдатами и офицерами нашей дивизии. Справедливо называют подвиг 28-ми образцом героизма, но в тот день это было не единичным случаем. В этот же день на участке 1077-го полка, в районе деревни Строково 11 саперов ведут борьбу с 20 танками противника и героически погибают. В этот же день в районе деревни Мыканино 17 бесстрашных под командованием лейтенанта Угрюмова и политрука Георгиева ведут гранатный бой против 25 танков. Из 17 человек уцелело только двое, и они подбили восемь танков.

Немцы вынуждены были повернуть назад.

В районе деревни Ядрово, в тылу 2-го батальона 1073-го стрелкового полка младший лейтенант Исламкулов Мухаметкул и лейтенант Огуреев, случайно очутившись в тылу с 20 стрелками, отражают атаку батальона немецких автоматчиков. В этот же день в районе Дубосеково против 50 танков ведут борьбу под командованием Клочкова 28 бойцов 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича 1075-го полка полковника Капрова (Гундилович впоследствии погиб в чине майора). В этот же день массовый героизм проявили 80 стрелков командира Семена Краева, политрука Ахтана Хасанова, на станции Матренино 120 стрелков под командованием лейтенанта Филимонова Ефима Ефимовича и 90 стрелков под командованием лейтенанта Танкова в деревне Горюны на Волоколамском шоссе. Вот сколько случаев имели место 17 ноября 1941 года, а не только подвиг 28-ми.

Если мужество каких-либо групп, подразделений или отдельных бойцов осталось неотмеченным, то это не делает чести командиру, руководству, значит, они не до конца выполнили свой долг. Было бы совершенно не-

справедливо и неумно, если бы мы успех всех героев целиком и полностью считали заслугой 28. Они были и есть — 28, и я до земли преклоняюсь перед их мужеством. Считаю его образцом массового героизма, но когда говорят, что они были единичны, это уже не делает чести дивизии. Вторая сторона дела — почему герои обязательно погибают, почему их не выручают? На самом деле были приняты все меры как со стороны генерала Панфилова, так и Капрова, Гундиловича, но все старания были безуспешными, потому что сила есть сила, и превосходство противника есть превосходство.

Основой побед нашей дивизии против шести дивизий противника являлись хорошие боевые качества солдат и командиров и действия генерала Панфилова как руководителя. Массовый героизм был присущ бойцам не только в день 17 ноября, а везде и всюду.

Что такое массовый героизм? Это борьба, техника, искусство ведения боя, поведение солдат и офицеров. Восемь человек не победят 80 никогда, сила все-таки есть сила, но, как гласит казахская поговорка, кулаком убьешь одного, умом — тысячи. Суворов говорил, что побеждают не числом, а умением.

8-я дивизия вышла против шести немецких дивизий не кулаком, а умом офицеров и солдат своих, искусством ведения боя. В доказательство этого приведу характерный эпизод на станции Матренино.

В 12 часов 16 ноября 20 немецких самолетов делают налет. Целый день до вечера противник ведет артиллерийскую подготовку. В это же время на отметке 235,1 немцы ведут артиллерийскую подготовку по 2-й роте. Я находился в Горюнах. 17 ноября авиация противника повторяет то же самое. Лейтенант Филимонов докладывает, что немцы накапливаются для атаки. А генерал Панфилов приказал до 20-го продержаться. Действительно, противник ведет жестокую артподготовку по кучке людей в 120 человек. Земля замерзла, укрытие вырыть трудно. Немцы же хотят во что бы то ни стало взять узловой пункт. Вижу, огневое преимущество на стороне противника, авиационное тоже. Приказано держаться до 20-го, но при таком соотношении сил останется жив кто-либо из этих 120 человек?

Прихожу к убеждению, что до 20-го из этой роты никого в живых не останется. Следовательно, задача не

будет выполнена. Попробуем сделать так, как хочет противник. Он хочет взять Матренино — пусть берет. Вызываю Филимонова и приказываю бежать в беспорядке, в панике, со станции Матренино. Приказано бежать — беги. У моста в лощине — остановиться. Бойцы побежали врассыпную, в беспорядке. Как только наши побежали, немцы прекратили артиллерийскую стрельбу. Немецкий батальон, который был предназначен для атаки, занял станцию Матренино. Так как русские на их глазах побежали в панике, они даже не удосужились поставить часовых. Через 30—40 минут вызываю Филимонова и Бозжанова, приказываю:

— Разделить людей на три группы и затем с криком «ура»! броситься на станцию Матренино с трех сторон.

Филимонов удивился, но приказ есть приказ. 120 человек, стреляя на ходу, с криком «ура»! с трех сторон врываются на станцию Матренино. Немцы в панике побежали. Офицеры, даже угрожая пистолетом, не могут привести в порядок своих солдат. Немцы бегут. Наши расстреливают их. В результате боя было уничтожено 200 вражеских солдат и офицеров, захвачена штабная машина с документами.

Хочу объяснить, почему я подробно останавливаюсь на действиях своего батальона. Потому, что я его знаю лучше и характерные примеры привожу из жизни своего батальона. Не надо думать, что я этим хочу сказать о себе, что я самовлюблен — это не так. Таких батальонов было в дивизии немало, были и лучшие батальоны.

На отметке 235,1 немцы вели артиллерийскую подготовку. Краев по телефону спрашивает: «Что делать, немцы могут обойти?» Чего хочет здесь противник? Он хочет окружить эту группу и уничтожить ее. Будем делать так, как он хочет. Приказываю Краеву притвориться мертвыми, чтобы создать у немцев ложное впечатление. Немедленно прекращается наш огонь. Немцы тут же кончают артиллерийскую подготовку. Свертывается колонна и подходят восемь танков. Думая, что мост заминирован, экипаж трех передовых танков — девять человек — выходит осмотреть мост. В это время «мертвые» воскресают, поднимаются с криком «ура»!, и 80 человек бросаются в контратаку против 400. Пулеметчик короткой очередью укладывает экипаж, осматривающий мост.

В итоге уничтожено 150 немцев, захвачено одно

орудие, один трактор-тягач, 150 снарядов,, три танка, штабная машина с документами.

Угроза окружения не только предотвращается, но даже кончается победой...

Немцы прорвали фронт. И через Дубосеково стремятся на Ядрово, Амельфино. Идет бой в Гусенево, на 1-й батальон 1073-го полка, со стороны Ядрово, Покровское, Матренино, Дубосеково наступает противник.

К вечеру 17 ноября ко мне на КП являются командиры 1073-го стрелкового полка Елин, полковник Капров, командир одного противотанкового полка в чине майора. В этот день я захваченные документы отправлял в штаб — четыре мешка бумаги.

В 12 часов ночи меня к телефону вызывает генерал Панфилов и требует доложить обстановку. Я доложил. Тут же сообщил, что на моем командном пункте находятся полковник Капров и Елин. После моего доклада Панфилов мне приказывает: «Примите командование всей группой». Я еще раз пытаюсь ему доложить, что у меня на пункте имеется полковник, но генерал Панфилов сказал: «Примите вы».

Бозжанов, видя, что я колеблюсь, говорит: «Ақсақал, өзіңіз басқарыңыз, бізді ешкімге тапсырмаңыз («Уважаемый, командуйте сами, не передавайте нас никому»)). После разговора с ним вся моя нерешительность исчезла, я вернулся на КП и сказал, что генерал Панфилов приказал мне принять командование. Я отдал команду и стал командиром группы, но только в течение шести часов. В этих обстоятельствах мне очень понравилось поведение полковника Капрова, его большая выдержка, он беспрекословно подчинился приказу генерала Панфилова. Вот это умение повиноваться и есть положительная черта этого человека...

Второй основной тактический замысел Панфилова — это отвлечение противника в сторону от основного его направления, от направления на Москву. Поэтому Панфилов отходил то вправо, то влево от большака, а противник вынужден был преследовать его. Цель этого маневра опять-таки заключалась в том, чтобы задержать противника и тем выиграть время...

Дойдя до деревни Матренино, где оказались немцы, нам, чтобы перейти большак, пришлось принять бой. Остановлюсь на эпизоде перехода большака. Для того

чтобы немцам не дать возможности двигаться, Панфилов это место преградил, перерезав дорогу. Когда Панфилов занимал свою основную позицию, он не стремился к большаку, а обходил его. Противник вынужден был, чтобы обеспечить себе нормальное движение по большаку, отбросить на 5—10 километров части Красной Армии. Этим Панфилов отвлек противника в сторону, добился распыления его сил и проигрыша времени для немцев. Потом снова рывком он становился на пути противника. Здесь яркое проявление «спирали» Панфилова. Спиралью я это называю потому, что все бои Панфиловской дивизии под Москвой характерны тем, что она перерезала путь, отскакивала в сторону и увлекала за собой противника, отводила его километров на 10, потом рывком снова становилась на его пути, снова уходила. Такими маневрами силы противника распыляются, наши части снова выходят на большак. Это в настоящем смысле слова изматывание противника давало выигрыш во времени. Этот опыт сейчас применяется уже многими генералами и полковниками. В послевоенное время эта «спираль» войдет в военную историю, и я надеюсь, что авторство Панфилова будет признано.

В районе деревень Голубцово, Авдотьино, Ефремово, Амельфино ведутся ожесточенные бои наших частей с противником. Тут находится 1-й батальон 1077 полка, в Амельфино — 1077-й полк. В этих районах велась очень упорная борьба, и бои там были исключительно кровопролитными.

О месте гибели 11 саперов я уже сказал, когда говорил о боях в районе Строково... Там основным был 1-й батальон 1073-го полка. Двигаться по большаку невозможно — основная сила противника была на правой стороне большака и поэтому при выходе из окружения, когда наши части находились на правой стороне железной дороги, батальон отводится в обратную сторону, то есть на левую сторону, доходит до деревни Матренино. Горюны были уже сданы, и по Волоколамскому шоссе непрерывно двигались вперед колонна за колонной немцы. Что же делать?

Мы расположились в одну линию вблизи шоссе, надо было выбрать момент для того, чтобы проскочить через проходящие по большаку немецкие колонны. Вдруг

проходит мотоцикл, за ним легковая машина, за ней грузовые с солдатами, а мы находились метрах в 25—30 от дороги. Мною было дано распоряжение пропустить первую легковую машину, за ней грузовые, а когда проходит последняя легковая машина, даю команду «Огонь!» Приказ открыть огонь был только по кузовам машин, в шоферов не стрелять. Расчет был на то, что они, охваченные ужасом, не останавливаясь, своих раненых и убитых быстро повезут дальше, а мы в это время проскочим через дорогу.

Так и сделали. Последнюю легковую машину приказано было остановить, поэтому был взят на прицел и шофер и сидящий рядом с ним офицер. Остановить машину мы решили для того, чтобы захватить документы. Когда открыли огонь, легковая машина сразу остановилась. Два офицера прыгнули, упали, шофер остался за рулем. Некоторые немцы после стрельбы прыгнули с машин, но уже смертельно раненые. Шоферы в безумии погнались машины. Я крикнул вперед группе, чтобы рывком пробирались в лес.

У нас было такое указание: убил немца, докажи это. Мало сказать я убил 10—15 немцев, давай доказательства. Поэтому наши бойцы были приучены — убил немца, лезь к нему в карман и доставай документы. Это делалось потому, что на войне очень много выдумывают, как и на охоте; только прицелился, а говорит, уже убил, убил одного — говорит, что убил 10. Вот и было приказано — убил, доказывай документом...

Я подал команду «вперед!», и мы рывком устремились туда, к трупам 50—60 немцев, которые прыгнули с машин и были подстрелены. Я повернулся и кричу своим людям: возьмите документы. В это время я находился как раз около убитого офицера из легковой машины. Думаю, наверное, у него никто не успел взять документы. Нет, смотрю, клапан кармана открыт. Немец — белобрысый, на руке след от часов. Кто ж это успел? Тут подошел Бозжанов, мы забрали из машины радиостанцию. Это была штабная машина, взяли документы, противотанковой гранатой взорвали машину и ушли в лес.

Остановились на привал. Начальник штаба батальона Рахимов попросился осмотреть местность, я говорю: «Иди, осматривай.» Он пошел со своим ординарцем. Мы

сидим, курим. Взвод лейтенанта Буранаевского был поставлен для прикрытия со стороны большака, чтобы немец не застал врасплох. Вот мы сидим, разговариваем, курим... Вдруг взвод Буранаевского с криками «Немцы, немцы!» побежал.

Я ничего не успел сказать, как весь мой батальон побежал. Эти мужественные люди, которые четыре дня дрались в окружении, побежали в панике, в беспорядке. Бросили две противотанковые пушки, которые с большими трудностями вывели из окружения.

У меня мелькнула мысль: как же так, четыре раза выходили из окружения, из-за этих пушек мы всегда терпели неприятности. Не хотелось их бросать, а они по тропе не проходят, приходилось искать пути, задерживаться, выносить на плечах. Единственная мысль, которая пришла мне в голову: неужели все пропало?

Помните слова Панфилова: жертвенный батальон? А батальон наш уцелел. И вот — немцы, а солдаты бегут. Я словно оцепенел. Смотрю, действительно, одна танкетка и около 20 немцев идут на расстоянии 100—150 метров. Был у меня такой момент оупления, когда я не мог отдать ни команды, ни распоряжения. Мной овладела единственная мысль — неужели все пропало? Вдруг слышу голос Федора Дмитриевича Толстунова, политработника:

— Смотрите на своего командира, на комбата, — кричал он, — он остался один, а вы все бежите! Как вам не стыдно, назад!

Этот голос дошел до бойцов. Дальше, слышу, мимо меня пули свистят, вот тут весь батальон повернул назад. Слышу команду Филимонова, потом бойцы устремились на противника. Я все еще не могу прийти в себя. По существу, это была паника. Но вот, что значит воздействовать на совесть солдата, как это сделал Толстунов. Я обязан Толстунову, который прекратил панику и повернул людей обратно. Это был мужественный поступок. А я остался один, когда все побежали. Правда, после этого эпизода бойцы приписывали мне отвагу и мужество, но я этого не признавал за собой. Отваги не было, а была настоящая растерянность, я лишился чувств, дара речи и движения, но этот случай характерен в смысле личного примера. Отсюда видно, как можно мгновенно нагнать панику и как ее можно мгновенно

пресечь. Вот почему я утверждаю, что чувство страха постоянно сопровождает солдат. Мне часто задавали вопросы, правда ли, что человек, прошедший много боев, превращается как бы в бесстрашного. Чувство страха преследует бойца постоянно, и в каждом бою страх неизбежен. Мой батальон прошел много боев, был в окружении четыре раза, и все-таки люди после многих боев оказались неспособными преодолеть страх. Поэтому я не согласен с тем, что бывалому солдату непристало чувство страха. Имея боевой опыт, можно только иначе пережить, легче преодолеть это чувство страха, но бесстрашного солдата в абсолютном смысле слова найти невозможно. Бесстрашие бывалого солдата — в его опыте.

Рахимов не вернулся, может быть, попал в плен, может быть, его убили, но потерять такого выдержанного, умного, хладнокровного начальника штаба для командира большое горе, тем более в тылу противника. Я, расстроенный потерей Рахимова, бегством батальона, назначил лейтенанта Буранаевского в головной дозор, а он вместо того, чтобы пойти на северо-восток, удалился на северо-запад. Я не командир отделения и не должен идти в головной дозор, а обязан командовать батальоном, но впоследствии мне самому пришлось идти вместо этого дозора и дозорного.

Я стремился в деревню Гусенево, думая, что там штаб дивизии. Подходим. Гусенево горит, и непонятно — немцы там или наши. Мы остановились на дороге. Решили разведать. Батальон остался на дороге, в охрану послали одно отделение в 12 человек под командованием сержанта Гапоненко, украинца. Разведчики не возвращаются, местность открытая. Слышу, с одной стороны гул моторов, с другой стороны гул моторов, значит, кругом немцы. Оказывается, остановились мы на развилке дороги. Поскольку разведчики не вернулись, начальника штаба своего потерял, решаю сам проверить, как наши правый и левый дозоры выполняют свои обязанности, так как от их бдительности зависела сейчас сохранность батальона. Пошел проверить, что же делает отделение Гапоненко. Смотрю, все они у большого дуба спрятались и сидят, как цыплята в гнезде, вместо того, чтобы охранять батальон.

Я скомандовал «Становись!» и говорю:

— Расстреляю всех как предателей!

Бойцы ни слова в ответ, стоят бледные, все выравнялись (это уже говорит о признании вины и покорности солдата). Когда я объявил, что расстреляю всех, Гапоненко стал просить не расстреливать. Я выстрелил в Гапоненко, он присел, но тут же приподнялся и говорит:

— Не надо расстреливать всех.

Я подумал, что я его ранил и опять выстрелил. В это время разум мне подсказал, ведь он просит о пощаде не для себя.

Два раза я стрелял в него на таком близком расстоянии и не попал. Ну, говорю, значит тебе жить положено. Встань, занимай свое место.

Потом этот же Гапоненко три раза спасал меня в бою. Я этому тогда не придавал значения. Но после, когда я о нем думал, я понимал, что это самый благороднейший человек из всех тех, с кем я встречался. Такого справедливого солдата, такого сына способна была родить наша прекрасная Украина. Он мог бы в отместку не раз пустить мне пулю в затылок, но он осознал, что в то время, когда хотел расстрелять его, я был прав. И то, что он просил пощады не для себя, а только для отделения, тоже характеризует его как благороднейшего человека. Поэтому я могу утверждать, что когда наказание справедливо, солдаты не обижаются и не мстят.

В книге вы встретите несколько подтверждений моей формулировке, что осмысленная, заслуженная, справедливая, беспощадная строгость к солдату никогда его не обижает, она необходима, гуманна и человечна. Справедливость — талисман — и его должен носить в себе каждый командир и солдат. Только силою справедливости справедливые бывают справедливыми. В этом смысле Гапоненко является одним из моих учителей. Я до сих пор краснею за свои выстрелы по нему, как проявление моей горячности и невыдержанности. Но этот урок в дальнейшем помог мне обуздывать себя...

Я намеревался встретить свои части в деревне Гусенево и Колпаки, но они уже отошли. Нас застал вечер.

Деревня Ново-Покровское является узловым пунктом четырех шоссе и железной дороги. И генерал Панфилов стремился опередить противника в этом узле. Но я об этом не знал, так как связи у нас не было. По

бездорожью нам двигаться было нельзя, у нас было две пушки, поэтому двигались мы по тропам и просекам. 23-го числа мы вышли на первый фланг дивизии в районе севернее Колпаки.

Встречаю командира 3-го батальона 1077-го полка старшего лейтенанта Ковалева. От него узнаю, что 18 ноября нам было присвоено звание Гвардейской дивизии. Дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую, награждена орденом Красного Знамени. Узнал я и третью, уже печальную новость, что в районе деревни Гусенево погиб генерал Панфилов...

До штаба дивизии нам оставалось километров 15. Мы четвертые сутки двигаемся, голодные. Я попросил Ковалева нас накормить, но у него ничего не оказалось. Одно дело накормить одного человека, другое — батальон. Хотя батальон к тому времени значительно поредел, но накормить было трудно. Был сильный мороз, и голод ощущался еще сильнее. Когда руки и ноги мерзнут, это еще терпимо, но когда замерзают внутренности, это уже плохо. Когда идешь — ничего, а остановишься — ощущение такое, будто замерзает весь организм, чувствуешь, что именно внутри мерзнешь.

Мы дошли до штаба дивизии. Командование дивизией принял полковник Шелудько. Захожу в штаб. Знаете, когда командир слишком популярен и его очень любят, то потеря его вносит расстройство в работу. В штабе дивизии бестолковая беготня, люди сами не свои. Да и начальник новый, так что штаб дивизии я не узнал. Тут же в штабе полковник Серебряков мне сообщил, что когда Панфилов узнал, что наш батальон находится в бедственном положении, он приказал полковнику Капрову разыскать нас любой ценой. Поэтому в тыл противника, в район Матренино и Горюны была послана рота. Я рассказываю об этом потому, что хочу подчеркнуть еще раз личность генерала Панфилова. Это характеризует его и как человека, и как генерала, не бросающего своих людей. В архиве штаба дивизии есть специальное письмо-распоряжение Панфилова...

По прибытии в штаб я получил приказание написать рапорт о результатах боев. Рапорт написал, он находится в архиве 8-й гвардейской дивизии. При этом рапорте есть личная записка Панфилова, которую я по глупости

отдал в штаб дивизии. Там говорится: «В 2 часа ночи, 17 ноября, т. Момыш-улы. Ваше донесение получил, вашей работой все довольны. Желаю успеха, передайте всем бойцам мои лучшие пожелания». Эта записка случайно сохранилась у меня в блокноте, и я ее сдал в штаб дивизии. Дальше он писал об обстановке, расположении батальонов, расстановке сил. Этот документ является также характерным, потому что вот генерал, а нашел время написать командиру батальона или старшему лейтенанту записку во время боя.

Рапорт я передал адъютанту Шелудько. Полковник Шелудько принял мой рапорт и приказал идти в распоряжение командира полка Елина, который находился в 16 километрах. Пока я писал рапорт, получал назначение, люди стояли в лесу замерзшие и голодные. В этот день я узнал, что Рахимову и Филимонову присвоено звание старшего лейтенанта. Построил я своих бойцов и устроил, если можно так выразиться, «митинг». Поздравил бойцов с награждением, сообщил, что командование довольно нашими действиями, перед строем вывел двух лейтенантов, приказал обращаться к ним как к старшим лейтенантам.

Растроганные всем этим и тем, что нас считали погибшими, а мы все же вышли к своим, солдаты испытывали радость и гордость, и куда только девалась их усталость!

Дальше события развивались так: в районе Ново-Покровского вели оборонительные бои 1075-й, 1073-й и 1077-й полки. Упорные бои шли за деревни Рыбушки, Устиново и Ново-Покровское. Это был замысел Панфилова. Бои вел полковник Шелудько. В этом месте немцы были как раз три дня прикованы к узловому пункту.

В Ново-Покровском полковник Шелудько провел неплохой бой. Но тут немцы начали отступать. 21 числа авиация противника бомбила деревни Деньково, Ново-Покровское, Устиново, Рыбушки; резервные части главного командования занимают рубежи по Истринскому водохранилищу, городу Истра, прикрывая свои части по берегу водохранилища.

23 ноября 1941 года 1073-й полк занимает Рождественку, Пятницу, Лопатино, Трусово; 1075-й полк — Раково, Стариково, примыкая правым флангом к генералу Доватору, который стремится закрыть Ленинградское

шоссе и железную дорогу, так как немцам оставалось только в этом направлении наступать на Москву. Задача немецкого командования была — оставить все эти группы в окружении, чтобы окружить группу Доватора и 1077-й полк.

Заслуга группы Доватора заключается в том, что она южнее города Солнечногорска прикрыла правый фланг — железную дорогу и вторую шоссейную дорогу, по которой немцы стремились на юг, предотвратив окружение всей группировки Истринского водохранилища и города Истра.

26 ноября, в 6 часов утра, мне сказали, что меня срочно вызывают в штаб дивизии. Я прибыл в штаб дивизии, который находился в Соколово. Вызвал меня командир дивизии и говорит: «Вы командир неплохой — доказали это в боях, а как вы посмотрите на то, что мы назначим вас командиром полка?» Я говорю: «Товарищ полковник, я командовать полком не смогу, я не пехотинец, а артиллерист». Но полковник Шелудько уже вызывает машину и везет меня в штаб армии.

Приехали мы к командующему 16-й армии товарищу Рокоссовскому. Подхожу к кабинету, открываю дверь, докладываю: «Старший лейтенант Момыш-улы явился». Рокоссовский встает, идет мне навстречу, подает руку и говорит:

— Ну, товарищ Момыш-улы, не могу сказать, что вы единственный старший лейтенант в Красной Армии, который будет командовать полком, но в моей армии вы единственный, поздравляю. О вас мне говорили. Желаю успеха.

Я ничего не мог ответить. Поворачиваюсь и ухожу.

Вот так в звании старшего лейтенанта я стал командовать стрелковым полком.

Получаю предписание и являюсь в свой полк. Прибыл в Трусово в 12 часов дня, передаю распоряжение майору Елину. Он прочел и говорит:

— Ну, хорошо, приступайте.

Потом вызвал начальника штаба и говорит ему:

— Передаю командование товарищу Момыш-улы, доложите ему все. А меня вызывают в штаб дивизии. И уехал.

В это время полковник Шелудько прислал нам с разных пунктов человек 400 окруженцев, как пополне-

ние. У нас в резерве был старший лейтенант Жуков. Я говорю ему, формируйте батальон. Будете командиром 3-го батальона. Только успел сказать, как застрожили пулеметы, справа и слева немцы. Нарядение на командный пункт. Начальник штаба, который был у меня с докладом, все собрал и поспешно вышел. Посмотрел на улицу — и там паника. Штаба нет, люди новые, только пришли. Вижу, и они побежали из деревни. От Трусово до Соколово маленький лесок. Думаю, там их остановим и удержим. В Соколово я нашел Жукова. 1-й батальон находился в Полежайке, больше никого не было. Жуков только подошел к окраине деревни (ему я поручил организовать оборону левого фланга, сам взял правый). В это время стали обстреливать край деревни. В течение восьми часов я организовал оборону деревни Соколово, поставил заградительный отряд и приказал никого не пропускать, кто бы то ни был — рядовой или офицер. Неповинующихся и бегущих расстреливать...

В 8 часов вечера ко мне является политрук Толстун. Оказывается, когда вся эта группа побежала, он из роты связи сколотил 17 человек и вел бои. В строю среди них оказался мой старый боец-пулеметчик Блоха, украинец.

Я говорю Толстуну:

— Федя, назначаю вас командовать левым крылом обороны.

С 8-ми часов вечера немцы пошли в наступление на Соколово, многие не выдержали их натиска. В этом бою Блоха был ранен, был ранен в руку и Толстун.

Разведка доносит, что противник подвозит много боеприпасов и разгружает в районе Лопотово. Надо было найти какой-нибудь выход, чтобы немцы пустили припасы в расход. 28 ноября вызываю Исламкулова, Краева, Рахимова, Бозжанова, Жукова, каждому даю по одному ручному пулемету и по одному 82-х калиберному миномету. Задача такая: эти пять групп занимают назначенные им позиции и по сигналу одновременно со всех сторон открывают огонь по противнику. Через каждую минуту они бросают по одной mine. Постреляли, потом отдохнули с полчаса и снова начинают. На рассвете вернуться обратно. Разъяснил приказание. Спрашиваю: понятно? Понятно.

И вот в 12 часов ночи начинается круговой обстрел немцев, со всех сторон летят красные, зеленые, желтые ракеты. Немцы в замешательстве, что такое? Никогда русские ракет не бросали, теперь появляются, отовсюду стреляют минометы, строчат пулеметы. Физическое воздействие тут было незначительное. У нас была цель заставить немцев подумать, что случилось что-то непредвиденное, что к утру готовится наступление. К этому времени немцы развертывают батареи, и в два часа ночи я слышу бешеный артиллерийский огонь на все четыре стороны. Меня спрашивают, теперь можно отойти? Нет, ждите до рассвета.

Вот так до утра немцы стреляли, и мы стреляли. По моим подсчетам, противник израсходовал до трех тысяч снарядов. Этого мне как раз и надо было. Не сразу немцы разобрались в чем дело и истратили впустую около тысячи снарядов, но потом они послали разведку во все направления и стали экономнее расходовать боеприпасы. В таком положении немецкий батальон мы продержали двое суток, до 30 ноября...

В деревне Соколово были склады ваты, мы там укрывались до 30 ноября, вата белая и снег белый, эта маскировка нам была кстати: и пуля не берет, и тепло.

30 ноября в 10 часов утра противник 30 бомбардировщиками подвергает жестокой бомбежке деревню Соколово, пускает в ход два танковых батальона и один пехотный полк. После этого мы Соколово сдали. Когда я вышел оттуда, встретил полковника Шелудько. Он отметил, что мы, мол, сдали деревню Соколово. Но я на это сказал ему, что не так уж плохо, что с 200 бойцами мы продержались четыре дня против двух танковых батальонов, одного пехотного полка и 30 бомбардировщиков. Я очень доволен своими бойцами...

Помню еще один трагический момент. Когда мы отошли от Соколово, тут есть деревня Марьино, в направлении совхоза «Дедешино» и дома отдыха «Агадышево». После того, как немцы выбили нас из Соколово, они устремились по этому шоссе с тем, чтобы выйти на Ленинградское шоссе. Мы оказались в районе Тебеньки и Паладино. Я отозвал своих бойцов и решил их вывести. Тут дорога через Паладино выходила на совхоз «Дедешино». Если немцы опередят нас и займут совхоз «Дедешино», мы окажемся в окружении.

Веду свой полк в лес. Встречаем 1075-й полк под командованием майора Старикова. Присоединяются к нам командир отдельного минометного батальона с 27 минометами, пеший эскадрон, то есть кавалеристы, потерявшие своих лошадей, человек 120, под командованием одного капитана. Всего собралось около двух-трех тысяч человек. Пять раз я выходил из окружения, у меня уже есть опыт. Тут смотрю, как бы не попасть опять в окружение. Но когда такое положение — разные части, разные подразделения, нет единого начальника, это очень трудно. Вы представляете себе, какая каша заварилась!

Вот тут Логвиненко сделал большое дело. В эту серьезную минуту он не растерялся. Предложил поручить командование одному человеку. Но кому? Логвиненко предложил: тут три полковника, три майора, капитаны, давай соберем командный состав, пусть решают, что делать, как командовать этой толпой.

Он собрал весь старший начсостав, обрисовал наше сложное положение и говорит:

— Старшего командира нет. Я собрал вас, чтобы спросить: кто примет командование всей группой и возьмется вывести бойцов из этого полукольца.

Все молчат.

— А как ты думаешь, товарищ старший лейтенант? — обратился он ко мне.

Я говорю:

— Принимаю командование всей группой на себя.

Пока они все думали и молчали, он говорит:

— Выбирай комиссара.

Я, не задумываясь, отвечаю:

— Комиссаром прошу Логвиненко.

Он согласился.

Это было исключительно верное и умное решение и спасением этой группы мы обязаны Логвиненко. За это ему слава и честь.

Справедливость требует отметить это.

Когда я принял командование группой, в ней было около 4000 человек. Я собрал командиров и объявил:

— Товарищи, мы здесь находимся в опасности окружения. Возможно, что той дорогой, которой мы хотели пройти, придется проходить с боями. Исходя из этого, я решил принять командование на себя, взять

вывод группы из окружения на себя. Представляюсь: командир 1073-го гвардейского стрелкового полка, старший лейтенант Момыш-улы.

* * *

На промежуточных боях от Соколово в районе деревень Демьянское, Красная Горушка останавливаться не буду. Подробности даны в повести Бека. В районе, где проходит Ленинградское шоссе, очень много дачных мест, рабочих поселков, домов отдыха. И вот эти дачи нам все путали, потому что на топографические карты они не нанесены. До войны мы здесь не предполагали вести бои, карта района была сделана в ... 1929 году, а рекогносцировка чуть ли не дореволюционного периода.

Уметь взять указанный курс, занять позицию частями — дело нелегкое, это зависит от способности командира, его умения ориентироваться, от хорошего знания топографии. А эти дачи, дома отдыха путали нас, мы принимали их за населенные пункты.

Здесь есть рабочий поселок южнее Говорово, северо-западнее Матушкино и тут занимал оборону мой полк, соседом справа был 1077-й полк, слева — 1075-й.

Поступило боевое распоряжение, приказ из штаба дивизии, в котором отход был намечен через Матушкино, Алабушево; занять оборону, по военно-топографическим понятиям, по западной окраине деревни, а на самом деле станцию — населенный пункт Крюково. Прежде чем принять какое-нибудь решение, командир должен тщательно изучить местность по карте.

Моим адъютантом был лейтенант Сулима, высокий сероглазый украинец, молодой, честный, воспитанный, культурный. Адъютант, если он толковый и работоспособный — хороший помощник. Адъютант должен с полуслова понимать командира, создать обстановку для плодотворной работы, регулировать режим времени своего командира. Единственным таким адъютантом у меня был Сулима, до него и после него я уже не имел настоящего адъютанта. Когда командир думал над каким-либо решением, Сулима сам не мешал ему и другим не позволял этого делать. Это сможет сделать не всякий. Многие из наших молодых военных понимали

свои обязанности не так. Многие адъютанты понимают свои обязанности как лакейские — это неверно. К тому же Сулима был очень смелым и храбрым солдатом.

Когда я изучал по карте направление на Крюково, на моей карте в правом углу мне все виделось черное пятно. Циркулем отмерил расстояние, мы находились в 30 километрах от Москвы. Изучая местность от Крюково, нужно было предусмотреть все направления. Командир, который изучает местность только в одном направлении, ошибается. Надо продумать варианты разносторонне и глубоко и только тогда принимать решение.

Мы отступали. Сам собой напрашивался вопрос: удержимся ли мы в Крюково? Если нет, то в каких пунктах сможем снова укрепиться? Если не удержимся в Крюкове, то остановка должна быть только в Москве... Вы все знаете, какое положение было в этот момент в Москве. Она была под бомбежкой.

С батальоном я провел 27 боев, с полком — 13. В результате последних боев полк уже не был полком — это была маленькая боевая группа мужественных людей, закаленных в сражениях, численностью не больше батальона, а называлась полком, и требования к ней предъявлялись, как к полку. Ну что же! Повоюем в Крюково, подойдем к Москве не больше чем с ротой, по всей вероятности.

Я изучал карту, в это время многие пытались ко мне попасть, но адъютант их не пускал. А карта города Москвы, где мы могли бы воевать после отступления из Крюково, представлялась мне черным пятном, пятном позора. Решив не участвовать в позорных боях на улицах Москвы, я вырезал из своей карты участок Москвы и отдал эту часть адъютанту, приказав ее сжечь. Карту с изъятым участком Москвы, датированную 31 числом, можно найти в архиве 19-го гвардейского полка.

Мною было решено дальше Крюково не идти, поэтому не было надобности иметь эту карту, тем более, что это черное пятно раздражало. Молча сели верхом, догнали полк и 31 ноября заняли Крюково, его западную окраину. Я собрал всех командиров подразделений, объявил, что ни одному честному офицеру, командиру и солдату дальше Крюково я идти не разрешаю.

В этот день я впервые увидел наш самолет. В этот же день, закончив рекогносцировку, определив район, я отдал приказ, о содержании которого уже говорил.

Слышу шум самолетов. Смотрю, красные крылья со звездочкой, мы никогда их не встречали, никогда соколы-авиаторы нас не поддерживали и вдруг появляются. Сердце радуется. И ... о ужас! Наше звено начинает нас же бомбить! Видимо, командиру звена было поручено идти навстречу и бомбить немецкую часть, чтобы дать нам возможность закрепиться на рубеже. А он принял нас за немцев...

Вот эта топографическая безграмотность командира авиации и заставила его бомбить мои батальоны, приняв их за немецкие. Я от этого чуть с ума не сошел. К счастью, не очень метко бомбили. Так произошло мое первое знакомство с нашими авиаторами.

«Сюрпризы» на этом не кончились. Нас еще начала обстреливать артиллерия. Как потом выяснилось, там оказался дивизион артиллерии «Катюш», как их тогда называли. Впоследствии мы встретились с командиром дивизиона и он рассказал, что дивизион должен был дать заградительный огонь, чтобы не пустить немцев к Крюкову. А связи у нас с ними не было.

Вот почему сейчас все приказы Верховного Главнокомандования направлены на то, чтобы войска имели взаимодействие, связь. Это особо подчеркивается. В то время связи у нас не было, поэтому в один день произошли два таких неприятных случая. Но снова, к счастью, удар оказался не точным, только нагнали нам страху, да крепко нагнали. Потом мы отошли на КП. КП был севернее Ново-Малино. Правым соседом остается 1077-й полк, занимает Матушкино и Алабушево, левый сосед — 1075-й полк.

1-го декабря, на рассвете, у правого соседа, в районе Алабушево идет жестокий бой. Это был сильный бой. Тут враг применил авиационную бомбежку. В этот же день на западной окраине Крюково также идет бой. Противник ставит задачу: овладеть железнодорожной станцией Крюково, обходным маневром через Алабушево выйти на Ржавки — Матушкино, то есть на Ленинградское шоссе.

Нам удастся остановить немцев в первый день. На второй день в Крюково идет шестичасовой уличный бой,

на третий день — 12-ти часовой непрерывный уличный бой уже в центре. Четвертый день на восточной окраине ведутся жестокие уличные бои в течение 18-ти часов. О том, что происходило на правом и левом фланге, у соседей, говорить не буду, ограничусь только действиями своего полка.

1-м батальоном командовал Мухаметкул Исламкулов, 2-м батальоном — капитан Вехов, 3-м батальоном — капитан Жуков, начальником штаба был майор Демидович. Когда остановились, я узнаю, что во время боя в Соколово, когда нас там разбили, оказалось, нас покинули наши собственные полковые тыловые части... Они во главе с моим помощником Кравчуком, доктором Ильей Ивановичем Гречишкиным и ветврачом Грязиным решили, что бои будут в Москве и ушли к ней... Надо накормить людей, одеть, нужны боеприпасы, нужны санитары, врачи, а их никого нет. Помощником начальника штаба был лейтенант Иван Данилович Курганский. Я ему приказал во что бы то ни стало найти тыл. Он уехал.

Представляете, каким тяжелым было наше положение! После тяжелых непрерывных боев люди кровью обливаются, много раненых, а мы остались без врачебной помощи. Был у нас один военфельдшер, старик Кирев и санитарка Вера. И вот санитарка и фельдшер были докторами и санитарями, оказывали помощь раненым, вытаскивали бойцов с поля боя, всю тяжесть боев вынесли на себе. Где-то за Москвой Иван Данилович нашел моих тыловых работников. Они накануне получили зимнее обмундирование. Привел он их, и вот они сидят, ждут меня. В комнате жарко, с них, в полушубках-то, пар валил. Тут меня такое зло взяло! Я обратился к доктору. Он был добрейший человек, но в эту минуту я его прямо-таки ненавидел. Вгорячах накричал на него, пристыдил:

— Где у вас врачи, где санитары? Тут люди кровью обливаются, несколько боев выдержали и каких боев! А помощи врачебной нет! Как же так?

— Да мы, товарищ командир, думали, что вы туда же пошли, а получилось вон какое дело...

— Раз вы не сумели организовать санитарную помощь, эвакуацию раненых, заставить своих подчиненных слушаться себя, будете работать сами за них. Забирайте

свою санитарную сумку и идите выносить раненых с поля боя. Вы сейчас и врач, и санитар.

И вот Илья Иванович сам выносит раненых, пока не организовал санитаров. Видимо, его совесть замучила, потому что он буквально лез в огонь. Впоследствии я представил его к награде.

В том полку, где было много раненых, Илья Иванович превзошел себя, он работал не только как врач, но и как организатор, оказал нам большую помощь. Сейчас Гречишкин — начальник санитарной службы нашей дивизии, очень хороший боевой врач, всеми нами уважаемый, закалился, приобрел большой опыт.

Я дал задание, под личную ответственность помощника комполка, всем начальникам: обозно-вещевого снабжения, боевого питания, продовольственного снабжения, санитарной службы. Это было в час ночи. Я приказал, чтобы к 6 часам утра было по три литра водки, по пять килограммов колбасы, по 200 штук патронов на бойца и чтобы были полушубки, валенки. Мне надо было испытать этих людей, ведь они бежали от опасности.

Они уехали. Ровно в 6 часов утра было все. Как они это сделали, уж не знаю, но сделали.

Затем я приказал начальникам боепитания, продовольственного, обозно-вещевого снабжения взять все припасы и раздать бойцам собственноручно. Они честно обошли передовую. Наладили снабжение, хотя и под принуждением.

И такие трудности были в боях.

Не останавливаясь на подробностях боев за Крюково, я расскажу один эпизод и перейду к фронту под Москвой.

5 декабря силы противника превосходили наши, он стремился вперед, но благодаря упорству наших бойцов не мог продвинуться. К этому времени у меня в полку осталось очень мало людей, оставшихся бойцов надо было как-то подбодрить, я имею в виду психологическое воздействие на бойца: раз командир есть, опасность меньше. Надо было посмотреть своими собственными глазами и еще раз проверить, какое количество людей в дивизии осталось. Их было сначала 500 человек. Дивизией командовал генерал-майор Ревякин. Он принял командование дивизией, когда та была совсем потрепанной. Это было как раз в тот момент, когда мы подходили к Крюково.

Мы с комиссаром пошли обходить первую линию. Пошел я на наблюдательный пункт, но обхода не закончил, так как был ранен в позвоночник, но отправиться в госпиталь не захотел.

С самого начала организации обороны я отдал приказ, что полк вместе со своим штабом и во главе с командиром полка или погибнет, или удержит свои позиции, дальше Крюково пути нет. Полк находился в самом критическом положении. Людей мало, противник все теснит и теснит, и мне эвакуироваться было бы нечестно, это значило бы не сдержать свое слово. Мало ли было командиров и бойцов, которые, будучи ранеными, не эвакуировались, хотя имели полное право. Какое же я имел право, как человек, как товарищ по оружию, как командир воспользоваться своим ранением и уйти от опасности, оставить свой полк? Исходя из этих соображений, я отказался от эвакуации, но проклятая пуля меня беспокоила.

Вызываю Илью Ивановича и говорю:

— Дорогой, вынимай!

Он мне отвечает:

— Тут хирургическое вмешательство требуется, а у нас нет инструментов и дезинфицирующих средств, мы не имеем права делать операции при таком положении.

Я уговариваю его, а он пугает меня заражением крови. Когда уговоры не помогли, я стал приказывать, но и это не возымело действия. Кое-как все же уговорил Илью Ивановича, и ему пришлось вынуть пулю.

В первый день ранения у меня онемели руки и ноги, мне был приписан полный покой. Я лежал на диване; все бойцы знали, что я отказался от эвакуации.

Здесь надо отдать должное комиссару полка Логвиненко. В смысле личного управления боем заслуги целиком и полностью надо приписать ему, этого требует справедливость.

Иногда полку придаются некоторые части. Один раз ко мне является начальник штаба и вручает приказ, в котором перечислены номера приданных и поддерживающих частей. Но это были только номера. Например, явился старший лейтенант 135-го отдельного танкового батальона:

— Прибыл в ваше распоряжение, товарищ командир полка, 135-й отдельный танковый батальон.

Обрадовался я, ну, думаю, танки ведь это такая поддержка! Оказалось, это всего только жалкие остатки, один танк, да и то неисправный.

Вот какие происходили вещи. В архиве есть приказ, по которому нашему полку «... придан танковый батальон, гвардейский полк», а на самом деле это были только названия, то есть остатки разбитых частей. Это не значит, что у нас под Москвой не было полноценных, полнокровных частей. Как выяснилось позже, командование их берегло для контрнаступления.

В крюковских боях отличились многие бойцы и командиры. Командир 2-й стрелковой роты Семен Краев проявил исключительный героизм. Командир батальона, младший лейтенант Исламкулов проявил исключительную стойкость, силу воли, ум, тактическую гибкость. Но всех не перечислишь, это займет слишком много времени. Хочу лишь подчеркнуть, что героизм был массовый.

8 декабря 1941 года во взаимодействии с другими частями, которые действовали на правом и левом фланге 8-й гвардейской дивизии, имея 1073-й полк в центре, 1077-й слева, 1075-й справа, мы переходим в контрнаступление и после сильной четырехчасовой артиллерийской подготовки выбиваем немцев со станции и деревни Крюково, захватываем много трофеев. Только на участке 1073-го полка было захвачено 18 танков. Дальше преследуем противника до Истры; Истра была сожжена, противник, отходя, давал арьергардные бои, очень густо минируя дорогу.

Мы подошли к Истре, противник перешел на ту сторону реки, подошли другие части, которые стали преследовать противника до Волоколамска.

Оттуда мы повернули назад на станцию Нахабино, на переформирование. Меня назначили командиром 1075-го полка, который я принял от майора Старикова. Командовал этим полком всего три дня, потом меня вызвали в дивизию, к генералу Ревякину. Тут же был и Егоров. Я заметил, чего-то они мнут, ничего не говорят. Наконец Ревякин начал:

— Мы знаем, что вы командовали батальоном, затем полком, но вы артиллерист по специальности. Командующий приказал восстановить полковника Капрова.

Я отвечаю:

— Товарищ генерал, я никогда не претендовал на то, чтобы командовать полком, ведь у меня нет никакого образования, полковник старый командир, он воевал раньше.

— Вот молодец, а мы вас хотели оставить в штабе дивизии.

— Нет, оставьте меня в моем батальоне.

Вот так я, во время боя назначенный командиром полка, был с этой должности во время отдыха переведен на должность заместителя командира полка...

* * *

Старо-Русский — Холмский коридор. Командование дивизией принимает генерал-майор Чистяков Иван Михайлович. Солдат гражданской войны, из первой плеяды красных командиров. По характеру — простой и душевный человек. Командир с большим опытом и незаурядным талантом. Горяч, но всегда разумен.

Общая обстановка: Старая Русса, Холм, Демьянское, Охва, Торопец. На севере — станция Лычково. Железная дорога, идущая на Лычково, была занята немцами, вывезена из строя еще в сентябре.

Идея Главного Командования такова: удар с севера южнее озера Ильмень наносит одна группа. Другая группа — удар с востока Калининским фронтом общим направлением Торопец — Холм, соединить два фронта — Северо-Западный и Калининский в районе Холма, оставляя Демьянскую группу противника в окружении.

Замысел главного Командования можно представить (по размещению подразделений) в форме пики. Пикой был 2-й гвардейский корпус под командованием генерал-майора Люзикова, куда входит 8-я гвардейская дивизия под командованием генерала Чистякова Ивана Михайловича. Дальше Калининский фронт генерал-лейтенанта Пуркаева, впоследствии генерал-полковника. Удар с севера было намечено нанести этой пикой, то есть 2-м гвардейским корпусом. Вот этот самый наконецник по-военному называется авангардом. В корпусе наконецником стала 8-я гвардейская дивизия, острием наконецника — 1073-й полк дивизии, ныне 19-й гвардейский стрелковый Талгарский полк.

Преодолев более 200 километров марша в пешем порядке, в суровых условиях севера, имея новое пополнение южан, дивизия прорывает фронт в районе Сергиево — Прага, затем по глубокой снежной целине, в дремучих лесах Калининской и Ленинградской областей с боями совершает марш по глубоким тылам противника на 230 километров.

Фронт противника прорван. Дивизия идет вперед с боями, имея задачей соединить Калининский фронт с Северо-западным, оставляя в окружении Демьянскую группировку врага — 16-ю немецкую армию.

В момент прорыва фронта командир 1075-го полка полковник Капров заболел. 1077-м полком командует полковник Шехтман. Командование 1075-м полком принимаю я в звании капитана. 1073-м полком командовал подполковник Иванов.

Остановлюсь на двух-трех характерных боях, и на этом закончим.

Вам знакома в общих чертах психология обороны, об этом я уже говорил. Предстоящий бой — совершенно другой бой, то есть бой наступательный; климатические, природные условия, общая атмосфера совершенно иные, чем под Москвой. И характер, и время, и психология боя совершенно другие. Там мы отступали, здесь наступаем. Первый бой, тем более для наступающих — самый опасный. Если наступающий выиграет первый бой, это окажет огромное влияние на последующие бои. Так же и проигранный первый бой будет иметь свои последствия. Отступивших в первом бою труднее второй раз посылать в атаку.

Из Казахстана мы получили молодое пополнение, не имеющее достаточного солдатского опыта, и, когда формировалось подразделение, у меня была большая внутренняя тревога. Во-первых, они были слишком молоды. Конечно, молодость — очень хорошее время для человека, но в молодости люди настолько пылки, что могут проявить моментальную храбрость и моментальную трусость. Мне казалось, что эти мешковатые молодые люди в ушанках, не имея солдатского опыта, да еще при особом характере немецкой обороны, при первом выстреле разбегутся.

Ведя полк в наступление я выдвинулся в головную роту из батальона Гундиловича. Почему я шел в голов-

ной роте? Хотел во что бы то ни стало выиграть первый бой. Такую я себе поставил задачу. Первый бой был в деревне Новосвиногово 6 февраля 1942 года. Мы подошли к Новосвиногово, имея взвод минометчиков под командованием капитана Рассохина. На волокушах мы тащили за собой восемь минометов. Когда подошли к деревне, я приказал капитану Рассохину все восемь минометов поставить рядом. Подготовили минометы с таким расчетом, чтобы ударить по одной окраине, по центру деревни и по другой окраине.

В домах и окопах мины наносят очень малое поражение. Для наступающих частей важен психологический момент огня: и для противника, и особенно для наших новичков. Очень велик зрительный эффект от массы разрывов. Когда в момент наступления рвутся наши снаряды, поднимая черные столбы дыма, у наступающих улучшается настроение. А если артиллерия молчит, у них падает дух. Поэтому требовался большой огонь, сильный грохот орудий. Этим и были продиктованы нарушение устава и особая расстановка минометов на нужных интервалах.

Скомандовал открыть огонь. Восемь бойцов заряжают восемь минометов и одновременно производят восемь выстрелов. Это было на рассвете, немцы еще спали. По обеим окраинам и центру села произведено 48 взрывов. Эффект получился потрясающим. Когда сразу восемь мин летят, воют, получается сильный звуковой эффект, но когда они рвутся, происходит огромный залп.

В обход идет взвод роты одних автоматчиков политушка Малика Габдуллина. Два часа боя, деревня за нами, захвачено 85 автомашин с продуктами и боеприпасами, убито 80 немцев, взято 25 пленных.

Первый бой был удачным. Но здесь с молодым пополнением произошел один казус, которого не позволили бы себе мои бойцы под Москвой. Произошло вот что. Мы шли полуголодные, стоял холод. Под крышей не были недели полторы. У всех носы и щеки отморожены, а тут на взятых немецких машинах оказались конфеты, водка и другие продукты. И, конечно, бойцы набросились на все это, хотя деревня еще не была взята целиком, взяли только половину. Я иду, вижу, мои бойцы около машин, одни раскупоривают

бутылки, другие уже закусывают. А ведь воспользовавшись этим моментом, немцы могут контратаковать, и тогда все пропало.

Я иду, кричу «вперед!», а они продолжают возиться в машинах. У одной машины сгруппировались бойцы, побросали лыжи и занялись конфетами. Только подошел, раздался взрыв мины, убило сразу 12 бойцов. Подошел капитан Якубенко, командир роты автоматчиков. Я говорю:

— Иди, отгони от машины другую группу.

Он побежал и вместо того, чтобы немедленно дать распоряжение, стал растолковывать и обсуждать. Но разве можно обсуждать в такой обстановке. Тут необходимо физическое воздействие на этих обезумевших «трофейщиков». Кое-как образумили бойцов.

После того, как полностью овладели деревней, я собрал бойцов и сказал:

— Ешьте!

Приказал положить рядом убитых и спросил:

— Кто в этом виноват? Что это за позор, за слабость?

В такое время вы занялись конфетами...

Вот так был выигран бой в Новосинухово. После этого случая батальон уже не обрушивался на трофеи...

Следующими характерными боями я считаю Соколовский и Бородинский бои. Деревня Соколово обороняется немцами очень упорно как плацдарм для нанесения контрудара на восток, деревня Кобылкино тоже обороняется для совершения контрудара с востока, то есть немецкое командование имеет задание пропустить наш корпус — пику, а затем замкнуть в кольцо. Поэтому ведутся бои за Кобылкино на востоке и в Соколово на западе. 1077-й полк до этого не вводился в бой, но сейчас по решению генерала Чистякова вступает в бой и перед ним ставится задача овладеть деревней Соколово.

Вызывает меня генерал Чистяков. В это время батальон Гундиловича и батальон старшего лейтенанта Клименко находились в 15 километрах. Артиллерия полка там же. Почему Соколовская группировка так долго задержалась? Потому что немец подбрасывал подкрепление и боеприпасы, питание. Для того чтобы взять Соколово, нужно перерезать артерию, по которой все это доставлялось.

1075-му полку ставится задача выйти северо-западнее Соколово, овладеть деревней Трошково к 8 часам утра.

Генерал Чистяков поставил мне задачу и с присущим ему чувством юмора говорит:

— Если ты возьмешь деревню завтра к 8 часам, я тебя назову Суворовым.

Я дал штабу задание организовать разведку, и полк в полтора батальона двинулся. От деревни Маврино до Соколово сплошь открытые места. Смотрю, пять немецких самолетов появились над нами. А полк совершает марш.

Тут произошел один памятный эпизод: мы с Мухомедьяровым задержались. Батальон идет по глубокому снегу, продвигаться можно только гуськом. Вижу, на этом открытом месте полк почему-то остановился. В районе Маврино кружит самолет и бросает бомбы. Это было часов в 12, немцы могли перекрошить весь полк. Спешу, обгоняю полк. В чем дело? Оказывается, минное поле. Когда я дал приказ начальнику штаба организовать всестороннюю разведку, он должен был привлечь к этому квалифицированных людей: саперов, артиллеристов. Да, говорит, товарищ командир, но мы ничего не могли сделать, не было саперов. Вызываю начштаба. Почему в составе разведки не было саперов? Он отвечает, что опасно посылать саперов без миноискателей, а миноискателей не дал начинженерной службы. Я вызываю начинженерной службы, он ссылается на Данилова, тот на начальника штаба. Одним словом, никто не виноват, а над бойцами нависла реальная опасность — прилетит самолет и перестреляет весь полк.

Сосредоточились в лесу северо-западнее Соколово. Существует такой военный термин — рекогносцировка. Какую цель она преследует? Изучив местность по карте, командир должен лично выйти на место будущих действий, изучить его характер, расположение противника и потом только принять решение, с какой стороны ударить, какой маневр применить при ведении боя. У батальона, кроме винтовок и автоматов, ничего не было. Артиллерия отстала.

Вышли мы на рекогносцировку, собрал я всех командиров, и на местности оказалось совсем не то, что наметили раньше на карте. От старой Руссы на Холм идет большак, дальше — деревня Бородино. От боль-

шака дороги на деревни Соколово, Трошково и две небольшие деревни.

Если мы возьмем Трошково, то оставим деревню Соколово без продуктов питания. Тут был основной большак и две рокады. Будет ли выполнена задача, если по приказу возьмем Трошково? По существу, задача выполнена не будет. Пусть даже нам удастся взять его с маленькими потерями, но что из этого выйдет? Противник откроет огонь из этих деревень. В каком положении очутится полк? Он очутится в огневом мешке. Если не сегодня, то завтра он погибнет. Но за что погибать? Мы облегчим положение дерущимся за Соколово? Ничего подобного. В распоряжении немцев две дороги. Значит, все потери, которые мы понесем, не принесут нам никакой пользы. Здесь, как оказывается, сосредоточена целая немецкая группа, предназначенная для удара под корень, части эсэсовской дивизии «Мертвая голова»...

Я уже говорил, что командир должен быть творческим человеком. Ведь прежде чем принять решение, нужно его хорошо продумать. Есть тысяча вариантов, и все они требуют осмысления. Представьте положение командира, находящегося на рекогносцировке и принимающего решение. Сущность задачи заключается в том, чтобы лишить Соколово питания, путей снабжения, нужно пересечь все дороги, тогда Соколово не будет иметь питания. Но чем брать? Для артподготовки нет артиллерии; кроме винтовок и автоматов нет ничего. Что делать? Опять встает вопрос — чем брать, каким способом? Огнем? Его нет. Напрашивается вывод — брать «басмаческим» методом, то есть застать противника врасплох и бить его в спину. Как говорится, «пан или пропал». Принимается такое решение: захватить все шесть дорог и все шесть населенных пунктов.

В военной терминологии существует термин — «ключ», «стержень», или по-казахски «треу», «бахен» — казахские юрты держатся на «бахен» — подпорке, если убрать ее, то юрта падает при буре. Имеется также важный опорный пункт противника, который командир должен найти и свалить. Если свалить опорный пункт противника, то все остальное свалится сравнительно легко. Но где же ключ? Искать надо. Все шесть дорог сходятся в Бородино, стало быть... «треу», «стержень»,

Баурджан Момыш-улы

И. В. Панфилов, ноябрь 1941 г.

75 летие И. В. Панфилова. Слева направо: Исмаилова Ася, Капров Илья Васильевич (ком. полка 1075), Панфилова Мария Ивановна, Б. Момыш-улы, Панфилова Валентина Ивановна. г. Фрунзе. 1968 г., 3 января

Слева направо: Ермолаев, Момыш-улы, Снегин. У подножия города Холм, 1942 г., февраль

Момыш-улы (в центре) среди однополчан

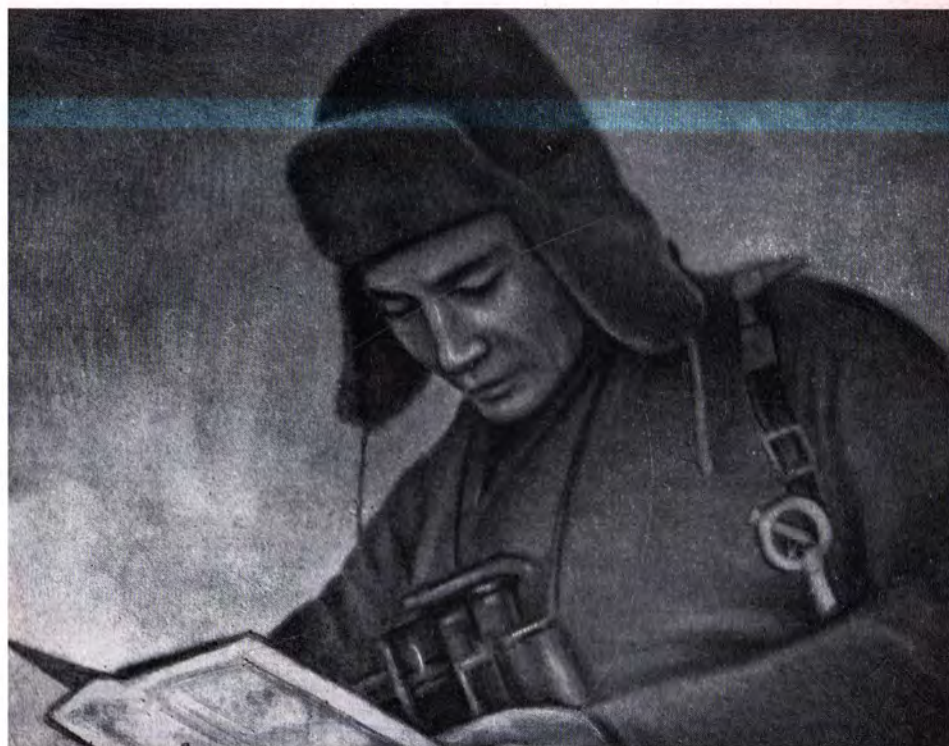
Б. Момыш-улы (справа), 1942 г., март

Политинформация личного состава. В центре — Баурджан Момыш-улы, справа — Д. Ф. Снегин.

Б. Момыш-улы

Явочная карточка. 1932 г.

Б. Момыш-улы (справа), 1942 г.

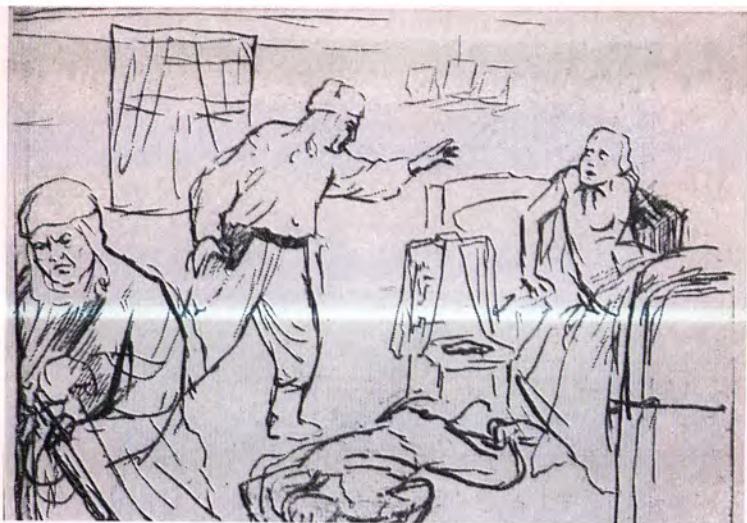

Иллюстрация автора к рассказу «История одной ночи»

Два Баурджана

Во время встречи с читателями, 1959 г.

Полковник Логвиненко вручает Момыш-улы символический ключ от Москвы, сентябрь 1971 г.

«ключ» обороны — Бородино! Захватом Бородино нарушится стойкость, нарушится основа боевого порядка противника, захватом же других деревень стойкость не нарушится.

Командирам батальонов дается следующий приказ: одновременно и внезапно ночью совершить смелый налет на все шесть деревень, стараться шума не поднимать. Полтора батальона полка разбивается на шесть групп. Во главу каждой группы назначается командир. Мы находились в лесу. Противник недалеко, нельзя даже громко разговаривать. Нужно в первую очередь не давать возможности обнаружить себя. Если хоть один пулемет застрочит, начнется бой, а если он начнется, мы не сможем добиться цели, потому что силы у нас незначительные. Поэтому было принято решение обходить осторожно, ударить с тыла и во фланг, то есть в спину и с боков. Здесь уж любой звук, крик предельски опасны. С этой целью принимается решение комбинировать обход. Во главе одной группы посылается Малик Габдуллин. Командир его роты Соловьев должен ударить в спину, остальные разбиваются на мелкие группы и нападают с боков. Всем командирам батальонов была поставлена одна общая задача...

Для чего нужен штаб? Для управления. Поэтому его оставляют в отдалении на один-два километра за боевыми порядками. Нужен ли нам штаб здесь? Не нужен, тем более, что в данном случае основой управления является освоение задачи исполнителями. Поэтому я распустил всех штабных командиров, остался при мне один Николай Митрофанович — ординарец. В два часа ночи мы проснулись, было условлено в четыре часа ночи дать условный сигнал. По сигналу все пошли, я остался один в лесу, а немцы недалеко. Пошел дальше по лесу и заблудился, потерял последнего человека. Крикнуть в лесу «Николай Митрофанович» нельзя. Полк я послал на выполнение задачи: удачи — возьмут, не удачи — все там останутся. Одному мне оставаться в живых, что ли? Пошел и я. Только вышел на другую сторону, слышу короткую очередь. Это было для меня как бы первое донесение. Немецкий пулеметчик успел сделать только три-четыре выстрела и замолчал. Молодец, значит, наш боец, крепко его стукнул. С другой стороны раздалась очередь и тоже сразу смолкла. И вот эти два донесения помогли мне преодолеть боязнь, помогли найти полк.

Он шел к деревне. Я подошел к крайним домам, стою, думаю: может быть, тут немцы. Сначала слышу звуки выстрелов. Обыкновенно, когда выстрел дается на вольном воздухе, он звонкий, злой, а тут я слышу приглушенные выстрелы. Думаю, в чем дело? Ведь любой старый солдат различит выстрел своей винтовки от немецкой. Различаю и я, слышу, что стреляют наши винтовки, автоматы. Это было уже третьим донесением, которое я получил за эти минуты. Значит, наши работают. Вдруг вижу, один солдат побежал сюда, другой туда, третий перебежал улицу. Я за ним. Смотрю, он ворвался в дом, я за ним. Вхожу в дом. Вдруг — выстрел в комнате... Там оказался немецкий офицер, которого наш солдат уложил первым выстрелом.

Вышел из дома, поднялся на высоту между Варкловицей и Бородино. Я хотел посмотреть своими глазами, что творится вокруг. До сих пор-то я не имел никаких донесений, кроме звуковых. Выхожу, смотрю на деревню, там наши бегают, в другой деревне тоже наши.

Осмотрев местность с высоты, воочию увидел шесть дорог. Хорошо, мы взяли эти дороги, но удержим ли их? Что эти дороги дают нам и противнику...

Предположим, противник контратакует одновременно с пяти-шести сторон, не только в пешем строю, но и танками. Что у меня есть против танков? Ничего. Артиллерии нет, противотанковых ружей нет. Тут командир начинает испытывать боязнь контратаки, то есть радость победы омрачается предвидением контратаки, появляется страх того, что все взятое можно мгновенно потерять...

Что я должен сделать? Долг мой — спасти дело моих бойцов, совершивших подвиг этой ночью. А они могут быть обречены на гибель, радоваться еще рано.

Будет контратаковать немец или нет? Будет, без сомнения. Тут множество дорог и рокадных путей — это является лучшей предпосылкой для решения последующей задачи.

Приказываю оседлать дороги, подсчитать жертвы. 800 убитых фрицев, в том числе немецкий полковник (его убили сгоряча). Наши потери — 57 человек.

Я уже говорил, что если рубеж не заслуживает внимания, то нечего из-за него терять людей. Как говорил Панфилов: «В корне победы кроется поражение»... И поэтому каждый командир должен рассчиты-

вать свой шаг. Мы выяснили, что идеал — это выигрыш боя без потерь. Искусство боя — это выигрыш боя с наименьшими потерями. И в этом смысле результат нашего боя был выгодный. Соотношение 800 к 57. Это бой почти близкий к идеалу.

В 12 часов дня немцы бросились в контратаку. К счастью, была пехота, а не танки. Но атака началась со всех сторон и одновременно. С нашей стороны, видимо, была допущена некоторая беспечность, в результате чего эта контратака явилась для нас неожиданной. В это время я находился в сарае, стоял со мной и заместитель начальника политотдела Гусев. Смотрю, немец идет, море огня, голову невозможно поднять, а наши не стреляют. Подошли на 400 метров — не стреляют, на 300 метров — не стреляют, вот уже 250 метров... тоже не стреляют. Представляете себе наше положение! Если враг сейчас подойдет, все пропало. Как только эта мысль пришла в голову, я собрался ее высказать Гусеву, но вижу, он падает. Оказалось, что в сарае были большие щели и в него угодила пуля. Подхожу к нему, он говорит, что ранен в грудь.

В эти несколько секунд, когда немцы шли самым наглым образом, в полный рост, я испытал чувство, будто нахожусь на самом острие лезвия... Вижу, стоит возле нас офицер. Спрашиваю, что ты здесь делаешь, беги туда. Бери взвод — и в контратаку. Потом думаю: дойдет или не дойдет. Кругом море огня, убьет какая-нибудь шальная пуля. А наша рота, расположившаяся в окопах, до сих пор не стреляет. Почему?

В это время, когда немцев от нашей роты уже отделяло 100 метров, встает сбоку боец во весь рост, держа впереди автомат и кричит «Ура!». Оказалось, это был Тулеген Тохтаров. Возмущенный поведением роты, он закричал своим четверем товарищам: «Давай, пошли!» Пошли за ним пять человек с криком «ура», за ними еще пять, еще — вся рота, и немчура откатилась назад.

Спрашивается, я, командир полка, в этом бою управлял боем? Нет. Я растерялся и посчитал, что положение у нас пропащее. Кто спас положение полка: командир или эти 10 отважных, возглавляемые двумя отважнейшими? Здесь, в этот момент боя, я, как ко-

мандир, был бессилен. А момент был самый опасный. Но смельчаки сделали свое дело, и положение было спасено. Во второй стадии операции, во время этой контратаки не только я, весь полк и вся дивизия были обязаны этим 10 смельчакам, а потом уже заработали и пулеметы, и автоматы, и винтовки, и все прочее.

Подвожу итоги. В результате Бородинского боя нами уничтожено 1200 немцев, наши потери — 157 человек. Замысел немецкого командования ударить под корень был разбит, как говорится, в пух и прах. Командование дало публичную оценку Бородинским боям и я, как командир этой группы, был награжден орденом Красного Знамени.

Несколько слов о других подразделениях дивизии. 1075-й полк, преследуя противника, доходит до Большое Шедудково и сворачивает на Старо-Русский большак. 11 февраля 1942 года ведет бой за районный центр Поддарье. 1073-й полк овладевает рядом населенных пунктов: Соколово, Малое Лесово, Каменка и другими, 17 февраля 1942 года ведет бой за Шапково-Кокачево. В этом же районе происходит соединение Калининского фронта с Северо-Западным.

1077-й полк ведет бои за Бышево, 1073-й полк — за Сутоки, Мозыри, 1075-й полк — за Труховку; 75-я морская бригада через Орехово, Чекуново прорезает большак Холм — Локня. Как немцы, так и наши переходят в оборону большака на Холм западнее. 90 дней продолжаются упорные бои...

* * *

Я не писатель и, вероятно, никогда им не буду, не научный работник и никогда им не буду. Все, о чем вспомнил и рассказал, продиктовано мне солдатским долгом перед памятью погибших и пострадавших товарищей. Больше я никаких целей не преследую, ни на что не претендую.

Я не утверждаю, что все сказанное мною правильно, соответствует точным цифрам, датам, могут быть некоторые отступления, но я честно высказал свою точку зрения.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ФРОНТЕ

СОТРУДНИЧЕСТВО С БЕКОМ

Правда и ложь существуют испокон веков. Правду нужно уметь говорить, не подсовывая ложь. В истории ложь иногда не выступала в своем наряде. Она выступала в костюме правды. Ложь торжествует и кричит не только пять, десять минут, один час, пять, десять лет. Есть ложь, живущая веками. Но все равно эту ложь разоблачат.

В Москве один солидный писатель сказал мне: «Абсолютная правда — это ужас! Вы не можете требовать от меня правды!» Абсолютная правда не ужас, ее только надо уметь преподнести и она принесет большую пользу. Даже если вы пишете на злободневные вопросы, правда должна являться медом, а ложь, как ты ее ни отшлифовывай, все-таки остается ядом. Вы знаете, как готовят детское лекарство... Важно, чтобы оно было сладкое. Я пришел к выводу, что это подслащение фактов делается и писателями, художниками, композиторами, киноработниками не сознательно и не умышленно. Среди них есть и такие, которые нагло лгут.

У меня были случаи, когда Бек так путал, что я был предельно возмущен. В своей суровости наша действительность нелегка, требуется отвага. Но, боже мой, сколько сейчас трусов на литературном фронте. Я возмущен поведением некоторых писателей, которые идут по линии наименьшего сопротивления и проявляют трусость на каждом шагу.

Во второй повести вы найдете мой разговор с Бекон на эту тему. Я ему говорил, что если бы литературный фронт был настоящий фронтом, как и военный, где трусов расстреливают на поле боя, ему давно бы не жить...

Я говорил, что отвагу нужно искать не только в

кулачном бою, она нужна и на литературном фронте. Надо уметь говорить правду. Отвага и смелость должны быть в сердце. Конечно, если правду преподносить грубо, топорно, от этого пользы не будет, а только вред. Самая большая недобросовестность — это недобросовестность перед своей профессией. Почему так много людей литературы, недобросовестных к своей профессии? А это ведь самое страшное сегодня. Я задумался над этим вопросом. Книга — гражданин мира. Для того чтобы написать книгу человек должен быть творцом, это его дитя, он должен заразиться темой, переболеть или «забеременеть» ею, испытать родовые муки и потом подарить нам книгу. А у нас многие пишут понаслышке, наспех. Но заболеть, переболеть темой даже военные не всегда могут — это не так-то легко.

Правда — великая задача художника. Найти правду в бою трудно, а обобщить ее еще труднее. Может быть, с моей стороны те требования, которые я предъявляю к писателям, кажутся чрезмерно несправедливыми, но я думаю, что они законны.

Многие из вас читали «Панфиловцы на первом рубеже» под авторством Александра Бека. Со дня выхода в свет этой повести нас буквально засыпают вопросами о наших взаимоотношениях. В Москве и в Алма-Ате почти на каждом перекрестке задают этот же вопрос. Многих интересует продолжение.

Написана только первая повесть. Вторая повесть, в рукописи, находится в стадии третьей переработки, после моего недавнего просмотра ее в Москве. Третья завершающая повесть еще в материалах и мне по возвращении в Москву примерно в течение двух недель придется дорассказать кое-что Беку, дополнить материалами.

Наша встреча описана самим Беком, как это было на самом деле.

Между мною и Беком существует устное соглашение приблизительно следующего содержания: Наше сотрудничество имеет своей целью воздвигнуть литературный памятник бойцам и офицерам Талгарского полка Панфиловской дивизии и генералу Панфилову.

Этим и только этим желанием руководствуемся мы. Если произведение выйдет за эти узкие рамки нашей цели и в процессе нашего сотрудничества перерастет на базе фактического материала до больших обобщений

(к чему материал, безусловно, имеет такую тенденцию), думаю, что мы и наши друзья будем очень рады. Но пока предсказывать рано — будущее покажет.

Я не знаю, насколько Бек как писатель популярен среди своих коллег, но знаю, что читатель его в основном до сегодняшнего дня почти не знал — он пока один из нетитулованных работяг среди товарищей по ремеслу. Союз писателей отказал ему в броне, и он один из тех, кто был отдан в солдаты. Он на меня пока производит впечатление честного работяги, усидчивого человека, добросовестного стенографа и фотографа. Как художника пока его не знаю. Лучше иметь дело с честным и скромным ремесленником, чем с мастером с испорченным вкусом, с развращенными чувствами, ложным высоким самомнением — это и сблизило меня с ним. Дай бог нам силы, здоровья и бескорыстного честного отношения к труду нашему, и я надеюсь, что сообща, общими нашими силами, мы сумеем сделать что-то порядочное, дополняя друг друга, и выйдет одно целое и умное. Вот почему меня меньше всего беспокоит нетитулованность Бека. Мы друг другу честно поможем в пределах наших способностей и это нам компенсирует дух громкого звания. Так я думаю.

Бек является автором книги, а я, мои бумаги, моя память, мои мысли — материалами книги. Следовательно, книга Бека предполагает быть не художественным произведением в полном смысле этого слова, а военно-документальным художественным произведением. Безусловно, Бек несет ответственность за книгу, но он человек невоенный и во многих вопросах войны разбирается недостаточно; в свою очередь я, как автор материалов, несу ответственность перед памятью панфиловцев, перед историей и перед современниками за правильность книги; несу ответственность за трактовку всех военных и военно-психологических вопросов. Короче говоря, Бек ответственен как автор-обработчик, а я как автор-материал.

Это обстоятельство обязывает Бека предоставлять мне право редактора его рукописей, согласовывать со мною все, представлять на мой просмотр повесть и лишь после согласования со мною сдавать ее в печать. Автоматически мы меняемся ролями: теперь я обрабатываю его рукописи.

Такова официальная бухгалтерия наших отношений. Не думайте, что Беку легко работать. Он очень

ограничен, потому что материал не всегда под силу ему, и мне тоже не легко работать с ним. Рассказывать ему одну и ту же вещь тысячу раз, сто раз растолковывать этому гражданскому человеку, буквально долбить ряд положений, просматривать его рукописи и передиктовывать отдельные главы, преодолевать его непонимание и гражданскую упрямость, а иногда и литературную увлеченность и лихачество, его глупые восторги перед эпизодами ихроническую экзотоманию, доходящую порой до пошлости,— все это стоит больших сил, энергии и нервов.

Некоторые сочувствуют Беку. Может быть, они правы. Но и я по-своему прав и, признаться, немного рассержен за бездушное отношение к моим страданиям...

Но, неважно, придем к компромиссному и справедливому заключению: не легко Беку быть автором, а еще труднее мне быть материалом. А дело требует своего и нам надо его делать и начатое довести до достойного конца. А впереди еще много работы.

Первая повесть переделывалась три раза. Первый брак, второй брак, а третий раз, кажется, удалось. В начале первой повести Бек рассказывает, что ему пришлось преодолеть и натерпеться от меня, прежде чем добился моего согласия работать с ним. И это правда.

Вторая повесть им также начиналась с жалобы на меня, на мою жестокость... Она еще не вышла из печати. Там он описывает свой визит ко мне с рукописью первой повести. И довольно правдиво и честно. Действительно, так и было.

Приведу дословно воспоминание Бека о нашем творческом содружестве:

1

«Этому-то человеку, предъявляющему писателям странное требование — «правду перед богом», моему герою, Баурджану Момыш-улы, я привез во фронтовой блиндаж рукопись предшествующей повести.

Плчка исписанной на машинке бумаги была не без торжественности извлечена из вещевого мешка и положена на стол. Однако истекло немало часов, прежде чем Баурджан Момыш-улы, командир гвардейского полка, смог ею заняться.

Все же пришла, наконец, минута, когда, придвинув рукопись к керосиновой лампе, он склонился над первой страницей.

Мы не виделись полгода. За эти месяцы Момыш-улы похудел; тени во впадинах лица были густо-темными; в острых уголках не по монгольски больших глаз проступила желчь,— сказалось напряжение войны. Освещенный лампой, резко очерченный профиль казался похожим, как и в первую встречу, на профиль индейца, памятный по детским книгам.

Он быстро прочел начальную главу. Там рассказывалась история книги; описывалось знакомство с Баурджаном; передавались впечатления о наружности, манере, характере этого, поразившего меня, казаха.

Пробежав вступление, он заглянул в конец, потом поднял глаза — они не были приветливы.

— Почему вы все время твердите о том, что я казах? — раздраженно спросил он.— Написал один раз и хватит... Вы, будто, заываете, поглядите-ка, чудо природы. Вы оскорбляете того, кого хотели бы ласкать. Это ласки бегемота.

Мое лицо стало, вероятно, очень огорченным: писал, писал и вот...

Баурджан улыбнулся.

— Но бегемотов много,— сказал он.— Что поделаешь, приходится принимать эти ласки.

2

Прилегли на застеленную плащ-палаткой койку, сбитую из досок. Я ушел туда, в полутьму, чтоб не мешать, я наблюдал то, что писателю не часто доводится видеть: герой повести читал эту самую повесть, Баурджан Момыш-улы читал о Баурджане Момыш-улы.

Впрочем, он отверг бы эту формулу. Однажды я попросил Баурджана рассказать детство, юность, дать штрихи личной жизни. Он лаконически ответил: «Лишнее». «Почему? Мне это необходимо». «Я рассказываю не вам». «Не мне?» «Не вам, а поколению. Рассказываю о том, что пережито под Москвой, о подвигах батальона панфиловцев. Было бы глупо и неблагородно подсовывать сюда собственную биографию». Переубедить не удалось: мне достался трудный неуступчивый герой.

Склонившись над бумагой, он не горбился. Время

от времени быстрым движением узкой художавой кисти он откидывал очередную страницу. Порой пальцы касались, медленно поглаживая, черные, как тушь, волосы, которые упрямо поднимались, как только рука оставляла их.

Из темноты я вглядывался в него. Вот он потянулся к лежавшему на столе раскрытому серебряному портсигару, взял папиросу и некоторое время, о чем-то думая, вертел его над лампой, подсушивая табак. Закурив, он продолжал читать без единого замечания, без слова. Вот опять голова приподнялась,— на этот раз порывисто,— Баурджан достал из планшета карандаш и стал что-то писать наискось бледно-фиолетовых строк машинописи.

Не буду приводить всех его пометок. Передам лишь кое-что из разговора, который произошел меж нами, когда все было прочитано.

3

— «Не чувствую Москвы, воздуха битвы под Москвой,— говорил Баурджан.— Не передан исторический момент,— октябрь 1941 года...

Как обычно, его суждения были резки, порой до несправедливости.

— Затем... Я не согласен с вашей трактовкой страха.

— С моей? Почему с моей? Я изложил ваши мысли.

— Возможно... Возможно, что я примерно так и рассказал. Но по написанному вижу: грубо, топорно, чурбаном выглядит. Ведь существуют разные виды и степени любви, маленький и большой страх, а тут (он указал на рукопись) на людей сразу наваливается животный страх, страх в превосходной степени, ужас, а потом они начисто от него освобождаются. Неверно! И, кроме того, вы одновременно принизили солдата.

Я запротестовал. Но Баурджан настаивал.

— Да, принизили. У Наполеона есть изречение: «Людьми управляет страх и личный интерес». К такому пониманию человека в иных местах склоняетесь и вы.

В упор глядя на меня думающими большими черными глазами, он повторил:

— Людьми управляет страх и личный интерес... А идеалы? А благородство, совесть, честь, патриотизм, готовность поделить с товарищами лишения и опасности, готовность к самопожертвованию в борьбе? Разве все

это — пустые слова? Разве без этого мы могли бы победить?

Баурджан был не доволен мною, не доволен собою, собственным рассказом:

— Почему, — спрашивал он, — вы не показали картин поражения? Почему не передали горьких дум об этом? Ведь это было вам рассказано.

В оправдание я привел несколько соображений.

Баурджан вспыхнул.

— Если бы литературный фронт, — резко сказал он, — был, действительно, фронтом, где расстреливают трусов, вам давно бы не жить.

Вновь увидев мое огорчение, он опять улыбнулся и добавил:

— Особенно, если я был бы там командиром.

Я спросил:

— Скажите, что вы разумели, когда в письме редактору журнала «Знамя» упомянули о правде перед богом? Ведь вы же не верите в бога.

— Почему не верю? Я верующий человек.

Странно... Не шутит ли он? Кто его знает, резко очерченное смуглое лицо непроницаемо.

— Да, — невозмутимо продолжал он, — я верю в бога. И молюсь богу. Вы долго со мной прожили. Неужели вы этого не замечали?

— Нет. Ни разу не заметил.

Он рассмеялся.

— Какой там бог? Ведь я же говорю о совести. А бессовестных людей я ненавижу.

Вот оно что! Ну, это-то, конечно, замечал.

С этим-то трудным человеком, который распустил первую повесть, мы принялись за следующую».

Вторая повесть писалась два раза и сейчас пишется в третий раз. Первый раз Бек был у меня в сентябре (1943) и привез мне письмо редактора журнала «Знамя». Я просмотрел рукопись, сделал свои замечания, снял копии со всех рукописей и вручил их Беку. Кое-что рассказывал ему дополнительно, серьезно поговорив с ним. Написал письмо редактору о том, что о войне, о потрясающем человеческом страдании нужно говорить правду и только правду, и правду не по словарю, а по сердцу и по душе, задушевыми, простыми словами, в пределах приличия и закона войны — опыта кровавого.

Книга Бека — «Человек и бой» должна грамотно со

всей остротой освещать изложенные вопросы с военной точки зрения, имея центральными вопросами: бой и его психология, она должна являться для читателя пособием военного просвещения (а не только романом), дающим возможность познать умом истину о войне.

Почему я написал это, потому что первая глава в изложении Бека мне не понравилась. Когда я говорю о правде, о войне, я имею в виду правду перед богом, так как человек не всегда искренен своим родом. Такие требования предъявляю не только Беку, но и ко всем литераторам, т. к. цель всякой книги — просвещать. Для того чтобы написать, писатель должен быть самым просвещенным человеком в данной области. Раз тема военная — цель автора книги просвещение читателя, вот почему я подчеркиваю, что это книга военно-просветительного характера, вот почему я требую от Бека, чтобы его книга была пособием военного просвещения, а не романом. Прошу понять меня. Я не требую одностороннюю военную книгу, написанную для солдат в серых шинелях, а книгу для широкой массы, с целью воспитания нации, имея в виду, что первый командир это мать и первый солдат — это ребенок в пеленке, что хорошее родительское воспитание — основа воспитания боевых качеств.

После моей поправки, если Беку удалось понять меня и удастся изложить мысль, мне кажется, что вторая часть повести не будет бесхребетной и флегматичной, как она выглядела в представленной мне рукописи Бека, и я надеюсь, что вы серьезных претензий ко второй части иметь не будете.

Остаюсь в надежде, что мы с вами по многим вопросам программы предполагаемой трилогии Бека окажемся единомышленниками и дай бог силы и здоровья, чтобы помочь автору сделать книгу цельной в разрешении проблемных вопросов войны — боя, в сознании и чувствах наших милых, с чистым сердцем, страстной душой, но с наивным умом соотечественников, избегая как можно эмпирию, то есть поверхностную правду.

Мелкие технические детали наших разговоров Беку приказано честно доложить вам.

Попросите Бека рассказать вам подробно о «медвежьих услугах» писателей и о «героях», оставленных на произвол судьбы (в большинстве случаев обреченных на неминуемую гибель), и о том, что жизнь — движущая

сила в бою. О том, что трудноизлечимая болезнь современных писателей — гонка за красивой смертью героев приносит не столько пользы общему делу, сколько вреда, компрометирует структуру и организацию большого боевого коллектива — воинского товарищества — на глазах читателя и мира.

Если бы я был писателем, то в этом рассказе не дал бы герою погибнуть. Человек цепляется за жизнь, принимает все меры для того, чтобы остаться в живых. Читатель включается в эту тему и вдруг она обрывается.

О том, что отвага и трусость в бою колеблются непрерывно почти на острие ножа, держатся на волоске, расстояние от геройства до трусости один шаг, также, как и расстояние от любви к ненависти, надо писать.

Без слабости герой не герой, а наши писатели и художники из героев всегда делают негероев, скрывая слабые их стороны, они не показывают как человек, преодолев внешние и внутренние трудности борьбы, стал героем. Пишут даже, что героям не присуще чувство страха. Разве это умно? Поэтому я сейчас и написал о том, что описание человека выпячиванием только его отваги, как врожденный дар природы, без угла, без края — очень кругленьким, скрыв от читателя параллельность и неизбежную сопровождаемость чувства страха — читателю, показывают героя как человека сверхъестественного подражать ему вместо вселения в него духа и способности совершать такие же подвиги, как и описываемый герой, при условии преодоления внутренних и внешних трудностей борьбы.

Какую же мы преследуем цель, когда описываем героя?

— Нужно, чтобы масса последовала его примеру, а когда описывают, как он крикнул, махнул рукой, так и свалил столько-то немцев.— Солдат и говорит: я пробовал, но у меня не выходит. Такой вымысел не оправдывает своего назначения. Когда пишут, что снаряды рвутся, пули свистят, летят мины — это понятно, но когда пишут, что он убил 50 немцев, а на самом деле пять, то этим приносят большой вред, душа и сердце болят. Я вот от такого неправильного изложения и предупреждаю. Ведь это ставит героя в неловкое положение перед товарищами.

Ложь — вред.

Вот еще пример. В центральной газете появляется

статья о том, что наши войска с боем взяли такой-то город. Воины знают о том, что было убито пять человек, а в статье напечатано 50. Солдаты, участники, почитали и переглянулись в недоумении. Такие факты приводят к недоверию, и у меня просто какая-то ненависть к этим газетным корреспондентам. Вот почему я и говорю: ложь — это яд.

Конечно, вслух об этом не скажу, но в душе у воина остается осадок. Мне кажется, что таких корреспондентов надо было бы строго наказывать, которые все видят в розовом свете.

Итак, вернемся к приезду Бека. На этот раз я его не ругал. Он явился ко мне беспомощным. Я не разрешил себе никаких резкостей по отношению к нему, и он уехал от меня довольным. Об этом он засвидетельствовал капитану Курманбеку Сагындыкову.

В конце ноября я приехал в Москву. К моему приезду Бек заканчивал второй вариант второй повести. Она была несравненно лучше первой, но опять-таки не то. Мы с ним просидели над рукописью около двух недель. А тут, некстати, Союз писателей вздумал обсуждать повесть Бека.

Бек очень волновался и даже боялся этого обсуждения, просил меня принять участие. Свою просьбу обосновывал тем, что он не сможет ответить ни на один из военных и военно-психологических вопросов, если таковые там будут заданы (а он был уверен, что именно эти вопросы будут в центре внимания). Я отказывался.

И тут он поступил нечестно и коварно: через два дня приносит мне газету с объявлением, что 8 декабря в клубе Союза писателей будет обсуждение книги и что я в нем принимаю участие. Я возмутился. А Бек, хитро улыбнувшись, добавил:

— В клубе висит большое объявление и там ваше имя написано крупными буквами.

Мне пришлось пойти на это мероприятие без всякой подготовки. Народу было много. Любопытные москвичи и москвички прямо съедали меня глазами.

Обсуждение открыл генерал-лейтенант Игнатьев. Слово было предоставлено Беку. Но он и тут поступил коварно: прочел первую главу и сказал, что он больше ничего не имеет сказать, так как полковник Баурджан Момыш-Улы лучше его сможет дальше рассказать и ответить на все интересующие аудиторию вопросы.

Аудитория заплодировала. А я стоял перед ней на трибуне с голыми руками...

ПИСЬМО А. А. БЕКУ

Дорогой т. Бек!

Я многократно должен извиниться перед Вами и, казалось бы, давно пора. Признаться, для этого нет ни одной минуты: не я располагаю временем, а оно располагает мною. Было бы совершенно несправедливо с моей стороны, если бы я потратил 2-3 часа на извинение перед Вами, поэтому, за все мои резкости, не разбираясь в деталях, могу написать от всей души — простите солдату.

Что нового — 19.6.43 г. нарком приказал величать меня полковником, чем и имею честь поздравить Вас.

Работы непочатый край — в настоящем смысле слова некогда. Только Ваше письмо напомнило мне, что имеется «Волоколамское шоссе».

У меня серьезных претензий к Вам почти нет, если не считать, что Вами это капитальное строительство (как с начала нами предполагалось сделать и как будто бы проект утвердили) с легкой руки превращено в временку полевого типа. Вам следовало бы иметь в виду, что один из параграфов постановления полевой фортификации утверждает, что «всякая временка полевого типа недолговечна и имеет задачу обеспечения нужды только сегодняшнего дня, а завтра утилизируется как хлам» (не примите, пожалуйста, за резкость — я цитирую дословно).

Конечно, я понимаю и не отрицаю тот факт, что многие из наших инженеров по обстоятельствам войны сейчас заняты только полевой фортификацией.

Так как Вы не исключение в числе их, было бы неуместным упрекать Вас в недостатке прочности желаемого, сооруженного Вами блиндажа с его архитектурными оформлением.

Все же я хотел бы увидеть это обструганное благородное дерево и дать оценку его отделке плотниками.

От души желаю Вам творческого успеха и доброго здоровья.

С приветом Баурджан

Глубокоуважаемый тов. МОМЫШ-УЛЫ!

Позволю себе обратиться к Вам в связи с трилогией тов. А. Бека «Волоколамское шоссе», которая начала печататься у нас в «Знамени». Хочется выразить Вам глубокую благодарность за эту помощь, которую Вы оказали А. А. Беку и в результате которой важнейшие проблемы войны получили свое отражение в советской литературе. Первая часть трилогии — «Панфиловцы на первом рубеже» — встречена читателем и писательской средой с самым живым интересом и сочувствием. Редакция все время получает читательские отзывы о повести Бека, ставящие ее очень высоко. С некоторыми из этих писем Вас, очевидно, ознакомит А. А. Бек.

Несколько слов о II-й части трилогии: она очень интересна по тем возможностям, которые заключены в ее жизненном материале, временами неплохо написана, но, конечно, для печати еще не готова. Она несобрана, рыхловата, зачастую повторяет первую повесть. Главное, в ней не найден еще внутренний стержень и потому в ней нет остроты, присущей повести. Полагаю, что таким стержнем должна стать проблема командирского решения — разума и воли командира, проявляющихся в ведении боя. Если же формулировать более широко, то это — искусство войны. Бледно показан во II-й повести и генерал Панфилов. Очень надеюсь, что Вы поможете тов. Беку преодолеть недостатки его работы и сделать острую, углубленного значения, вещь. Направляем Вам через Александра Альфредовича несколько экземпляров № 5,6 «Знамени», рассчитываем на отзыв как Ваш, так и Ваших бойцов и командиров о повести Бека. Хорошо, если бы Вы дали такой отзыв, например, для газеты «Литература и искусство».

Примите горячий привет и пожелания боевых успехов и здоровья от всего нашего редакционного коллектива. Очень были бы рады видеть Вас в Москве и «Знамени».

Е. Михайлова

20.09.43

Извините за кляксы: виноваты отвратительные чернила.

ПРАВДА, НАПИСАННАЯ В СЕДЛЕ*

У меня есть рукописи (фронтовые записи). В основном, я называю их — «Мысли о воинском воспитании». Взял я их не из литературы, а из тех боев, которые я провел.

Бывают книги, написанные карандашом, краской, и бывают книги, написанные кровью. Те мысли, которые я пишу, будут объемом приблизительно в 30 ученических тетрадей, и взяты они из книги в натуре.

Если судьбе угодно было, чтобы я на сегодняшний день остался в живых, я не уверен в том, насколько в дальнейшем судьба будет в отношении меня милостива. Опыт мой не должен пропасть даром. Я обобщаю частное в общее, так как у меня нет времени подробно распространяться о частном, то есть мои записи состоят из мышления в понятиях (правда, написанная в седле).

Своими мыслями в образах, соответствующих действительности, я поделился с А. А. Беком. Предполагаемая книга Бека должна состоять из четырех повестей, из которых напечатана только первая, написана вторая, а третья и четвертая еще не начаты. Четырьмя повестями мы хотим закончить подмосковную эпопею.

Я совершенно не согласен, и наше основное разногласие с автором заключается в том, что он хочет сделать произведение, — его смущает, почему Саша с Машей не объясняются в любви.

Книг о любви написано много, но о бое, о его психологии, о воспитании мужества мне приходилось мало встречать.

Товарищ Бек бьет в романтику, я в реализм, и до сих пор мы не договорились. Если вы будете и в дальнейшем продолжать говорить о романтике, нам с вами не по пути, так как вы сочли необходимым заявить, что вы не хотите быть рабом мышления — моим рабом, я должен сказать, что я также не хочу быть вашим рабом — рабом романтики. Или мы совсем не договоримся с вами, или вы будете на пятьдесят процентов рабом, я могу баш на баш согласиться.

Для того чтобы выступить перед этой аудиторией (а я впервые выступаю перед такой аудиторией), надо

* Выступление на вечере Союза писателей СССР. Москва. 8.12.43.

было бы подготовиться, но я не имел этой возможности, потому что недавно из госпиталя. За последние дни пребывания здесь у меня создалось впечатление, что москвичи думают больше о себе, а о других им думать никогда. Мне пришлось бегать из кабинета в кабинет, из учреждения в учреждение и из-за бюрократической неорганизованности я не имел времени даже подумать о чем вам говорить.

Деликатных оборотов речи в моем выступлении не ожидайте, я буду избегать и блиндажной речи, но если будет кое-что проскальзывать, я прошу вас быть снисходительными. Когда со мной говорили о предстоящем обсуждении, я высказал свое мнение, что пока в этом нет надобности, обсуждение преждевременное. Но раз уж так получилось...

Военным меня сделала война. До нее я был гражданским человеком. У меня нет военного образования, кроме солдатского, которое я получил на действительной службе в 1932 году. Но я не считаю себя человеком не сведущим в военных вопросах. Я солдат и прошел военную академию в натуре — в бою. Исходя из этого, мне казалось, что я имею основание думать о войне...

В книгах о войне (я имею в виду плохие книги) обычно ложь выступает в костюме правды. Ложь вообще никогда не выступала в своем собственном одеянии. Ложь временно торжествует, она кричит и орет о себе и все же правда в конце концов восторжествует. Хотелось бы, чтобы в книгах было поменьше лжи.

В моем письме в редакцию «Знамени» о правде сказано так: «О войне, о потрясающем человеческом страдании нужно говорить только правду, не по словарю, а по сердцу и по душе задушевыми простыми словами, в пределах приличия и закона войны — опыта кровавого». Если умело преподнести абсолютную правду, она приносит громаднейшую пользу. А из-за того, что некоторые авторы не умеют говорить правду, они избегают ее и подсовывают ложь в костюме правды.

Я не сторонник голой фотографии, но я сторонник, так сказать, композиционного перспективного снимка с натуры — правды, в этом по-моему состоит искусство художника. А этого не всегда найдешь в книгах о войне. Своеобразная наша полемика, которой Бек открывает первую повесть к главе «Человек, у которого нет фами-

лии», соответствует настоящей действительности, а не стилистическому приему — на эту тему я имел разговор с автором, долго не хотел ему рассказывать о проведенных боях, испытаниях, пережитых и виденных, чтобы совместно с писателем осмыслить пережитое, виденное, опасаясь, что человек, не переживший чего-то потрясающего сам, сумеет ли понять и правдиво изложить рассказанную действительность без вымыслов, без фантазий, так как мне казалось, что военная действительность гораздо красочнее вымысла такого автора.

Один из товарищей говорил мне: «Толстой же написал о войне», но я ответил на это: «Толстой был солдатом и написал о войне, пережив ее сам, а ты не берись, не марай лучше бумагу, потому что ты не солдат, притом и по натуре ты тонкий...»

Конечно, живую действительность найти нелегко, обобщать ее еще труднее — психология войны многогранна, конструкция человеческой души очень сложна, изучить и узнать ее не так-то легко и не всем удастся.

Мне, как читателю письменной литературы и литературы о бое в натуре, написанной не карандашом, не чернилами, а кровью моих товарищей по оружию, солдат наших, братьев, соотечественников и собственной кровью, казалось, что творчество писателя, его книга — это его дитя, гражданин литературного мира, мира книг, самого лучшего, что он создал на свете. Кто не любит своих детей, своего ребенка? Поэтому вполне естественно, что настоящий писатель, инженер человеческой души, должен, прежде всего, на отлично знать конструкцию души, которая нашла свое всестороннее проявление на войне — в бою, в дни самых критических испытаний всех качеств человека.

Только такой писатель, переживший этот процесс, может назвать свой труд творением, собственным созданием.

Я убедился, что некоторые из ваших соратников, называя себя инженером человеческой души, не всегда знают ее конструкцию, поэтому и получается плохо. А читатель очень чуткий, его трудно обмануть. Те писатели, которые основывают свои творения на лжи, их произведение переживает только одно издание, бывает и второе, но только по «блату», поэтому я задал Беку вопрос — бросал ли он сам гранату, то есть я хотел

знать, насколько инженер знает конструкцию. Правда, я должен открыться, что, для того чтобы Александр Альфредович испытал конструкцию, я 15 дней держал его под огнем, просил его сходить то туда, то сюда и говорил: «Не пойдете ли вы туда, там будет очень интересно».

Тогда у меня был инструктором пропаганды Федор Дмитриевич Толстунов, с ним я и посылал Бека. Одним словом, я хотел, чтобы Бек испытал страх; когда он возвращался, я всегда смотрел на выражение его лица.

Но посылать его в самые опасные места, откуда он живым мог не вернуться, учитывая его неопытность, я не рискнул. Но все же, один-два раза он побывал и в очень опасных местах.

Итак, приступаю к изложению программы предполагаемой книги:

Бой. Бой и война не новость для человечества. В этой книге ни я, ни Бек не собираемся открывать Америку о войне. Лишь хотим правдиво обобщить пережитое, поведать виденное.

Александр Альфредович говорил, что некоторые склонны рассматривать книгу, как трактовку устава. Пусть будет так. Устав — это сгусток обобщения опыта бои. Он не всем доступен. Вот почему в своем письме в редакцию «Знамени» я писал о том, что книга Бека должна грамотно, со всей остротой, освещать военные вопросы, имея центральным вопросом: бой и его психологию, человек в бою. Она должна являться для читателей пособием военного просвещения, а не только романом, дающим возможность познать умом истину о войне. Вот почему я и сейчас настаиваю на этом, а эту мысль, как раз Бек опять оспаривает. Я с вами, Александр Альфредович, буду ругаться.

Раз вся книга еще не написана, мне хочется вкратце изложить вам все вопросы и программы этой книги, которая будет написана с таким расчетом, чтобы в обсуждении вы могли говорить об этом. Боюсь, как бы мне при этом не злоупотребить временем.

Еще раз уточняю. В книге мы хотим изложить мои мысли как рассказчика. Очень неловко только, когда меня называют героем этой книги. Я — рассказчик, а герои — солдаты. Я, как читатель и как рассказчик, предъявляю следующие требования и следующую программу к этой книге.

Бой — организованное воздействие на противника умом, огнем, психикой и т. д., при том огневое воздействие является средством психического воздействия.

В бою проверяется все, испытываются все личные качества человека. Психология войны многогранна. Нет ничего незадаваемого войной в человеческих качествах, личной и общественной жизни.

Бой срывает маску, ложь, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Здесь мужество или совсем покидает, или проявляется во всей своей полноте.

Искусство и методы войны.

Говорят, что в бою много случайностей; я этого не признаю, отрицаю, в бою нет случайностей. Под случайностью прикрывается всякая расхлябанность, неорганизованность, необдуманные действия офицера. Война не является для нее оправданием. Все то, что происходит в бою — закономерно и подчинено определенным законам. Итак, в бою нет случайностей.

Генерал-лейтенант Игнатьев.— «Правильно».

Основа искусства ведения боя — огневое воздействие на противника, сохранение живой силы, не брать грудью. Тот офицер, который говорил, вали валом, а потом разберем, это не офицер. Грудью пехоты ничего не возьмешь. Следовательно, основа ведения боя и искусство воевать — это огневое воздействие на противника.

Идеал боя — выиграть бой без потерь, искусство боя — выиграть бой с незначительными потерями.

Война — не мясорубка. Многие думают, что эта война с ее насыщенной техникой — автоматами, пулеметами, танками, орудиями, самолетами — не война, а бойня, раз туда пошел — не вернешься. Александр Альфредович передавал мне, что один из писателей усомнился в правильности моей записи, что солдат идет в бой не умирать, а жить, что надежда на жизнь согревает сердце и ехидно заметил, что, мол, ваш Момыш-улы рассказывает басню. Я и сейчас утверждаю, что это не басни, а настоящая правда. Мне нет надобности обманывать солдата, потому что я сам солдат.

Почему война не мясорубка, не поголовное истребление? Потому что средства истребления обеих сторон одинаковы. Объем истребляемости и способности истреблять зависит от искусства солдат и офицера. Конеч-

но, без жертв не бывает ни одного боя, не сумел взять инициативу в свои руки — враг тебя будет истреблять, если ты не можешь истребить его. Но что война есть истребление — такой грубый, неотесанный термин по адресу боя я отрицаю. Конечно, если подставляют голову, то ее отрубают. Бой не страшен, поэтому в абсолютном смысле этого слова страх боя нужно отрицать и доказать, что бой не страшен, так как человек воюет с человеком. Психология боя должна быть отражена во всех четырех повестях правдиво и осмысленно.

Страх. Я считаю его в некоторой степени проблематичным вопросом. Ко мне приезжали очень многие военные корреспонденты. К сожалению, многие из них — штатские в военной форме. Я очень сожалею, между прочим, об этом качестве военных корреспондентов. Один из них приехал ко мне на фронт, сидит, пьет чай, в окопах он не побывал, ни одна пуля не прожужжала мимо него, а он сидит и читает мне правдоу о том, что страха нет. «Как может бояться боец Красной Армии?» — «Не может»... — Я возмущился таким невежеством... Однажды позволил такую вольность: выскочил из-за стола, выхватил пистолет из кобуры и на него! Смотрю, он побледнел... Тогда я спрашиваю:

— Есть страх или нет?

Может быть, это было некультурно, может быть, некоторые скажут, что это не деликатно, но я считаю, что поступил гораздо культурнее, чем он со мной. Словами ему нельзя было доказать. Если бы он не побледнел, я бы произвел в него выстрел для того, чтобы в конце концов нагнуть на него страху и доказать, что страх существует.

В одном месте моей рукописи я пишу так: «Бесстрашие, как таковое, вообще не существует в природе, бесстрашных людей нет. Чувство страха присуще всему живому и вездесуще. Сознывая опасность смерти, ни одно животное не идет в бой без страха, в самое пекло, откуда брызжет смертью. Но страх преодолевается? Чем? Принуждением вообще, внутренним и внешним (общественным воздействием) в частности. Какие принуждения? — Внутренние принуждения, то есть сам себя принуждает (совесть, благородство, честь — чувство долга), и внешние принуждения, то есть общественное воздействие (спасая свою собственную честь и благород-

ство от чувства стыда, низости и позора. Вот что помогает преодолеть страх. Добровольно никем страх не преодолевается, страх преодолевается только и только принуждением». В книге это будет сказано более подробно, я излагаю только программу.

«Чувство страха постоянно сопровождает солдата в бою. Страх никогда не отстает от него. В борьбе со страхом рождается отвага, в результате победы чувства долга...» «Честь дороже жизни, позор и бесчестье страшнее смерти — совесть у настоящего солдата строже любого внешнего принуждения. Если бы не было страха, не было бы отваги»...

Страх испытывает не только солдат, воюющий непосредственно на передовой, но и офицер и генерал. Не знаю насколько это будет правильно, что войной и боевыми действиями войск управляют два генерала: войсковой генерал — человек, и второй — генерал-страх. Страх даже имеет генеральский чин. История знает немало случаев, когда генералу-страху удавалось решать даже операции стратегического масштаба.

Инстинкт самосохранения — это благородное качество всего живого. Правда, в беседе некоторые военные корреспонденты говорили, что инстинкт самосохранения порождает трусость. Я говорю: нет. Инстинкт самосохранения имеет двоякую сторону — он может порождать и трусость, но в подавляющем большинстве случаев он порождает отвагу. Правда, это промежуточное чувство. Почему живой человек до последнего борется, цепляется за жизнь, даже утопающий, как говорится, цепляется за соломинку. В целях самосохранения бьются, нападают, защищают. Следовательно, инстинкт самосохранения — первородный двигатель, желание жить и является благородным качеством человека и не только человека, но и всего живого. Отсюда дается трактовка: не умирать, а жить. Желание жить толкает на подвиги, на риск — без риска нет победы. В бою жизнь никому не дарится, а завоеывается. Поэтому убивай тех, кто хочет убить тебя. Обезопась себя, товарища по оружию, соотечественников истреблением врага, беспощадным истреблением, мщением за зло злом, за смерть смертью, кровью за кровь. Вот почему в первой повести мною сказано: «солдат идет в бой не умирать, а жить». Вот почему и здесь говорю, что трусость и отвага есть результат борьбы инстинкта самосохранения, а не пото-

му, что я хотел обмануть солдата. Вот почему товарищ, сомневающийся в правдоподобности моих записей, неправ.

Солдат. Мы хотим отразить, что такое солдат. Многие представляют себе, что солдат это какое-то неживое, каменное существо, бессердечный картонный человек. Я с этим не согласен. В начале 1942 года я вынужден был написать письмо казахским писателям, что наша дивизия имеет свою специфичность: в ней преобладают бойцы нерусской национальности. Я, как руководитель-солдат, вынужден был обратиться к этим инженерам человеческих душ. Вы же, инженеры, давайте нам духовную пищу. Я не хотел учить писателей, но был вынужден написать так: «Дух наших бойцов и командиров в борьбе крепок, как гранит. Ненависть к заклятому врагу горит в сердце у каждого из них, но душа солдата тоже имеет свойство изнашиваться, солдат — не камень, не сталь, не стекло, а человек, обыкновенный человек со всеми человеческими достоинствами, чувствами и слабостями, присущими каждому. Он не только постоянно проявляет отвагу, мужество, героизм, но и в минуты душевной невзгоды проявляет и слабодушие, и слабование».

Многим удается перебороть эту напавшую на него слабость и взять себя в руки, другим товарищ помогает, третьих командир и политработник ободряют, одним словом, тоже понемножку ремонтируются, оттачиваются, как лезвие боевого клинка и боевого штыка для завтрашнего боя, дается нужный закал некоторым ослабевшим в огне боев.

Боец — живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он жаждет ласки и нежности любимой, чудного лепетания маленького забавного карапузика-сына, кудрявенькой маленькой дочки — он муж, он отец!» Я так писал потому, что многие не против считать солдата каким-то бесплодным, бессердечным существом.

Должен предупредить вас, товарищ, что у меня дрожит рука не потому, что я волнуюсь, я еще болен, только что вернулся из госпиталя. «Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы. Нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого солнечного сияющего дня, он с любовью смотрит в голубое, безоблачное небо ночью...»

Впрочем, ночью, кажется, небо бывает не голубое, а синее...

...«Он плачет и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательность близких людей, друзей и хороших товарищей. Порой он устает и физически и духовно: в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу».

Вот этим самым я хотел своим сородичам, казахским писателям, попытаться объяснить, что такое солдат.

Боец силен своим оружием, но в руках слабого самое мощное оружие бессильно, так же как сила гигантского богатыря ничтожна перед самым ничтожным оружием стойкого воина. Стойкость — щит смелых, спасение не в бегстве, а в защите и нападении. Кто не защищается, тот погибает. Без риска нет победы. Жить хочешь, дерись до смерти. Бой не знает пощады, жизнь — движущая сила в бою.

Самое грозное оружие в бою — это душа солдата и она, как всякое оружие, требует «боеприпасов» — духовной пищи.

Кто будет снабжать это грозное оружие «боеприпасами?»

— Писатели. Это их прямой долг, прямая обязанность.

При производстве этого вида «боеприпасов» нужно исходить не только из чувства, солдат — человек, и ему присуще все человеческое. Писатель должен помочь командиру пробуждать благородные порывы и чувства, воздействовать на совесть, честь, волю, разум для осмысленного действия воина в воспитании патриотического чувства человеческой культуры и достоинства, смелости и мужества, так как сущность воинского воспитания заключается в выработке способности преодолеть лишения, тяжесть боевой жизни и страха.

Фашист не чудовище, не дракон, не леший, а человек. Правда, человек с развращенной натурой, безнравственный, испорченный, с разбойничьим характером, неблагородный, бандит, палач, мерзавец, но ему при-

сущее все человеческое, слабое. Я совершенно не согласен с карикатуристами и с литераторами, которые рисуют фашиста с клыкообразными зубами, когтеобразными ногтями, со звериным лицом, страшным выражением, несвойственным человеку, не только человеку, но и зверю, которого не существует на свете. Это более страшный зверь, чем водится в африканских джунглях, и тут же под его ногами валяется окровавленный труп жертвы. Боец, не побывавший в бою, ни разу не видевший врага, на такие плакаты смотрит с опаской, ему становится страшно, у него создается впечатление, что такого и пуля не берет и штыком его не проколоть, потому что он показан сверхъестественным. Фашист — не страшилище. Вместо того, чтобы воспитывать в солдате сознание, что немец такой же человек, вместо того, чтобы научить его нагонять страх на немца и смело идти в бой с ним, наши карикатуристы и литераторы пугают солдата и пугают неправдоподобными вредными вымыслами своего, так называемого, творческого воображения. Такой карикатурист оказывает нам «медвежью услугу», нагоняет страх еще до боя. А тот солдат, который уже колот немца, смеется: «Вот какой глупый художник, а я ему поверил».

Я не понимаю, почему такому художнику платят гонорар вместо того, чтобы посадить его в тюрьму...

Ненависть к врагу нужно воспитывать на правдивых примерах зверств захватчиков, а не на неправдоподобных неумных вымыслах карикатуристов и некоторых литераторов.

Героизм. Это не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга перед отечеством, ограждая прежде всего собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства низости, позора и стыда. Если бы не существовало это чувство стыда у человека, то героизма не было бы. Сорезнуясь с себе подобными в благородстве, равенстве поделить не только блага целого коллектива, но и опасность, стремление обезопасить себя и соотечественников путем наибольшего истребления врага, беспощадного мщения смертью за смерть, кровью за кровь. Мы должны воспитывать чувство благородства, строго придерживаясь правила: честь дороже жизни, позор страшнее смерти.

Это в моем понятии. Александр Альфредович это расширит и даст в более художественной форме. Самое основное, что будет в книге, это воинское воспитание мужества. Мы хотим отразить в книге методы и источники воинского воспитания, какие существуют источники отваги.

Солдат — решающее лицо в бою и от его подготовки зависит успех. Воюет не разрисованная карта, не мысль, не мечта командира, которую передает солдату в форме приказа, а непосредственным исполнителем является солдат. Поэтому особое внимание должно быть отведено воспитанию солдата.

Достоинство человека держится на личной гордости. Для воспитания боевых качеств есть ряд благородных черт человека, которые надо постоянно развивать.

В чем должна состоять сущность воспитания?

В способности преодолевать тяготы, лишения и страх. Личная гордость порождает отвагу не только в труде, в быту, но и в бою.

Чувство долга, благородства, личная, национальная, отеческая гордость, национальные благородные традиции присущи всем народам и всем нациям. Нет национальной традиции, мешающей воевать, а есть национальные традиции, помогающие воевать. Каждый должен любить нацию и через глубокую любовь и гордость за свою нацию познать другие нации, уважать и любить их.

Самое грозное оружие в бою — это душа солдата. Боеприпасы к этому оружию — духовная пища. Душа человека бывает также различных систем и разных калибров. Питать душу — это значит доставлять боеприпасы соответствующей системы, соответствующего калибра, а не вообще. Тогда будет достигнута основная цель — пробуждение хороших благородных качеств: совесть, честь, разум, осмысленные действия.

Воспитание ненависти должно вестись на правдивых примерах. Совершенный солдатом подвиг должен быть описан правдиво, без преувеличения.

Правда — это самое питательное средство для воспитания мужества. Ложь — самый вредный яд, впоследствии создающий недоверие даже к официальным источникам, соответствующим настоящей действительности.

Что такое чувство радости боевого подвига и радости

победы над врагом, которое испытывает солдат. Попытаюсь кратко изложить свои мысли.

Командир. Современная война не является войной мушкетеров и пикотеров, и офицеры Отечественной войны не рыцари XVI века. Они делятся на три категории: офицеры ближнего боя, офицеры тактического соображения и назначения, офицер (генерал) оперативного мышления и назначения.

Офицер — организатор боя, творец победы. Отвага офицера заключается в его уме и непреклонной воле. Командир должен быть солдатом ума прежде всего, памятуя казахскую народную поговорку: «Штыком убьешь одного, а умом и тысячу».

Основной задачей командира до боя является привитие мужества воинам по элементам. В бою же он должен грамотно выполнять поставленные задачи, быть инициативным, увлекать за собой остальных на подвиги.

Командир не должен быть однозначным, несолидным — он должен глубоко понимать, что такое служебное самолюбие и себялюбие, различать служебный эгоизм от обывательского. Он должен быть строго честным и справедливым в отношении подчиненных, придерживаться правила: не хвали без меры, не терзай без пины. Что боевое слово должно состоять на его вооружении, задевающее за живое его солдат своей правдивостью, задушевностью и простотой (но не простецки-простой). Командир должен уметь воздействовать на совесть, на благородный порыв, учить и учиться у подчиненных, его подразделение в бою должно явиться для него академией. Он должен осмысленно чувствовать возложенную на него ответственность, смотреть на свое личное достоинство через призму критики, а не через увеличительное стекло, не бросаться на разные приманки: карьеризм, мания величия и прочие отрицательные качества личности для него должны быть чужды. Он должен быть наездником глубокой посадки в седле, а не торчать чучелом и страдать от неловкой неуклюжей посадки. Жестокость командира должна быть исключительно осмысленной, справедливой, потому что трагические моменты войны требуют и суровой беспощадности. Война не терпит беспорядка и неповиновения. Справедливая беспощадность есть самая гуманная, это есть человеколюбие.

Опыт сегодняшней неудачи должен стать предве-

стником завтрашней удачи. Беречь живую силу. Соблюдать правила:

Не торопись умирать, а учись воевать.

Воюй и учись, закаляйся и мужай.

Следующий вопрос — генерал Панфилов.

Панфилов — оригинальный военный мыслитель. Его оперативное преимущество перед немецкими генералами — его тактическая гибкость.

Панфилова мы хотим показать таким, какой он есть: разумным, логичным, маневренным, расчетливым, хладнокровным, стойким, упорным, целеустремленным.

Несколько слов о правде.

Я писал в редакцию, что человека нужно показать разносторонним, таким, какой он есть. Человеку присущи все качества. Нет абсолютного героя и нет абсолютного труса. Геройство и трусость есть результат борьбы. Описание человека выпячиванием только его отваги, как дара природы (врожденного) без угла, без края, очень кругленьким, скрыв параллельность и неизбежную сопровождаемость чувства страха, — героя показывают как сверхъестественного и навязывают мысль читателю о безнадежности подражать ему вместо вселения духа и способности совершать такие же подвиги, как и описываемый герой при условии преодоления ряда внутренних и внешних трудностей борьбы.

Вот те вопросы программы предполагаемой книги под авторством Александра Альфредовича.

У меня все.

Заключительное слово. Александр Альфредович, с вашим последним выступлением я вполне согласен. И, признаться, даже не подозревал за вами таких способностей. Вы сейчас выступили как автор военной книги.

А вот с первым выступлением нет, не согласен.

Для того чтобы быть кратким, я опять процитирую две выдержки из письма, адресованного редактору «Знамени»:

«Книга Бека «Человек и бой» должна грамотно, со всей остротой, освещать изложенные вопросы с военной точки зрения, имея центральным вопросом бой и его психологию... Она должна являться для читателя пособием военного просвещения (а не только романом), дающим возможность познать умом истину о войне».

Я так писал.

Мне очень неловко, когда выступавшие здесь называли меня автором. Основным автором является Алек-

сандр Альфредович. Некоторые здесь опасались личного раздора; когда говорят о личном раздоре, меня это просто оскорбляет. Раздора личного быть не может, может быть лишь раздор творческий. И это неплохо... Книга будет рождаться в борьбе. Я не сдамся ему и ему не рекомендую сдаваться.

Об отношениях. Я в нашей совместной литературной работе не вмешиваюсь в приемы Александра Альфредовича. Он для меня авторитет. Я с ним спорю только по принципиальным вопросам. Я не утверждаю, что все то, что я думаю и говорю, правильно. Это было бы с моей стороны неприлично, это было бы жестокой переоценкой своих способностей.

Я очень благодарен за замечания, которые были сделаны со стороны аудитории. Кое-чему здесь я научился, услышал и такое, чего раньше за собой не замечал. За это я очень благодарен и все это учту.

Тут люди опасались, не будет ли здесь сплошная философия. Ведь нам нужна не философия, а литература. Я философию не подсовываю везде и всюду. Я желаю не выбрасывать из книги философскую сторону мышления о войне в понятиях, которые принесут пользу читателю, те философские вопросы, которые неприемлемы и не приносят в данный момент пользы и будут отражаться отрицательно на художественной стороне произведения, безусловно, останутся за бортом.

Дальше я писал редактору:

«...Остаюсь в надежде, что мы с вами по многим вопросам к предполагаемой трилогии Бека окажемся единомышленниками, и дай бог нам силы и здоровья, чтобы помочь автору сделать книгу цельной и ценной в разрешении проблемы по вопросу войны-боя в сознании и чувствах наших милых с чистым сердцем, страстной душой, но с наивным умом соотечественников, избегая как можно эмпирию, то есть поверхностную правду...»

Вот основная цель, которую я выразил в письме к редактору.

Я еще раз выражаю благодарность за учебу и надеюсь, что если судьбе будет угодно оставить нас в живых, мы приложим все усилия к тому, чтобы книга Бека вышла, и если она принесет желаемую пользу и удовлетворение бойцам, то это будет для нас большой наградой.

Уважаемая Екатерина Николаевна!

Ввиду недоброкачественности стенограммы от 2 апреля 1944 года, мне приходится письменно изложить свои замечания по второй повести Александра Бека под заглавием «Бой».

28 марта 1944 года я имел честь доложить Вам, что книга Бека «Волоколамское шоссе» является частью цикла военно-просветительных произведений, которые мы намерены создать на тему войны, боя, воинского воспитания, обобщив опыт боев, благородные традиции, отразив великие чувства братства и содружества советских народов в благородном солдатском ремесле в этой Великой Отечественной войне.

Тема Бека — природа оборонительного боя и его психология. Задача его — понятия, то есть общее переложить в частные образы, эпизоды боев, психологических моментов, драматургии войны-боя и т.д. и т.п.

Задача Александра Бека весьма сложная и трудная, так как его произведение предполагает в себе быть документом, прежде всего политическим, литературным, историческим, военно-биографическим, с живым мыслящим и пишущим героем сегодняшнего дня. Это обстоятельство налагает на автора большую ответственность строго ограничивать его фантазию, стесняет стилистический маневр пера и воображение писателя и т.п. Характерны для данной книги также затруднения, связанные с требованием времени четко осознавать, что в бою находить правду нелегко, а обобщать ее еще труднее, и что проблема воинского воспитания есть проблема воспитания от пеленки до штыковой атаки, разделяя доармейское воспитание на родительское, общественное, школьное, комсомольско-партийное и армейский период — на воспитание, обучение и проявление их результатов (конечно, не без теневых сторон) в бою, где испытывается и проверяется все.

Вы знаете, что я взял на себя роль поставщика материала в письменном и устном изложении, мы намерены совместно с Александром Беком, осмыслив пережитое, создать осмысленное серьезное произведение о делах сотен тысяч верных своему долгу солдат и море пролитой крови, тем самым выполнить свой долг

перед памятью погибших и пострадавших честных солдат моих, не считаясь с тем, что, по мнению некоторых моих начальников, «это непосредственно не относится к моему ремеслу на данном этапе и в обязанности не вменяется».

Как вам известно, темой всей книги являются бой и его психология. Человек в бою. Его разум, логика, совесть, честь.

Командир — организатор боя, творец победы. Воюя, учишься, закаляешься и мужай и т. д. Следовательно: первая повесть — воспитание боевых качеств до боя; вторая повесть — советский офицер и солдат в бою (огонь и тактика); третья повесть — генерал Иван Васильевич Панфилов (тактика и элементы оперативных вопросов боя); четвертая повесть — Москва (переломный исторический момент хода войны — элементы стратегических вопросов).

Отдавая должное стараниям Александра Альфредовича по освоению материалов, в интересах дела ниже позволю обратить Ваше внимание на мои замечания по конкретной повести, заранее извинившись перед Вами за вольное изложение этих замечаний и за время, которое отнимаю у Вас этим письмом.

О достоинствах повести писать не стану.

1.. К сожалению, не могу не отметить, что, несмотря на четвертую переделку, Александр Бек допустил ряд отступлений от изложенной мною программы предполагаемой книги в письме к редактору журнала «Знамя» от 27 сентября 1942 года и стенограммы моей речи в клубе Московских писателей от 8 декабря 1943 года по ряду принципиальных вопросов и, самое главное, допустил политические ошибки, которые не только снижают достоинство и ценность книги, а являются пагубным симптомом для начатого с такими благими намерениями от чистого сердца дела для соотечественников наших.

Александр Бек — человек со слабым, беспринципным характером. Возомнив, что он достаточно просвещен в вопросах войны и ее психологии и на «хорошо» знает своих героев, не зная самого себя на «посредственно», перестал доискиваться познания истины в этих вопросах и попал под влияние верхоглядов — советчиков из среды своих коллег, неосознанно уклоняясь от азимута взятого маршрута первой повести и программы трёх будущих повестей, шатаясь на ветру мелкого не-

благородного самолюбия и обывательского эгоизма, якобы задетого сплетней в кругу некоторых журналистов, ставящих под сомнение его авторство, болезненно переживая отсутствие своего «я», — этот человек, потерявший творческую гордость истинного писателя, в некоторых вопросах докатился до низости неосознанного внутреннего шовинизма. Это выразилось в неправильной трактовке политических и военных вопросов, не говоря о литературно-художественном и лаконичном стиле изложения, осмысленного, продуманного, целеустремленного построения образов, расстановке правильных акцентов, ритмичности, показе кульминационно-переломных моментов войны, образе мышления людей, драматургии войны-боя и психологических моментов. Он ограничился эпизодично-описательными изложениями, местами дубовым и казенным языком со множеством фантазии, недостаточно этично растянув текст лишними абзацами, частыми повторениями известных положений первой повести, что является безусловной недобросовестностью автора при освоении продиктованного им материала и основой всех погрешностей и низкого качества второй повести относительно первой, которая имела частный успех.

2. В отдельных местах образ советского офицера не только не удался, а вследствие недостаточной продуманности и нарочито неестественного отступления автора от действительности, от конкретно взятого им образа и невежественной экзотикомании по всей повести, а был искажен; здесь нашли свое кривое отражение действительность и желаемое, в чем и заключается корень зла политических ошибок автора.

а) «Я не понимал внутреннегокрепления нашего строя». Я удивлен, ни у одного добропорядочного советского писателя не повернется язык такое выразить устами советского офицера, и это адресовано (как им сказанное) человеку, которому было 7-8 лет от роду в дни революции, учился в советской школе, служил в советских учреждениях и восемь лет в Красной Армии, последовательно проходя службу от рядового до старшего офицера, и за 26 лет существования Советской власти не понял сущности советского строя, что не делает чести советскому гражданину;

б) человек (герой повести), который всю жизнь прожил в Советском Союзе, только через 25 лет с удив-

лением узнает (приходит к заключению), что коммунисты хорошие войны. Это не делает чести советскому офицеру, советскому воспитанию;

в) «Я отрицал тогда политрабугу», пишет Бек якобы с уст героя повести, на самом деле ему было дословно сказано и написано следующее.

«Сущность политической работы — это проникновение в душу человека. Возбуждение благородных порывов, поэтому на вооружении командира должно состоять боевое слово, задевающее за живое его солдат своей правдивостью, задушевной простотой, без лирики сладкой мечты и хруста заплесневевшего сухаря. Я считаю существенно вредным недостатком, мешающим достижению цели, дающим обратный эффект, невежественную болтовню без толку, чиновничество, бюрократический формализм и прочие атрибуты, которые, к сожалению, проводятся некоторыми под видом политической работы...»

Будьте сами праведным судьей — что я отрицал и что утверждал.

По Беку получается прямое противоречие убеждений советского офицера основным государственным установкам о политической работе в армии, что не делает чести советскому писателю;

г) «Я черный казах, которого раньше называли грязным. Эх, что и говорить, Вы сами же понимаете», — так пишет Бек. Какая невежественная бестактность автора, что не делает ему чести и за него стыдно перед читателями;

д) в отдельных местах советский офицер получился у Бека не столько волевым, сколько упрямым. Видимо, у автора, несмотря на неоднократное толкование и пояснение, до сих пор остается не в порядке понятие, что такое воля и упрямство (первое, как я понимаю, — осмысленно целеустремленная гибкая твердость, убежденная в своей правоте);

е) по всей повести как бельмо на разуме автора лежит и давит национальная принадлежность офицера — он на каждом шагу напоминает читателю, прося «снисхождения», «учитывая», что он национал, тогда как на самом деле суровый и справедливый закон войны-боя не знает никакой пощады, снисхождения и скидок ни солдату, ни офицеру, к какой бы он нации ни принадле-

лежал. Бой знает и признает мужество и способность и только способность, выдвигает и возвышает солдата и офицера. Война не знает выдвигений без боевых качеств;

ж) из сказанного явствует, что Бек показывает советского офицера-казаха ограниченнее, глупее, невежественнее, безнравственнее, неблагороднее, нетактичнее, аполитичнее, чем есть на самом деле.

Что было бы, если в действительности под перо Бека попал бы человек офицерского звания, как он сам.

Не следует забывать, что за спиной положительного в образе советского офицера его подразделение, его народ, его Родина и Красная Армия, офицером которого он является. Поэтому автор должен стократ почувствовать ответственность, прежде чем представить его миру.

Не следует увлекаться экзотичностью фигур, акцентировать все внимание на цвет кожи и другие неевропейские особенности.

Офицер должен быть советским вне зависимости от национальности — он должен быть обезличенно отвлеченным образом в этом смысле.

Советский офицер должен быть показан только волевым, глубоко проникающим в смысл войны, ход событий на уровне своего положения и звания, учащимся, осмысливающим, развивающимся в ходе боевой жизни и борьбы. Я командовал многонациональной частью. Я обезличивал себя из-за желания быть одинаково равным для всех моих солдат, мой гнев и мое сердце для всех были одинаковы, иначе все солдаты разной национальности не смотрели бы на меня, как на своего командира, и украинский солдат не называл бы меня «батюшко», как и казахи «аксакал» (надеюсь, что эту сущую правду не примете за нескромное хвастовство, так как правда вообще не хвастовство). В этом существо политического лица советского офицера и в этом особенность содружества и братства Красной Армии. В этом политическая погрешность Бека, продиктованная ему его внутренним шовинизмом, поэтому иной раз вспыхивает раздражение автором и получается впечатление, будто он постоянно зазывает «смотрите на этого азиата в офицерском звании, что он в 26 лет не понимал советский строй, что коммунисты хорошие воины, отри-

цал политрабoтy, упрям, как бык, узок, невежествен, аполитичен, но смелый воин и тому подобную чепуху.

3. Дивизия показана только лишь растянутой, а не сражающейся, поэтому образ Панфилова получился пассивным и скучным. Краткое описание боев в районе совхозов Булычева, Осташово, Спас-Рюховской считаю как обязательный минимум для того, чтобы дивизию показать как сражающуюся.

4. Диалог Панфилов — Ползунов хуже и не лаконичнее, чем в его заготовке — в моих рукописях.

5. Атака описана формальной отпиской и очень неудачно. Не удалось передать: природу атаки; что такое атака; страх и психологию атаки; портрет атакующих; роль командира; подготовку атаки огнем; атака — не митинг.

6. Портрет Исламкулова бледноват — читатель его не запомнит — он будет в третьей и четвертой повестях как один из основных героев.

7. Женщина в Новлянском, за несколько часов успевшая сожительствова́ть с немцами, — выдумка, неуместна и ни к чему.

Образ Валентины Вахмистровой не соответствует действительности, которая гораздо красочнее вымысла автора. Отношение к ней в действительности было гораздо человечнее, тактичнее и нравственнее, чем у Бека. Без всякого выражения чувства самца эту внутреннюю порнографию нужно вычеркнуть.

8. Батальон капитана Шиловa был батальоном сражающимся...

Капитан Шилов был благородно страдающим офицером, так и нужно было описать.

9. Неудачно описан Волоколамск накануне оккупации, драматические и психологические моменты в городе, над которым нависла грозовая туча опасности.

10. Не сделан вывод. Надо бы сделать его устами Панфилова.

а) бои под Москвой — бои за время;

б) бои под Москвой — бои за дороги (отказ от линейной тактики, спираль Панфилова, узлы сопротивления, опорные пункты);

в) отступление — не бегство, а тактика;

г) значение боев дивизии от р. Рузы до Волоколамска — статистика результатов потерь противника.

11. Нет возрастающего ритма, кривая от первой повести незаконно пошла вниз: текст страдает отсутствием ясной, лаконичной, отшлифованной формулировки.

12. Многие детали моих замечаний в частных вопросах мною написаны на полях рукописи и подробно доложены Беку лично и частично 2-го апреля 1944 года в присутствии представителя журнала «Знамя»

Мои замечания не относятся целиком и полностью ко всей повести, которая, в основном, удалась, а к конкретным ее недостаткам, которые при желании автору в недалеком будущем удастся исправить, тем самым придав желаемую целостность и качество, но все же, при наличии указанных выше недочетов, считаю вторую повесть не готовой к печати и требующей коренной переделки по отдельным принципиальным вопросам.

С текстом этого письма Бек знаком и выразил свое согласие.

Гвардии полковник

Баурджан Момыш-улы.

«Я БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ»*

Ровно три года тому назад Панфиловская дивизия, наравне с другими частями нашей Красной Армии, после семидневных ожесточенных боев в одном из опорных пунктов подмосковных районов — станции Крюково, по приказу Верховного Главнокомандования, перешла от маневренной обороны в контрнаступление и восьмого декабря 1941 года заняла станцию и деревню Крюково.

Я был тогда старшим лейтенантом, участвовал в первой атаке Красной Армии в контрнаступлении. Эта дата для нашей страны и для нашей дивизии знаменательна тем, что тогда была повернута история войны, то есть мы перешли от обороны в контрнаступление.

Когда мы шли в атаку в Крюкове, старший лейтенант Баурджан Момыш-улы не думал, что спустя три года он будет именоваться героем повести. Я благодарен судьбе за то, что после сотни проведенных боев, ей угодно было оставить меня в живых из числа панфиловцев, и

* Выступление в клубе советских писателей на обсуждении повести «Волоколамское шоссе». Москва. 8.12.44.

я имею честь сегодня представиться перед вами в чине полковника.

Я пришел сюда не красоваться перед вами, а отвечать за свои слова. Я не автор книги, а материал книги, я автор рассказа и, как каждый человек, должен отвечать за свое слово. Вот почему я говорю, что пришел не красоваться, а отвечать за свои слова. Я своим присутствием не хочу связывать товарищей, стеснять их, я призываю к откровенности и даже к резкости.

Вчера Дайреджиев говорил о Печорине. Я принимаю ваш вызов, готов с вами воевать.

Я чувствую себя до некоторой степени неловко, когда меня называют героем, образом советского офицера, сравнивают меня (даже такие мудрецы нашлись) с Наполеоном, Багратионом и т. д. Все это, конечно, смешно. Я не полководец, я офицер ближнего боя, прежде всего. Я даже не могу сказать вам, что я полноценный офицер тактического соображения, потому что тактика — это великое дело. Поэтому те товарищи, которые сопоставляют меня с Багратионом и Наполеоном — невежды в военном отношении. Если товарищи думают, что это меня трогает, они ошибаются, это до некоторой степени даже возмущает меня.

Некоторые смущены — почему этот герой живет. Если бы его убили, легче было бы о нем говорить.

Думаю, что я не очень бесполезный человек. Я остался в живых не потому, что хотел, а, видимо, судьба была такая. Поэтому давайте вместе поблагодарим судьбу и счастливую случайность. В дальнейшем, может быть, своими рассказами и службой в армии, я некоторую пользу принесу и поэтому, давайте, лучше я не буду умирать и пусть товарищей это не смущает, пусть об этом не жалеют. Я желаю всем нашим воинам и вам жизни и полного благополучия.

В отношении конкретного героя. Я сегодня оглядываюсь назад. Я ушел на порядочное расстояние от старшего лейтенанта Баурджана Момыш-улы. Старший лейтенант Баурджан Момыш-улы теперь и для меня такой же образ, такой же литературный герой, как и для вас. Это было в 1941 году, а сейчас 1944 год.

Я буду говорить не о себе, а о старшем лейтенанте Баурджане Момыш-улы, который существовал, одним из советских офицеров, несущих в себе образ войны, образ

нашего времени, образ нашего советского человека в этой Великой Отечественной войне. Я не говорю об исключительной личности, безусловно, это не так. Вчера, когда товарищи говорили о Печорине, пытались утверждать, что он претендует на исключительность. Давайте о Печорине поговорим позже.

Идут рассуждения о живом герое. А потом появились некоторые мои статьи в газетах и читатели узнали, что Момыш-улы, оказывается, и пишущий. Вчера докладчик даже говорил здесь обо мне, как о соавторе. Некоторые товарищи помнят мое прошлогоднее выступление. Поэтому, мне кажется, что отдельные люди незаслуженно упрекают Александра Альфредовича в том, что «насчет вашего авторства придется немного усомниться». Относительно первой повести вы помните, когда Александр Альфредович честно говорил, что «в этой книге я всего лишь добросовестный и примерный писец». Некоторые толкуют это и как иронию, и как литературный прием. А на самом деле, это не то и не другое. Когда в прошлом году вам читали первую главу второй повести, которую, к сожалению, редакторы не пропустили (и очень много, между прочим, потеряли, что не пропустили), в ней было сказано, что автором этой книги является не Бек, и не я, а война. Книга пишется о войне войной. И дальше было сказано: «Не как большое, до конца осмысленное художественное полотно, а как зарисовка, эскиз войны». Товарищ Шкловский вчера говорил о недостойном поведении советского писателя и прочее и прочее. Единственное, что я понял из этого, что Шкловский говорил о скромности. Конечно, скромность — это очень большой проблематичный вопрос. Но что такое скромность, Шкловский все-таки не сказал.

Повторяю, книга пишется войной. Александр Альфредович, как писатель — автор, я, как материал, его помощник. Мы честно работаем.

Ничего нет более высокого, чем быть высокочестным летописцем с одной стороны, и быть честным материалом с другой стороны. Ведь есть интимные чувства не только в личной жизни человека. Есть так называемый командирский интим. Из практики войны мы знаем, что не всякий трус признается, что он трусит, не всякий командир признается, что он волнуется.

Я предоставил в распоряжение Александра Альфре-

довича свои интимные чувства командира, желая выпятить психологию командования. Когда Александр Альфредович писал: «Я всего лишь прилежный писец», и «автором этой книги является война», это выглядит и на самом деле как самоотречение автора.

Шкловского возмущало — почему рубят руку. Я от такого высокого литератора этого не ожидал. Он удивился, почему командир носит клинок. Не в этом дело. А почему бы не рубить, почему не носить клинок?

Почему этот интим чувства был раскрыт? Желание осмыслить и помочь советскому читателю познать и осознать истину о войне. Мы считали, что единой целью советской литературы является этот злободневный вопрос.

Поэтому мне совершенно непонятно выступление некоторых товарищей, которые столь благородное взаимное самоотречение трактуют, как недостойное советского писателя.

В прошлом году я говорил, что считаю преждевременным осуждение второй повести. В этом году я вынужден повторить, что считаю преждевременным осуждение третьей повести, так как замысел не закончен, впереди еще две книги. Четыре повести о панфиловцах Александра Альфредовича имеют целью дать в комплексе оборонный бой вообще и маневренный бой на Волоколамском направлении, в частности, на примерах боевых действий Панфиловской дивизии. Центральным вопросом, проходящим через всю книгу (я говорю об этом потому, что боюсь, чтобы содержание третьей повести не относили ко второй повести, как ее собственный недостаток), является бой и его психология, человек в бою, — я говорю о всех четырех книгах, — народ в бою, благородство советского воина, совесть, честь, нравственно-моральный облик советских людей, советского воина, чувство и сознание долга, инициатива, психология командования и подчинения. Короче говоря, силы советского патриотизма в образах советских людей, солдат и офицеров нашей многонациональной, но единой Красной Армии, которые в дни громадных испытаний 1941 года впервые всему миру, — нашим друзьям и нашим врагам, — красноречиво сказали о себе, кто они такие, что это за советская нация, нация воюющих большевиков, сражающихся за человеческую правду, досто-

инство и справедливость. Это было показано не на страницах анкетных бланков,— это было показано языком огня, языком меча, всеми средствами сердца, всей человеческой сущностью советских людей. И на почвах подмосковной земли эти факты были записаны священно пролитой кровью наших солдат и офицеров.

Все эти вопросы — сложный механизм ближнего боя с его многогранной психологией. Общественное мнение требует от автора, Александра Альфредовича, продуманного специального толкования каждого вопроса в отдельности; толкования каждого вопроса в отдельности нашей реальной действительности с проникновением в глубину, со знанием полного объема с тщательной отработкой контура формы, горизонта с топографической точностью.

Почему я подчеркиваю действительность? Вымысел хорош только тогда, когда он стоит выше действительности. Тогда, когда он стоит ниже действительности,— это не вымысел, а чепуха. Соблюдай следующие правила: события знать так, как они происходили, но понимать по-нашему, по-советски, по-большевистски.

Наша реальная действительность — это правда. И описание действительности не является пороком, а неправильное толкование может явиться пороком вещи. Если можно будет так выразиться, наши органы цензуры, органы юстиции бьют не за то, что говорили правду, а за то, что ее толкуешь неправильно и не пропускают произведения не потому, что там написана правда, а потому, что там правда толкуется не по-нашему.

В наше время образы создаются не авторами, а войной, суровой и трагической обстановкой времени. Описать или показать так, как это было на самом деле, это не упрощенчество, а искусство художника-автора. Раскрытие смысла борьбы есть истинная задача художника, а люди этой безжалостной борьбы — материал. Их образы, их портреты — скульптурные изображения эпохи и народа, имеющие глубокий смысл на века, так как они, эти образы, созданы с учетом конкретных условий времени и обстановки.

Будет очень жаль, если они найдут только боковое отражение в оформляемых литературных документах, которые предполагают быть документами литературно-историческими и военно-биографическими, что налагает на автора большую ответственность. С сознанием этой

ответственности, с этими благими намерениями Бек приступил к повести «Панфиловцы».

Вчера некоторые товарищи говорили и будут еще говорить о недостатках второй повести. Мы знаем эти недостатки. Это недостатки первого времени войны. Это недостатки первых десяти дней старшего лейтенанта Баурджана Момыш-улы. Но мы никогда не были намерены приглаживать, приютюживать его, полировать, лакировать, применять врачебную косметику. Мы придерживались документальности в росте этого образа. Не придерживаясь документальности в росте образа чуждо нравам советского писателя, советского офицера. Это будет угрызением совести перед правдой. Мы никогда не хотели, чтобы его недостатки были его достоинствами, чтобы о нем говорили хуже, или лучше, чем он был тогда на самом деле. Старший лейтенант есть старший лейтенант, а не капитан. Капитан исправит ошибки и недостатки старшего лейтенанта.

Когда Шкловский упрекал старшего лейтенанта в нескромности, то он опоздал на целых три года. 28 октября 1941 года старший лейтенант упрекнул себя в полевой книжке.

Перевожу: Не похвались успехом, захмелев,
Ты львом не станешь, зарывая, как лев,
В кусты, как заяц, от врага не прячься,
Мудрей не станешь, дураков презрев.

Это старший лейтенант упрекал себя в нескромности, предписав быть скромным в дальнейшем.

Один товарищ здесь говорил, что часто повторяется «я, я, я!» Это также намек на нескромность. Старший лейтенант, когда стал командовать полком в декабре 1941 года, получил от себя второй упрек: «Не говори «это сделал я»,— это сделали тысячи, не говори «это сделали тысячи» — это сделали смелые, это сделал народ. Если бы я не был из тысячи, а смелые из народа, кто бы это совершил?»

Вчера один товарищ возмущался и бросил упрек Беку о «поэтизированном образе». Но старший лейтенант имел несчастье упрекать стихами.

До некоторой степени произведение Бека кажется некоторым примитивным своей правдивостью, и я даже слышал такие разговоры, что это слишком примитивно.

Хорошо, пусть будет примитивно. Но мы не имеем права лгать, ибо с темой мы связаны кровью. Правда окрестила нас темой войны. Правда соединила нас, правда благословила нас, правда божественна для нас. Она требует жертв и преклонения. Правда — толкователь истины. Мы преклоняемся перед правдой. На поле боя мы сражались за правду, жили и умирали. Что стоит жертва стилистическим приемом литературной формы перед жертвами на фронте? И Александр Альфредович совершенно прав, мне кажется, когда он нарушает ее ради того, чтобы не пострадала настоящая правда. Но если есть нужда в неправде, то найдутся люди, которые напишут ее, и поэтому упрекать его в этом, по-моему, не следует. Правда — секира, которая голову рубит, это секира лжи. И вот, исходя из этого, Беком было сказано: художник, настоящий советский писатель, повесть советская, советский читатель нуждаются в правде. И вот — подставь руку — отрублю. Это не в физическом смысле, и мне очень жаль, что Шкловский так узко это понимает. Не я отрублю, история отрубит тому, кто будет лгать. Литература отрубит ему голову, а не руку. Вот в каком смысле надо понимать этот клинок и руку. Если он подставил руку и сказал: «Рубите!» — это смелость автора. Если бы он не сказал этого, я не стал бы с ним работать. А Шкловский говорит: «Что за издевательство» — старший лейтенант вынимает клинок, подставляет руку и говорит: «Рубите».

Вы хотели посмеяться над Беком, а посмеялись сами над собой. Почему Александр Альфредович не расшифровал этого, я не знаю, я никогда не вмешивался в его литературные приемы.

В центре внимания сегодняшнего обсуждения стоит образ советского офицера. Над этим образом сегодня думают все творческие работники, думают солдаты, думают и сами офицеры. В этом вопросе поле боя Отечественной войны явилось для многих из нас серьезной школой. Война оказала нам услугу зеркала познания самих себя и других. Война явилась лабораторией образа на практических испытаниях, проверкой себя и других на личном опыте. Мы провели сотни экспериментов над собой и над другими на поле боя для того, чтобы понять образ советских людей, то есть понять самих себя, усидчиво приучая себя прежде всего к самоанализу, к самопознанию.

Так как командир прежде всего представитель государства, народа, мозг войск, организатор боя, творец победы, центральный столп в армии, вокруг которого все кружится, как планеты вокруг солнца, человек творческого ума и действия,— его образ многогранен, сложен, как тончайший механизм. Поэтому в литературе он, советский офицер, должен быть показан прежде всего интеллектуальным героем, а не героем перед Сашей и Машей. Любовная история не делает его образ объемным. Нас часто упрекают, почему нет любовной истории. Может быть, уместно ее включать, но ударяться в это нельзя. Мы не можем сказать, что на сегодня нам удалось разрешить этот вопрос, как и не можем сказать, что все мнения, все попытки объединены в единое русло, найден один взгляд. Нет, на сегодняшний день он не найден. Образ советского офицера, его объемность, его полнота продолжают оставаться и на сегодняшний день открытой проблемой.

Я — один из записывающих фронтовиков. На фронте существует разрозненная группа, так называемых, фронтовиков, которые не имеют в кармане билета Союза писателей. Я думаю, что это целая армия нового поколения писателей. Они сейчас не владеют искусством нанизывания концом стального пера художественным словом событий. Кожаным языком воина они пишут то, что видели, чему были свидетелями. Некоторых из них убивают, некоторых калечат, некоторые продолжают жить. Один из моих товарищей, записывающих фронтовиков, Герой Советского Союза Габдуллин, присутствующий здесь. Он исписал около 10 общих тетрадей. Когда кончится война, начнется война на литературном фронте, сейчас ее там нет. То, что вы считали войной,— это маленькие стычки. Может быть, это будет через пять лет, через десять — этого я не знаю. Но знаю, что после войны появятся новые люди, новые писатели. Я и мои товарищи, которые предоставляют свои записи в распоряжение товарищей, выступают перед вами,— мы разведчики этой армии. Нам приказано вести разведку боем, а не наблюдением, не сидением в засаде...

Может быть, это слишком нахально, но разведчикам прощается нахальство.

О чем мы пишем? Мы думаем о себе, о советском офицере, о советском человеке, о войне. Не очень

удачно, но все-таки пишем, все-таки думаем. Мы пишем между боями, под диктовку пушек, под диктовку военного быта и службы о результатах личного опыта, личных наблюдений. Стараемся обобщить и сделать выводы из проведенных боев, фронтового быта и службы.

Личный опыт, конечно, великое дело. Он оставляет глубокие извилины в мозгу пережившего, но все же он остается узким опытом, не всеобъемлющим, не всесторонним и не безукоризненным. Утверждать, что нами пишется или мною, в частности, записано все правильно, было бы, конечно, жестокой переоценкой человеческих способностей. Если мне позволите, я прочту вам некоторые отрывки из своей полевой книжки для того, чтобы проверить себя перед друзьями, и чтобы воспользоваться вашей помощью, разобраться в истине правильного толкования, не претендуя на поучение, а в порядке обмена мнениями.

Я не намерен читать какое-то художественное произведение, а намерен говорить по существу темы. Вчера докладчик взял образ офицера совершенно в отрыве. Недавно я имел беседу с одним казахом-писателем, который собирается написать роман под названием «Комиссар». Я задал ему такие вопросы:

- Вы знаете, что такое война?
- Не знаю.
- Вы знаете, что такое бой?
- Не знаю.
- Вы знаете, что такое солдат, командир?
- Не знаю.
- У Вас комиссар не выйдет и не беритесь писать.

В связи с образом офицера не надо упускать из вида те вопросы, без которых офицер не может быть офицером, без которых он не может жить и ему нечего называться офицером. Это — чувство долга. Мы много говорим о долге, у каждого свое понятие о нем.

А теперь я отвечу Дайреджиеву. Я Печорина читал лет 12 тому назад, когда очень плохо владел русским языком. Насколько мне помнится, Печорин это талантливый неудачник, который отгораживался от государства. При чем тут Печорин? Я старшего лейтенанта Момыш-улы не считаю неудачником, не считаю замкнувшимся в себе от государства, я считаю его представи-

телем государства. Я не считаю его неудачником перед народом и государством, перед его солдатами. Наконец, перед немцами, так как он провел несколько удачных боев. Поэтому сопоставление с Печориным неверно. Печоринское время к тому же было одно, а у нас другое.

Товарищ Дайреджиев говорит о бесчеловечности в отношении 60 беглецов. Жаль, что тогда не было Дайреджиева, чтобы проконсультироваться, как с ними поступить. Но я рад и счастлив, что Дайреджиев не был тогда у меня комиссаром, он бы этого не позволил. Я говорил о жестокости и необходимости, и этот случай частично является ошибкой старшего лейтенанта, но частично это была необходимость. Я только отчасти согласен, что это была ошибка старшего лейтенанта. Но старший лейтенант не отступил, а повел их в бой, испытал их и самого себя.

За десять дней боев мы, конечно, не можем судить старшего лейтенанта в полном объеме.

Впереди третья и четвертая повести, где будет полностью по нашим возможностям развернут образ советских воинов, советских людей. Надеюсь без всяких прикрас, литературного увлеченчества, а так, как они были на самом деле в эти дни боев под Москвой. Центральными темами будущих книг (продолжение обсуждаемой части «Волоколамское шоссе») будут советские люди, советский человек в бою за свою Родину, за Москву, дружба, братство и советский патриотизм. Многое нами еще не сказано, многое еще впереди. Вот почему я считаю сегодняшнее обсуждение преждевременным.

Долг честности перед читателями-соотечественниками и советской литературой меня обязывает говорить так жестоко и беспощадно о двух книгах, к которым я имею непосредственное отношение.

Было бы нечестно, как с моей, так и со стороны Бека, порхать на крыльях высказанной здесь некоторыми товарищами далеко не заслуженной, неглубокой хвалы.

Очень грустно, что за четыре года войны советские литераторы не сумели создать вещь на тему войны, в плане большого художественного полотна (повесть-роман). И на сегодня, к сожалению, даже противники этих двух вещей вынуждены были заключать в своих речах,

что они лучше этого не читали, что не дает права назвать их единственной вещью в советской литературе, отражающей бой и его психологию, советского человека в бою, образ советского офицера во всей его глубине и значимость этой темы.

Вот почему я так долго останавливался на общих вопросах — образе советского офицера, каким он должен быть, и на его приводных ремнях, без которых он не может быть.

**„ПОБЕДА НЕ
ПРИХОДИТ САМА“**

СЛОВО, ЗОВУЩЕЕ В БОЙ*

I

Когда на нашу страну, строящую новое социалистическое общество, вероломно напала фашистская Германия, весь наш многонациональный советский народ поднялся на Великую Отечественную войну.

Генерал Иван Васильевич Панфилов был назначен командиром 316-й стрелковой дивизии, формирующейся в окрестностях города Алма-Аты из сынов Казахстана и Киргизии, таких же простых рабочих, служащих, колхозников, как и вы, в большинстве не бывших на военной службе людей.

— Наша дивизия будет вроде ополченческой. Она формируется сверх плана,— говорил тогда генерал Панфилов.

— На новенькое рассчитывать нечего и требовать не станем.

Как истинный военачальник, высококультурный командир, генерал Иван Васильевич Панфилов с первого же дня формирования дивизии внедрял в частях и подразделениях организованность, воинский порядок, железную дисциплину и боевую выучку. Воспитывал в личном составе соединения передовые боевые качества, моральную и боевую стойкость, целеустремленность и упорство в работе, в учебе и в военном быту. Дал полный разворот умственным и физическим способностям своим и подвластному ему начальствующему составу, организуя работу и учебу на конкретно реальных расчётах и планах, нужных для боевых действий.

В кратчайший срок генерал добился полной боего-

* Тезисы доклада на торжественном собрании, посвященном второй годовщине 8-й гвардейской стрелковой дивизии. 25.07.43.

товности и боеспособности вверенной дивизии и по приказу Ставки Верховного Главнокомандования отправился на фронт.

В прифронтовой полосе, в дремучих лесах, вязких, покрытых мхом болотах, в побережьях мелких многочисленных озер, на берегу желтоводной реки Мста, генерал еще энергичнее и плотнее занялся практическим обучением войск к ведению боя в условиях лесисто-болотистой местности.

— Мы, южане, — степной народ, — говорил генерал. — Нам нужно как можно быстрее научиться не только ходить, но и воевать в лесу, в болоте. Времени маловато, торопиться надо, привыкать и осваивать.

Он очень часто посещал подразделения, присутствовал на учениях, проверял, учил, на месте поправлял, давая советы и указания командирам. Ориентировал в обстановке, вводил в курс событий, убедительно разъяснял, почему нужно делать так, а не иначе и, как правило, в конце спрашивал, пристально глядя своими большими черными глазами:

— Вы меня поняли?

Генерал был строгим, справедливым, расчетливым командиром, для него реальность была прежде всего. Вместе с тем он был простым и пламенным пропагандистом, глашатаем возвышенной цели, благороднейшей задачи Отечественной войны, он воспитывал у бойцов передовые боевые качества, стойкость и внедрял веру в нашу победу. Бойцы его хорошо понимали: он как бы гвоздем вбивал каждое слово в солдатское сознание и, как истинный полководец, хорошо знал и понимал бойцов. Панфилов говорил просто и правдиво, не кормил бойцов сладкими обещаниями.

Однажды Иван Васильевич посетил мой батальон. Моросил дождь, были перебои с продовольствием, работали и занимались много. Остановившись у дневального, приветствовавшего его по-ефрейторски на караул, спросил воина:

— Как живешь, солдат? — заметив обидное смущение дневального на слово «солдат», тут же добавил: — Солдат — великое слово, мы все солдаты. Ну, расскажи, как живешь?

— Хорошо, товарищ генерал, — ответил бойко дневальный.

— Как живут? — обратился генерал ко мне.

— Плохо, товарищ генерал... — Он не дал мне договорить, сказал, обращаясь к дневальному:

— Правильно ваш командир говорит, плохо живем, разве во время войны хорошо живут?

— Хорошо живем, товарищ генерал, — настаивал дневальный.

— Нет, плохо! — убеждал генерал, — плохо живем. Разве хорошо, когда третий день без соли? Разве хорошо, когда второй день без мяса? Разве хорошо, когда в супе крупа крупинку догоняет? Разве хорошо, когда целую неделю махорки нет? Разве хорошо, когда ботинки каши просят? (Дневальный засмеялся). Плохо, конечно, плохо, — продолжал генерал, — на войне, брат, хорошего мало, на то и война. Но хорошо то, что мы солдаты, и наши предки умели перенести все трудности, побеждая тяготы и лишения боевой жизни, громили врага. Бороться с холодом, голодом, лишениями — это тоже война, тоже бой, требующий не меньше отваги, чем в рукопашном бою.

— Виноват, товарищ генерал, я просто не подумал, — сказал дневальный.

— Думать надо, солдат тоже с умом должен воевать, — смеясь, генерал похлопал дневального по плечу.

Мы пошли дальше.

— Тяжела солдатская жизнь, — сказал генерал, обращаясь ко мне, — слов нет, тяжела, нужно солдату всегда говорить правду, а если он врет, то тут-же надо его поправить, открыть ему глаза... Еще трудности впереди...

II

Да, трудности были впереди.

В первых числах октября 1941 года дивизия, войдя в состав 16-й армии, заняла оборону на весьма широком фронте под городом Волоколамском, на одном из направлений, куда противник наносил один из главных ударов, пытаясь сомкнуть клещи вокруг сердца нашей страны — Москвы, прорвав линию нашей обороны на линии Вязьма — Ржев.

Но это была не позиционная, а маневренная оборона, основной задачей которой являлось перемалывание живой силы и техники противника на подступах к Москве.

316-я стрелковая дивизия под командованием генерала Панфилова приняла на себя всю тяжесть ударной группы врага в этом направлении. Фашисты напрягали все силы, чтобы прорваться к столице, но всегда встречали упорное сопротивление в сочетании с контрударами панфиловцев, разбивались, как волны о каменную стену, о стойкость, решительность и огонь нашего боевого порядка.

Искусным маневром и огнем дивизия не только сдерживала натиск врага, но и наносила ему тяжелый урон в живой силе и технике, борясь одна против пяти до зубов вооруженных фашистских дивизий.

В этих неравных боях 316-я истребила более 30 тысяч вражеских солдат и офицеров и более 150 танков. Личный состав в этих боях показал образцы массового героизма.

Достаточно вспомнить подвиг бессмертных 28 героев с 50-ю бронированными чудовищами в районе железнодорожного разъезда Дубосеково.

В этот же день и на других участках бойцы и командиры проявляли массовый героизм — 28—были не единственным случаем в нашей дивизии, как, например, 17 бесстрашных в районе деревни Мыканино, 11 саперов вели бои в деревне Строково; 80 стрелков, окруженных батальоном вражеской пехоты и восемью танками в районе высоты 231,5 смело контратаковали противника и т.д. и т.п. факты проявления массового героизма.

В тяжелые для нас октябрьские и ноябрьские дни подмосковной обороны немцы не очень вежливо отзывались о действиях нашей дивизии. Встречая наше упорное сопротивление и стойкость от Рузы до станции Крюково на протяжении двух с половиной месяцев непрерывных боев, они называли нашу дивизию «дикой дивизией», гневно произносили: «Опять эта проклятая восьмая».

Бессильный гнев врага, его возмущение, вызванные нашим действием, безусловно, являются хвалой воинской доблести и отваги наших бойцов и командиров, вырванной из уст врага.

За боевые подвиги, организованность, железную воинскую дисциплину, стойкость и упорство, примерный боевой порядок Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии 17 ноября 1941 года преобразовала

316-ю стрелковую дивизию в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил дивизию и ее мужественного командира генерал-майора Панфилова орденами Красного Знамени. В семидневном сражении под станцией Крюково в 30 километрах от Москвы наша дивизия вместе с другими частями сдерживала натиск немцев и, круто поворачивая историю, отбросила врага на запад, до берегов подмосковной реки Истры.

18 ноября 1941 года погиб народный герой, легендарный командир дивизии генерал-майор Иван Васильевич Панфилов.

Наш народ и Красная Армия потеряли одного из лучших полководцев, а бойцы и командиры дивизии — боевого командира и отца. Велика была наша скорбь. Но мы в руках еще крепче держали оружие, ряды смыкались еще плотнее, с честью выполняли боевую задачу, истребляя фашистскую гадину. Враг не прошел к родной Москве, нашел себе могилу в подмосковной земле от наших пуль, штыков, гранат, снарядов.

Основные силы врага, наступающие на Москву, были разгромлены и отброшены на запад на сотни километров.

Весть о славных боевых делах дивизии облетела всю страну.

В феврале 1942 года дивизия под командованием генерал-майора Чистякова в составе 2-го гвардейского стрелкового корпуса прорывает фронт в районе южнее озера Ильмень и, действуя в глубоком тылу противника на протяжении 230 километров в условиях суровой зимы Калининской и Ленинградской областей, с честью выполняют поставленную командованием задачу: соединяет Северо-Западный и Калининский фронты, оставляя Демьянскую группировку противника в окружении.

В этих боях дивизия уничтожила свыше 10 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила и уничтожила более 20 танков, свыше 10 тысяч автомашин, много орудий и боеприпасов; от ига немецких захватчиков были освобождены десятки населенных пунктов, сотни тысяч граждан Советской страны.

За образцовое выполнение поставленной задачи в зимнюю кампанию 1942 года наша дивизия удостоивается высокой награды — ордена Ленина.

III

19/1073/ гвардейский стрелковый полк с самого начала формирования дивизии вошел в нее как головной полк. Был он сформирован в казачьей станице Талгар Алма-Атинской области 15 июля 1941 года.

31 июля 1941 года весь личный состав полка принял военную присягу и вошел в славную семью Красной Армии, как боевая тактическая единица.

За короткое время на месте формирования весь личный состав прошел боевую выучку и был сколочен как боеспособная часть.

За организованность, порядок и хорошую учебу, достигнутые в результате добросовестной работы над собой всего личного состава генерал Панфилов назвал наш полк Талгарским. С этим именем полк вступил в бой с оккупантами.

Подробно рассказать о боевых делах полка, о подвигах славных героев за один час невозможно, невозможно это сделать и за неделю. Я остановлюсь очень кратко только лишь на нескольких основных боевых действиях полка.

В первых числах сентября 1941 года наш полк занимает первый рубеж обороны на весьма широком фронте Высоково — Новиково — Татаринки — Козлово далее на юг по восточному берегу речки Руза — Сипуново. До 18 октября личный состав полка занимается усовершенствованием и укреплением оборонительного рубежа на этом фронте.

В эти же дни разведывательный отряд 1-го стрелкового батальона нашего полка под командованием лейтенанта Рахимова и младшего политрука Жалмухамеда Божжанова совершил смелый ночной налет на крупный населенный пункт Середа, занятый противником, где уничтожает до сотни вражеских солдат и офицеров, 15 автомашин, взрывает мост дороги, идущей на север в Шаховскую, минировать дорогу, идущую на Дор-Максимово, захватывает в плен унтер-офицера, трофеи и ценные документы.

Выполнив поставленную задачу, отряд возвращается на рубеж обороны. Это было первым боевым крещением в истории нашего полка, где впервые наши бойцы

видели бегущих перед ними немцев, слышали, как они вопили. Бойцы, испробовав их шкуру пулей и штыком, убедились, что фашисты не драконы, а такие же люди, как и мы.

Этот маленький первый бой имел большое значение в дальнейших боевых действиях нашего полка, как гласит казахская народная поговорка: «Враг страшен до первой встречи, пока не испробуешь вкус его крови».

Батальон капитана Лысенко вел трехдневные бои в окружении полком немецкой пехоты с 60 танками.

21 октября 1941 года 9 стрелковая рота во главе с лейтенантом Гариповым смело контратаковала танковую колонну врага противотанковыми гранатами. В результате этого неравного боя против 60 бронированных чудовищ рота вывела из строя 20 вражеских машин. Лейтенант Гарипов погиб смертью храбрых.

Вследствие этого боя, немцы вынуждены были задержаться в районе Осташево на двое суток. В этот же день боевое охранение 1-го стрелкового батальона в составе одного отделения в деревне Житаха-Кусакино вело трехчасовой бой против двух авангардных батальонов врага, вынудило их преждевременно развернуться и вести наступление впуская далеко за передним краем нашей обороны. Лейтенант Донских, получив 9 ранений, старший сержант Волков 7 ранений, не уходя с поля боя, продолжают управлять огнем своих групп. И лишь после получения приказа они отходят на рубеж.

22 октября 1941 года после восьми часов артподготовки противнику силою двух пехотных полков удастся прорвать линию нашей обороны в районе Красная Гора, развивая успех в направлении Лукьяново — Новошуринно — Новлянское и с юго-востока села Осташево на Васильево, оставляя 1-й стрелковый батальон в окружении, отрезав пути подвоза 2-му стрелковому батальону. Одновременно до полка пехоты с танками прорывают линию обороны 3-го стрелкового батальона в районе Бухлово и развивают успех в направлении Бели — Шибаново.

24 октября 1941 года 1-й стрелковый батальон в районе отметки 220,2—218,4—Ивановское снова попадает в окружение. На рассвете 25 октября он прорывает вражеское кольцо и на следующий день прибывает в

деревню Возмице в составе 690 человек, 18 артупряжек, 30 повозок.

Ведя упорные бои на промежуточных рубежах, полк занимает оборону на рубеже Мыканино — Ядрово — Возьмыша.

Имея большие потери в боях до Волоколамска, противник был вынужден тоже занять оборону для перегруппировки и подтягивания свежих сил.

Сконцентрировав свежие силы, 16 ноября 1941 года противник перешел в наступление. 17 ноября, прорвав фронт на участке левого соседа, вышел в тыл 2-й и 3-й стрелковым батальонам, развивая успех в направлении Ядрово — Рождествено, тем самым оставляя 2-й стрелковый батальон в полуокружении.

17 ноября 1941 года является днем наиболее яркого проявления в полку массового героизма. 17 бесстрашных во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым в районе деревни Мыканино вступают в бой с 20-ю танками противника, подбивают 4 машины, остальные бегут от гранат бесстрашных стрелков.

20 стрелков во главе с отважным младшим лейтенантом Исламкуловым и лейтенантом Огуреевым в тылу 2-го стрелкового батальона массовым ружейным залповым огнем отражают атаку вражеского батальона.

120 стрелков под командой лейтенанта Ефима Филимонова в районе станции Матренино бросаются в контратаку против 500—600 солдат и офицеров. Пулей и штыком уничтожают до 300 фашистов, в том числе командира батальона — капитана, захватывают пленных, штаб батальона с документами, много трофеев. Немцев отгоняют на полтора-два километра.

80 стрелков под командой младшего лейтенанта Семена Краева в районе высоты 235,1, окруженные до четырех сотен немцами и восемью танками, бросаются в контратаку, обращают врага в бегство, уничтожают более 150 солдат, захватывают 3 танка, 4 станковых пулемета, одно 75 мм орудие с ящиком зарядов, трактором-тягачом, штабную машину с документами и двумя радиостанциями.

Генерал Панфилов тут же давал должную оценку боевым действиям наших подразделений. Когда я ему докладывал по телефону, он говорил:

— Передайте спасибо за службу вашим мужественным бойцам и командирам. Действуйте. Желаю успеха.

С 26 ноября 200 гвардейцев во главе с лейтенантом Исламкуловым и старшим лейтенантом Жуковым в деревне Соколово (Московская область) четверо суток вели мужественную борьбу с трижды превосходящими силами противника, четырежды отбрасывая неприятельских солдат и танки смелой и дерзкой контратакой. И лишь на четвертый день после пяти заходов 30 вражеских самолетов, интенсивно-комбинированной артиллерийской подготовки, силою одного танкового батальона и полка пехоты врагу удается сломить сопротивление обороняющихся.

С 30 ноября по 8 декабря 1941 года полк ведет упорные бои за Крюково. В тесном взаимодействии с другими частями дивизии полк переходит в контрнаступление, освобождает Крюково, захватывает много трофеев, в том числе 18 танков и преследует противника до Истры.

Всего под Москвой воины полка уничтожили до 10 тысяч оккупантов.

В суровых зимних условиях, прокладывая путь по глубокоснежной целине, в дремучих лесах Ленинградской и Калининской областей, полк совершает длительные и трудные марши, переходы в авангарде дивизии.

Мощным ударом полк прорывает фронт, ломая упорные сопротивления противника, действуя в его глубоко тылу, освобождает 83 населенных пункта, истребляет свыше 5 тысяч оккупантов, захватывает пленных и много трофеев, в том числе 80 различных автомашин, 29 орудий разного калибра, 6 минометов, 12 станковых и 28 ручных пулеметов, 7 радиостанций, вооружение, боеприпасы, военное снаряжение и имущество.

Бойцы и командиры, воспитанные на славных традициях полка, в ходе боевых действий показали высокую политико-моральную стойкость, наступательный порыв, физическую выносливость, мужество, проявляли все эти качества не только в борьбе с оккупантами, но и в борьбе с холодом, голодом и другими трудностями и лишениями, как гвардейцы 3-го стрелкового батальона за деревню Соколово, 16 бесстрашных во главе с военфельдшером Трофимовым под деревней Хворощино и другие.

Задача, поставленная командованием Северо-Западного фронта, соединиться с Калининским фронтом, полком была выполнена с честью и в срок.

Занимая активную оборону на рубеже отметки 73,1—Кобляки в условиях половодья, непроходимых болот, в исключительном затруднении со снабжением продовольствием и фуражом, боеприпасами, полк не уступал ни одного метра советской земли яростно наступающему противнику, отбивал до сотни атак превосходящего в силе противника.

На этом рубеже личный состав полка прошел суровую школу современного боя, так называемую воинами полка, Коблякскую академию. В тех боях воины уничтожили 2600 оккупантов, 22 пулеметных ДЗОТа, 13 артиллерийских и минометных батарей разного калибра, 6 автоматических пушек, 10 танков, 4 самолета, 55 автомашин и другую технику.

В этой весенней операции личный состав полка дрался героически. Так, орудийный расчет лейтенанта Тоймаса вступил в артиллерийскую дуэль прямой наводкой против трех вражеских орудий и вышел победителем. Воины старшего лейтенанта Малурчука дважды побывали в тылу врага, нанося ему ощутимый урон.

За два года полк уничтожил свыше 18 тысяч вражеских солдат и офицеров, освободил 84 населенных пункта, захватил и уничтожил 58 танков, 180 автомашин, 26 орудий разных калибров, 137 пулеметов, 40 минометов, 13 самолетов и много другого военимущества и вооружения.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и отвагу 590 воинов были награждены правительственными наградами: орденом Ленина — 4 человека, орденом Красного Знамени — 39, орденом Отечественной войны — 2, орденом Красной Звезды — 68, медалью «За отвагу» — 317, медалью «За боевые заслуги» — 157, орденом «Красное Знамя» (МНР) — 2, медалью «За отвагу» (МНР) — 1.

За боевые заслуги наш полк был удостоен Почетного Красного Знамени Монгольской Народной Республики, которое я принял от Президента МНР Бума-Ценде 13 декабря 1942 года.

За два года войны в своих рядах мы недосчитались многих боевых товарищей.

Велика наша скорбь о павших героях. Их образы живут в наших сердцах. Они заслужили нашу любовь,

наш поклон своим героизмом и великой любовью к Родине. Мы не стыдились и не стыдимся своих слез, но гнев и ненависть к заклятому врагу осушили наши глаза, и мы снова и снова шли в бой, чтобы сметать с лица земли фашизм.

МЫ ОТОМСТИМ МЕЧОМ И ОГНЕМ!

Солдат на фронте переживает тяжкие испытания, страдания и лишения. Но солдат на фронте, как никто другой, испытывает радость победы над врагом.

Существуют и другие радости на свете: радость материнства — возрождения и продолжения рода человеческого и радость любви. Этим двум основам жизни противостоит смерть. Все эти три чувства у литераторов носят название «вечной темы». Вот почему радость победы превышает остальных радостей человека.

Победа не приходит сама. Она складывается из постоянной боеготовности каждого бойца. Боеспособность же определяется личной дисциплинированностью, безукоризненным порядком в личном хозяйстве, соблюдением всех правил военного времени, отличным знанием ручного ему оружия и умелым применением его в бою для истребления врага, меткостью в стрельбе, безотказностью, в работе, сноровкой в действиях штыком, прикладом и гранатой, умением маневрировать огнем и движением, взаимодействуя с боевым товарищем-соседом, стремительно действуя в составе своего отделения, с судьбой которого неразрывно связана личная судьба каждого.

Постоянно исправное оружие, подогнанное снаряжение в походе, крепкий и удобный для боевой работы окоп, благоустроенный блиндаж-убежище создают благоприятные условия для боевой работы и отдыха, обеспечивают безопасность личной жизни каждому воину и его родной боевой семье — отделению, взводу, роте и т. д.

Советский народ овеял нас славой за наши боевые дела не для того, чтобы мы зазнались, а для того, чтобы мы стали еще бодрее и совершали еще больше подвигов, приумножили славу свою. Мы не должны злоупотреблять хвалой народа, не нарушать нужные народу порядок и строгую дисциплину, а, скромно приняв

благодарности народа, вести себя серьезно, по-деловому, повседневно, ежечасно учиться и учиться военному делу, наводить порядок везде и всюду, ибо без него невозможны ни стойкая оборона, ни успешная атака.

Нас называют панфиловцами Талгарского полка. Это название стало традиционным, выражающим славные боевые дела бойцов и командиров полка, завоевавших кровью гвардейскую славу; оно стало нарицательным именем в учебе, в быту и в бою всего личного состава. Под словом талгарец подразумевают настоящего гвардейца, пережившего все невзгоды похода и боевой жизни, радости подвига, радости победы. Воины производят его с гордостью и прилагают все свои силы и способности еще выше поднять честь и славу родного его сердцу полка в учебе, в быту и в бою.

Нам нужно еще многому научиться, мы не имеем права успокоиться на достигнутом. Мы должны упорной учебой овладевать и овладевать вершиной военного искусства от рядового до командира, повседневно повышать квалификацию наступательного боя, стать мастерами своего дела для того, чтобы там, где мы будем наступать, враг не устоял, а где будем обороняться, враг не прошел.

Сражаясь, мы должны учиться и закаляться, мужать и всегда быть на высоте, не посрамить нашу гвардейскую честь и высоко нести наше гвардейское знамя на поле боя сквозь дым и огонь до окончательной победы над врагом.

ГДЕ ПОРЯДОК — ТАМ УСПЕХ*

8 мая 1945 года Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков победоносно была завершена. Гитлеровская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

Германские империалисты, мечтавшие о покорении нашего народа, о завоевании всего мира, повержены в прах. Дымящие развалины Берлина символизируют крушение и гибель фашистской третьей империи.

Окончилась тяжелая и кровопролитная борьба, ко-

* Речь на собрании партактива 20.05.45.

торую вели народы нашей страны, защищая свою Родину, спасая культуру и цивилизацию от фашистской чумы. В этой войне гитлеровская Германия оказалась сильным, коварным и опытным противником, чем Германия во всех предыдущих войнах.

Но советский народ, встав на защиту своей Родины, отстоял завоевания Октябрьской революции, провозгласившей в нашей стране Советскую власть — власть трудящихся.

В этой великой битве за независимость Родины наша дивизия, ее солдаты, сержанты и офицеры вложили свою долю, принимая активное участие во всех боях непосредственно на передовых позициях, в борьбе с врагом доказали кровью глубокую любовь и преданность своей Родине, своими ратными боевыми делами, отвагой и проявлением во многих боях массового героизма. Дивизия принимала участие в боях под Москвой, за Истру, за Сталинград, за Великие Луки, Новосокольники, за Духовщину, за Смоленск и, наконец, завершила войну в рядах передовых соединений на Курляндском полуострове, вынудив врага сложить оружие.

За весь период Отечественной войны дивизия уничтожила 98 750 солдат и офицеров, 44 самолета, 470 танков и самоходных орудий, 279 орудий разного калибра, 262 миномета, 780 пулеметов, 850 солдат и офицеров захвачено в плен.

18-я и 31-я гвардейские стрелковые полки награждены орденами Красного Знамени, а 22 — орденом Ленина.

Высоких правительственных наград удостоены 13 404 бойца и офицера, в том числе пяти воинам присвоены звание Героя Советского Союза.

Под руководством партии советский народ приступил к заживлению тяжелых ран, нанесенных врагом. Наша Родина будет еще более прекрасной и могущественной.

Но партия большевиков учит нас: не зазнаваться, не успокаиваться, не предаваться благодушию. Нужно понять всем, что сложные проблемы послевоенного мира и отношений между странами требуют, чтобы Красная Армия была вооружена, как сила, способная обеспечить разрешение всех жизненно важных вопросов для нашего государства.

Особенно нам, воинам-гвардейцам, находившимся

в недавно освобожденной Прибалтике, необходимо помнить, что еще на днях здесь, в Курляндии, орудовал злобный и коварный враг, вымуштрованный кадровый гитлеровской армии.

Думать о том, что враги все до одного покорно сдадутся и не будут пытаться вести борьбу, значит утратить всякое подобие бдительности.

Враг хитер и опытен в обмане, он несомненно оставил своих лакеев, агентов, диверсантов, провокаторов по лесам, хуторам, городам и селам с задачей — вредить нам всюду, везде и во всем.

Отсюда наша первоочередная задача — поддерживать и развивать бдительность у всех и во всем, везде и всюду.

Вот почему нельзя рассуждать так: мол, война кончилась, можно почивать на лаврах, можно не учиться. Нельзя думать, что мы прошли суровую школу войны, значит теперь мы все знаем, все умеем, главная задача разрешена, теперь можно сделать передышку.

Конечно, раз мы победили одного коварного и сильного противника, значит, солдаты и офицеры нашей армии являются образцом дисциплинированности, организованности. Значит, наша армия стала кадровой в настоящем смысле этого слова. Тем более это относится к нашей гвардейской армии, к отборному войску нашей страны.

Кадровый гвардеец-воин должен воплощать в себе все лучшие и передовые качества советского солдата: смелость и отвагу в бою, воспитанность в обращении, дисциплинированность во всем. Все это нужно помнить, понимать и проводить в жизнь. Нам не присущи зазнайство, самодовольство, и мы не кичимся победой. Мы должны со скромностью большевика гордиться ею, как нашим творением.

Мы сейчас должны думать о том, как быть достойными этой Великой Победы, как глубоко осознать и впитать в себя все величие, одержанное победой, всю красоту и тяжесть наших подвигов на поле брани.

Сейчас после успешного завершения разгрома гитлеровских полчищ, как в Курляндии, так и на всех фронтах Отечественной войны, необходимо привести себя в порядок, установить и строго выполнять расписание занятий и распорядок дня. Все это мы должны

воспринять как должное, как завоеванное нашей кровью.

Дисциплина, организованность, подтянутость, точное следование всем расписаниям — вот, что всегда должно быть присуще гвардейцам, прошедшим все невзгоды, лишения и тяготы боевой жизни. В этом долг и святая обязанность каждого из нас.

Во всем поведении солдата и офицера, на каждом шагу, в каждом деле нельзя забывать, что мы из первых, кто сломил хребет фашистскому зверю, а это значит, что мы самые честные, самые благородные воины, что советский народ, дающий своей армии все необходимое, и в дальнейшем видел бы в нашем лице достойных воинов, способных отстоять свою страну от любого врага, гордо носить имя воина-победителя.

Могущество Красной Армии будет крепнуть изо дня в день в том случае, если каждый боец и офицер будут заботиться о повышении своих военных и политических знаний, расти в культурном отношении, усердно заниматься самообразованием со страстью самого прилежного и усидчивого ученика.

Перед нами сейчас стоит большая и почетная задача: как и во время войны, когда коммунисты всемерно помогали командиру выполнять боевой приказ, так и сейчас, они призваны обеспечить высокий по качеству уровень военной учебы.

Всю работу партийных и комсомольских организаций нужно подчинить решению этой главной задачи по принципу — все для военной учебы.

Чтобы воспитывать и учить других, нужно знать и понимать много самому. Поэтому руководящие работники, прежде чем идти в подразделение, обязаны сами не только знать, чем будут заниматься бойцы и офицеры, но и заранее изучить самому тему занятий, уметь делать и показывать лично, если в этом будет необходимость. Таковы требования сегодняшнего дня.

Большую помощь командиру в воспитании личного состава, в организации учебы, поддержании порядка и дисциплины должны оказать коммунисты, комсомольцы, идя в авангарде красноармейских масс, должны служить им достойным примером, совершенствовать боевое мастерство и глубоко осмысливать накопленный опыт за

годы войны. В этом теперь состоит задача партийных и комсомольских организаций.

Сегодня впервые после окончания военных действий в мирной обстановке мы проводим партийный актив частей и подразделений нашей дивизии. Цель собрания состоит прежде всего в том, чтобы сами активисты и агитаторы глубоко осознали предстоящие задачи, о которых я только что говорил.

Внутренняя жизнь подразделений должна быть организована так, чтобы во всем чувствовался твердый порядок, чтобы каждый час осмысленно и с толком использовался на военную учебу: на воспитание, обучение и отработку солдатской красоты во всех звеньях, во всех родах оружия нашего соединения.

Такого порядка можно добиться лишь в том случае, если коммунисты, и в первую очередь партийный актив, поймут, что учиться сейчас, это значит выполнять свой воинский долг, крепить военное могущество Советского государства. Следовательно, первой задачей участников собрания должно быть обсуждение мероприятий, обеспечивающих планомерную учебу, высокую организованность и порядок, построенный в соответствии с требованиями наших уставов и наставлений, приказов и приказаний командиров.

Наряду с активным участием в проведении всех мероприятий командования по налаживанию военной учебы и дисциплины, партийный актив не должен забывать и о своем дальнейшем росте, я имею в виду повышение знаний.

В условиях непрерывных и жестоких боев с противником актив партийной организации в своем большинстве имел ограниченные возможности для теоретической учебы. Теперь открылись большие возможности как для индивидуального самообразования, так и для занятий в школах партийного актива.

Культурно-массовую работу в частях нам надо поднять на новый уровень. Партийный актив должен быть инициатором в организации разучивания песен армейской художественной самодеятельности, физкультуры и спорта, культурного отдыха и быта наших бойцов и офицеров.

Исходя из вышеизложенного, конкретными и первоочередными задачами партийной организации считаю:

1. Перестроить партийно-политическую работу в соответствии с требованиями послевоенной обстановки, решительно улучшив качество агитационно-пропагандистской работы среди личного состава.

2. Мобилизовать весь личный состав на должную боевую, политическую работу, на безукоризненно точное выполнение святого обязательства воина, предусмотренные военной присягой.

3. Коммунистам показывать образцовый пример, высокую воинскую организованность, дисциплину, подтянутость и опрятность воинского вида.

4. Постоянно помнить и строить свою работу с сознанием чувства ответственности за воинское воспитание своего личного состава. Исключить всякие возможности недостойного поведения со стороны отдельных военнослужащих (чрезвычайных происшествий), повседневно укреплять политико-моральное состояние частей и спецподразделений, воспитывать у всего личного состава чувство гвардейской гордости и любви к своему подразделению и части, как к родной боевой семье.

5. Обратит особое внимание на поднятие революционной бдительности и военной осторожности у всего личного состава. Исключить и предупредить всякие возможности малейшего нарушения несения караульной и гарнизонной службы, памятуя, что должный внутренний порядок является краеугольным камнем поддержания воинской дисциплины.

6. Улучшить качество работы с офицерским составом, положив в основу этого изучение опыта Отечественной войны, повышение культуры в работе офицера, внедрив в сознание понятие офицерской чести и достоинства.

7. Повести решительную борьбу с отпускными и демобилизационными настроениями, высокомерным отношением к боевой и политической учебе. Партийным бюро привлекать к строгой партийной ответственности коммунистов, допускающих недисциплинированность, зазнайство, самодовольство, высокомерие и не работающих над повышением своих военно-политических знаний.

8. Коренным образом улучшить воспитательную работу среди коммунистов и кандидатов в члены КПСС, оказать всемерную помощь в повышении теоретических знаний и бороться за высокое качество самообразования

и работы над собой отдельных коммунистов и организованной партийной школы, обратив особое внимание на высококачественное освоение теоретических основ марксизма-ленинизма, как фундамент реалистического мировоззрения и воспитания масс.

9. Коренным образом улучшить работу первичных партийных организаций и партийных бюро с тем, чтобы они действительно стали в нашем деле передовым авангардным руководящим коллективом.

10. Обратить особое внимание в повседневной партийно-политической работе на партийное руководство и помощь комсомолу, готовя их как достойных помощников и смену партии. Направлять в правильное русло пыл и страсть молодости комсомольского актива на выполнение поставленной задачи.

11. Обратить особое внимание в партийно-политической работе с офицерским составом на изучение людей: их быта, настроений, нужд и запросов. Воспитывать у бойцов и офицеров чувство гордости воина-победителя и достойного поведения везде и всюду.

12. Одним из главных вопросов воспитания считать внедрение в сознание каждого воина благородного качества и добропорядочности.

Особо усилить воспитательную работу среди личного состава и внедрить в сознание, что заражение венерическими болезнями в результате половой распущенности является грубейшим нарушением воинской дисциплины, притуплением военной и политической бдительности, позорной безнравственностью и преступлением перед Родиной и семьей, которая с трепетом, глубокой любовью и в постоянной тревоге в течение четырех тяжелых военных лет ожидала и ожидает мужей, сыновей с фронта. Добропорядочный настоящий воин должен вернуться к близким и на радость им принести с собой неизменную любовь к семье.

Ни в коем случае не омрачить праздник Великой Победы при предстоящей встрече с близкими и родными грязью аморальных явлений и распущенности.

13. Всю работу построить целеустремленно. Каждому мероприятию должна предшествовать серьезная подготовка, строгое планирование с учетом всех реальных возможностей и точного расчета. Всю работу безоговорочно подчинить на обеспечение успешной военной

учебы. Все для военной учебы — вот лозунг сегодняшнего дня.

На протяжении почти четырех лет личный состав нашей дивизии с честью выполнял поставленные задачи командования в условиях тяжелых и крупных боев. Коммунисты нашей дивизии с честью выполняли авангардную роль в выполнении этих боевых задач.

Надеюсь, что и теперь, в период военной учебы, партийные организации, и в первую очередь партийный актив, приложат все свои силы и способности для того, чтобы помочь командирам сделать свои подразделения, части, а значит и в целом дивизию, одной из передовых в учебе и воинской дисциплине среди наших гвардейских частей и соединений в Прибалтике.

Я должен предупредить актив, что мною завтра будет издан приказ по частям и подразделениям дивизии такого содержания, о чем только что вам доложено, так что многие из вас будут иметь возможность суть моего доклада иметь в письменной форме.

ЧЕСТЬ ДИВИЗИИ — МОЯ ЧЕСТЬ*

Советский народ всегда гордился своими боевыми традициями. Вопрос о традициях большевики никогда не понимали отвлеченно, абстрактно. Благородная боевая традиция — это не мертвая реликвия прошлого. Это — боевое могучее оружие, выкованное и отточенное в прошлом для великих битв настоящего и будущего.

Боевые традиции служат предметом законной гордости и чести воинов Советской Армии. Хранить и соблюдать боевые традиции — это воспитывать воинов так, чтобы они гордились принадлежностью к полку и дивизии, чтобы с гордостью произносили наименование своей части и на склоне лет своих рассказывали о боевой славе своей части детям и внукам своим, укрепляя тем самым лучшие наши традиции в толще народа. Это значит — вооружить дивизию и полк таким моральным оружием, которое удесятерит боеспособность каждого бойца и офицера.

Гордость своей частью издавна является одной из основ воинского воспитания.

* Доклад на торжественном собрании, посвященном шестой годовщине Панфиловской дивизии. 9.06.45.

«Слава и честь моей дивизии, моего полка — это моя слава, моя честь» — такова старейшая воинская доблесть.

Нам понятны чувства людей, говорящих: «Я чапаевец», «Я таманец», «Я воевал под командой Котовского», «Я панфиловец».

Боевая слава дивизии осеняет каждого ее бойца и офицера, рождает массы новых героев, сплачивает воинов в единый могучий организм, помогает солдату преодолеть любые трудности, а офицеру мужественно решать самые сложные задачи в быту, учебе и в бою. Дух общности, основанной на чести дивизии, выражается в старинной военной поговорке, означающей высокую боеготовность войска: «десять тысяч сердец в одном ударе».

Здоровое чувство советского воинского патриотизма способно творить чудеса. Чудеса, чудо — неожиданное проявление скрытой реальности, сочетание удали с отчаянием. Культ воинской чести — могучее средство сплочения бойцов и офицеров. Живая память былых сражений, героических подвигов во имя Родины — моральная основа воспитания личного состава дивизии на многие годы.

Боевая слава дивизии, завоеванная кровью героев на полях сражения Великой Отечественной войны, — это невесомое, незримое, но грозное и самое действенное оружие.

Мы счастливы с вами дожить до того дня, когда 9 мая 1945 года в день Победы столица нашей Родины Москва салютом из 1000 орудий возвестила всему миру о торжестве нашего правого дела, о великой непобедимой силе советского народа и его детища Красной Армии, о том, что справедливость, во имя которой наша армия почти четыре года сражалась на фронте и трудилась в тылу, восторжествовала.

В этот день сердца каждого из нас здесь присутствующих, как и у всех советских людей, были преисполнены несказанной радостью и гордостью победы над фашистской Германией. Нет ничего блаженнее, как отдать на алтарь Отечества свои знания, свои силы, свое сердце, если понадобится и свою жизнь. В этот день мы были горды сознанием чувства исполненного долга на одном из критических этапов нашей борьбы во имя свободы.

ФОРМИРОВАНИЕ

1. На основании приказов Народного Комиссариата Обороны от 6 и 11 июня 1939 года в городе Новосибирске формируется 78-я стрелковая дивизия, в состав которой входят 131-й, 258-й, 40-й стрелковые и 159-й и 210-й артиллерийские полки. 40-й стрелковый полк (ныне 18-й гвардейский) свои боевые традиции ведет со времен гражданской войны на Дальнем Востоке, как активный и славный участник исторических Волочаевских боев. Сразу же передислоцировавшись на Дальний Восток, дивизия входит в состав отдельной Краснознаменной армии и занимает оборону по государственной границе на участке Губарево — Имань. С октября 1939 года дивизия дислоцируется в Хабаровске и в суровых условиях Дальнего Востока проходит боевую подготовку, воинскую закалку. Всеобщую известность в Дальневосточных войсках дивизия получила образцово совершив в июле 1941 года в течение семи суток 350 километровый марш в исключительно трудных условиях горно-таежной местности.

Командует дивизией полковник Афанасий Павлентьевич Белобородов, ныне дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник, командующий 43-й армией. С его именем связана первая боевая слава: под командованием Белобородова дивизия впоследствии ведет исторические бои под Москвой, на дальних подступах к Сталинграду, завоевывает звание гвардейской и награждается орденом Красного Знамени.

ПОД МОСКВОЙ

1. 14 октября 1941 года в тридцати шести скоростных эшелонах дивизия направляется в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования. 27—30 октября 1941 года дивизия выгружается и сосредоточивается в районе реки Истра Московской области. Входит в подчинение Западного фронта. По приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова дивизия получила первую боевую задачу: подготовить оборонительный рубеж на подступах Москвы, на Волоколамском направлении, на участке — Мары — Свобода — Ново Дарвино — Телепнево.

Это были наиболее критические для нашей Родины дни, наиболее тяжелые на протяжении всей Отечественной войны. Москва была под ударом танковых армий противника, изо дня в день наращивающего свой удар, нависавшего над Москвой с севера, запада и юго-запада.

2. 3 ноября 1941 года дивизия вошла в состав 16-й армии генерал-лейтенанта Рокоссовского и в этот же день получила свою первую боевую задачу: действуя на левом фланге армии, провести наступление одним полком с задачей перерезать коммуникацию противника Руза — Новопетровск на рубеже Михайловское — Покровское. Обстановка к этому времени сложилась следующая: противник, не прорвавшийся на севере, занял Волоколамск и подходил к Истринскому водохранилищу, на юге подходил к Звенигороду. Перед фронтом дивизии были следующие силы противника: 10-я немецкая танковая дивизия, дивизия СС «Райх», полк дивизии «Мертвая голова». Предстояла задача — отрезать части 10-й танковой дивизии немцев от ее тыла.

3. В 3.00 4 ноября 1941 года дивизия вступила в первый бой с врагом. Согласно приказу весь личный состав 258-го (ныне 22-го гвардейского полка) перешел в наступление.

В течение 4 и 6 ноября 1941 года полк успешно выполнил задачу, захватив дорогу на участке Михайловское — Федчино и овладев этими опорными пунктами немцев, удерживал их до 19 ноября, в упорных боях отражая сильнейшие контратаки дивизии «Райх» и 10-й танковой дивизии немцев, рвавшихся к Москве. Все попытки противника восстановить положение и столкнуть дивизию с занимаемого рубежа успеха не имели.

Первый бой дивизии был встречным боем с превосходящим в силе противником. Он закончился блестящим выполнением поставленной задачи. В этом бою родились первые герои дивизии.

Когда после трехдневного боя, обойденный с флангов 2-й батальон 131-й (ныне 31-й гвардейский) капитана Веретенникова по приказу оставил деревню Ваюхино, пулеметчик Петр Огнев, засев на крыше каменного дома, прикрывал отход. Многократно раненный, он вел с врагом многочасовой бой. Немцы били по дому прямой наводкой из нескольких пушек, затем подожгли его. Огнев продолжал стрелять из горевшего дома.

Когда несколько дней спустя батальон овладел Ваюхино, местные жители рассказывали, что немцы вывезли пять грузовых машин с трупами гитлеровцев, уничтоженных Петром Огневым. Он — первый герой дивизии.

4. В период с 20 ноября по 6 декабря 1941 года дивизия ведет героические маневренные упорные оборонительные бои, сдерживая рвущегося к Москве врага.

28 ноября 1941 года дивизия занимает рубеж — Нефедьево — Селиваниха — Ленино — Рождествено — и на нем стоит насмерть. В битве за этот рубеж немцы не смогли продвинуться ни на шаг.

За месяц боев, с 4 ноября по 3 декабря 1941 года, частями дивизии уничтожено 14 270 солдат и офицеров противника, 53 танка, 14 самолетов, 45 автомашин с пехотой и т. д.

За проявленную отвагу, стойкость, мужество и героизм личного состава приказом Народного Комиссариата обороны № 342 от 26 ноября 1941 года 78-я стрелковая дивизия переименовывается в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Получив сообщение о преобразовании дивизии в гвардейскую, личный состав дает клятву: «Клянемся своею жизнью, кровью наших погибших товарищей, что это священное гвардейское знамя мы победоносно пронесем через все битвы с врагом до полного уничтожения немецких захватчиков».

В боях на ближних подступах к Москве дивизия завоевала это звание благодаря массовому героизму бойцов и командиров, несокрушимой стойкости личного состава, умелому ведению маневренного и позиционного оборонительного боя, сочетая их с короткими контрударами по врагу. В истории дивизии навечно останутся имена таких героев, как пулеметчик Хаметов, уничтоживший на подступах к Москве свыше 500 немцев, как пулеметчики братья Чернышovy, преградившие путь двадцати автомашинам с немецкой мотопехотой, как зенитчики младший лейтенант Кузьмин и замполитрука Кирилл Вергун, уничтожившие из своих счетверенных установок свыше батальона прорвавшихся немцев, и многие другие солдаты и офицеры нашей дивизии.

Командирскую зрелость и личную отвагу проявили: командиры батальонов капитаны Романов, Борисов, Веретенников, старший политрук Белаш. Когда в наиболее

критический день 21 ноября 1941 года свежие немецкие части вклинились в оборону, то командир 18-го стрелкового полка полковник Коновалов и комиссар полка Крайнюков с винтовками в руках лично повели бойцов в атаку. Весь личный состав полка, включая раненых, больных и тыловиков, в решительной атаке остановил и отбросил наступавшего врага, восстановив положение. Тем самым была ликвидирована серьезнейшая опасность прорыва, грозившая всему левому флангу 16-й армии.

Так закончился первый этап борьбы за Москву. В этих боях дивизия проявила высокий героизм и воинскую зрелость.

Анализируя бои этого периода можно сказать, что боевую задачу дивизия выполнила образцово, умело вела оборонительные бои во всем многообразии их видов, чередуя с короткими контратаками.

Цель всякой обороны, на мой взгляд, заключается в следующем: меньшими силами удерживать превосходящие силы врага, не отдавать свои рубежи. Перемолоть противника, ослабить его, нанести значительные потери, то есть обескровить. Привести планы наступления и наступательный порыв противника к крушению. Подготовить решительный контрудар с целью разгрома противника.

Все эти задачи дивизией были выполнены в сложных условиях многократной, внезапной перемены обстановки резкого перехода от отступления к позиционной обороне, от позиционной обороны к маневренной, от маневренной обороны к позиционной, от позиционной к контрнаступлению.

Каждому мало-мальски грамотному военному человеку понятно, что если позиционная оборона имеет целью упорно удерживать рубеж по принципу «ни шагу назад», то задача маневренной обороны — выиграть время, нанести противнику потери, расстроить его боевые порядки, сохранить свои силы, допуская потери пространства. Стиль, характер, методы ведения этих двух видов оборонительных боев совершенно различны. Резкие переходы от одного боя к другому требуют большой организованности, быстроты и решительности действия войск, глубокую продуманность всех деталей со стороны командиров. Здесь требуется большое напряжение ума, силы воли и психологии каждого бойца

и офицера. Чередование позиционной обороны с маневренной с одновременным навязыванием противнику встречного боя, сочетая их с действиями передовых отрядов и арьергардных частей,— есть высшая и сложная форма оборонительного боя.

5. 7 декабря 1941 года после мощной артиллерийской подготовки дивизия наносит на своем участке сокрушительный контрудар противнику и переходит вместе с другими частями Западного фронта в решительное наступление.

12 декабря части дивизии, преодолевая упорное сопротивление, овладевают городом Истра и продолжают с боем продвигаться на запад.

К 21 декабря 1941 года дивизия, тесня и преследуя противника на реке Руза на рубеже Нефедьевка — Иваново, где в течение месяца ведет непрерывные бои, вновь переходит в наступление и, преследуя врага, выходит на западный берег реки Москва на рубеже Никольское — Галышкино (12 км. вост. р. Гжатск).

6. Совершив 140-километровый марш, 31 января 1942 года дивизия прибывает в район г. Мединь.

К этому времени на этом участке фронта создалось тяжелое положение: 33-я армия, стремительно наступающая на Вязьму, вырвавшись далеко вперед, оказалась отрезанной врагом. Дивизия, вошедшая в состав 43-й армии участвует в выполнении ответственной задачи по восстановлению положения.

3 течение февраля — марта дивизия ведет упорные и тяжелые бои на подступах к рекам Угра и Воря, на рубеже которых немцы построили прочную оборону, имея задачу прорваться к отрезанным частям 33-й армии.

В ходе нашего наступления под Москвой эти бои явились одними из наиболее кровопролитных, упорных и ожесточенных. Достаточно указать, что сильный опорный пункт Захарово атаковался 12 раз различными соединениями 43-й армии. В феврале дивизия овладевает этим опорным пунктом и рядом других населенных пунктов и выходит на рубеж реки Воря.

За период боевых действий с 1 февраля по 15 апреля 1942 года частями дивизии уничтожено до 3600 немецких солдат и офицеров, захвачено 24 орудия, 52 пулемета, и другая техника врага.

7. Таким образом, в боях под Москвой личный состав дивизии проявил способность не только стойко и мужественно обороняться, но и высокую способность прорывать оборону противника и, быстро маневрируя, окружать и уничтожать врага.

Штабы, офицерский состав, стрелки, артиллеристы, разведчики, связисты, саперы прошли боевую школу и приобрели навыки на поле сражения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1942 года за доблестные и боевые дела 9-я гвардейская дивизия награждается орденом Красного Знамени, а 23-й гвардейский стрелковый полк орденом Ленина.

Второй этап борьбы за сердце Родины — Москву, в котором дивизия принимала активное участие непосредственно на передовых позициях, завершен.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

1. К лету 1942 года центр грандиозной битвы переместился на юг. 29 мая 1942 года дивизия передислоцируется на Юго-Западный фронт, где входит в состав 38-й армии, получив задачу обороняться на реке Большой Бурлук на участке: Кашин — Ленинка — Крейденка (район Купянск).

11 июня 1942 года на участке дивизии немцы перешли в наступление.

В этот день один лишь 22-й гвардейский полк выдержал четыре атаки 150 танков противника и полка мотопехоты. При этом было уничтожено до 600 гитлеровцев и 31 танк. Полк потерял до 50 процентов личного состава, но врага не пропустил. Наступление немцев здесь было приостановлено.

2. Генеральное наступление на Сталинград началось 22 июня 1942 года в 3 часа 30 минут. Противник, передовыми частями выйдя на рубеж р. Бол. Бурлук, сосредоточил крупные силы пехоты и танков и при массовой поддержке с воздуха перешел в наступление в северном направлении на Валуйки, в южном на Купянск. На левом фланге дивизии противник нанес главный удар в стык между 31-м стрелковым полком и 34-й бригадой, в результате чего дивизия к исходу дня оказалась отрезанной от других соединений 38-й армии, но продолжала вести бой в полуокружении. На фронте

дивизии к началу немецкого наступления сложилось такое соотношение сил: один наш пехотинец против восьми противника, артиллерия — одно против четырех, танки — один против шести, самолетов у нас не было, а у врага их было 150. Лишь за один день — 22 июня — зарегистрировано 1500—1600 самолето-вылетов врага на наши боевые порядки. В этих условиях части дивизии героически сражались, ведя арьергардные бои в составе 38-й армии.

3. С выходом на реку Оскол дивизия занимает оборону по ее восточному берегу, ведя тяжелые бои с превосходящими силами врага, который перед фронтом дивизии сосредоточил до трех пехотных дивизий с 60-ю танками.

Бои на юге протекали в тяжелых условиях абсолютного превосходства сил противника. Отходя с боями, сдерживая танки и мотопехоту врага на промежуточных рубежах, части дивизии 9 июля 1942 года после 70-километрового марша заняли оборону на рубеже Бакай в районе Кантемировка. 11 июля 1942 года после трехчасового ожесточенного боя дивизия по приказу отходит на Дон, в район Клецкой, где заняла оборону на восточном берегу, ни шагу не отступив от Донского рубежа, защищая дальние подступы к Сталинграду.

За героические бои на юге дивизия получила благодарность от Маршала Советского Союза Тимошенко. Воины дивизии в тяжелых боях заслужили почетную медаль «За оборону Сталинграда».

БОИ ЗА ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

1. 12 октября 1942 года, после полуторамесячного переформирования и боевой учебы, дивизия прибывает на Калининский фронт и, войдя в состав 3-й ударной армии генерала Галицкого, дислоцируется в районе Великих Лук.

24 ноября 1942 года авангардный полк дивизии, 18-й гвардейский стрелковый полк, переходит в наступление в направлении главного удара и к вечеру занимает опорные пункты противника Богородицкое — Дудино. Сильнейшая Великолукская оборона противника таким образом оказалась прорванной на участке 9 полка.

Первый и главный удар прорыва, обеспечивший окружение всей Великолукской группировки немцев, на-

носит 18-й гвардейский стрелковый краснознаменный полк под командованием полковника Кондратенко. Большую роль сыграла точная работа дивизионных разведчиков под командованием старшего лейтенанта Дмитриевского, которые обеспечили операцию правдивыми данными о характере обороны врага, расположений узлов сопротивления, опорных пунктов, системы огня и инженерного сооружения и препятствий.

Решающую роль в этом бою сыграл 2-й батальон 18-го полка, действовавший против центра немецкой обороны. На первом этапе боя воины всех трех батальонов полка были прижаты ураганным огнем противника. Казалось, наступление сорвано. Когда об этом узнал командир 2-го батальона капитан Николай Гальпин, находящийся в то время на лечении в медсанбате, он сбежал из него и, пробравшись в боевые порядки своего батальона, лично повел батальон в атаку, немцы были сбиты с Ключевой высоты и наступление развернулось. Вслед за этим главные силы дивизии перерезают железную дорогу Новосколыники — Невель, Новосколыники — Великие Луки, занимают железнодорожную станцию Гушино и Орлы, тем самым обеспечивают окружение великолукской группировки. Дивизия в течение четырех дней ведет бои на уничтожение окруженного врага.

2. Однако, стремясь любой ценой пробиться к окруженному гарнизону, немцы, начиная с 7 декабря, ежедневно по нескольку раз атакуют извне. Дивизия разворачивается для отражения контрударов с задачей: удержать кольцо во что бы то ни стало. На участке дивизии немцы ввели в бой свежую 3-ю егерскую горно-стрелковую дивизию, 20-ю мотодивизию, 391-пехотную дивизию и до 200 танков, но успеха не имели.

1 января 1943 года немецкий гарнизон Великих Лук во главе со своим начальником полковником Фон Засом капитулировал. Однако упорный натиск немцев с внешней стороны кольца продолжается. Насколько велики были потери фашистов в этом бою и насколько была тверда стойкость частей дивизии можно судить по телеграмме члена Военного Совета 3-й Ударной армии генерала Литвинова: «Только за один день 6 января противник в результате упорного сопротивления наших частей потерял более 2500 солдат и офицеров. Герман-

ское Верховное командование приказало своим частям дать объяснение, почему они понесли такие огромные потери. Доведите до сведения всему личному составу значение железного упорства и стойкости в обороне. Требую еще упорнее и беспощаднее истреблять немецких бандитов, перемалывать их живую силу и технику».

Дивизия в результате этих боев разбила 83-ю пехотную дивизию немцев, 343-й охранный батальон, полк шестиствольных минометов, нанесла значительные потери 3-й горной егерской дивизии, 291-й пехотной дивизии и 20-й мотодивизии.

Дивизия в этих боях освободила 54 населенных пункта, несколько железнодорожных станций, захватила большое количество трофеев, уничтожила до 13 300 немецких солдат и офицеров.

Великолукская операция дивизии характерна следующим: на первом этапе в полосе наступления дивизии находился один из сильнейших на советско-германском фронте оборонительный рубеж противника с заранее подготовленными узлами сопротивления, с сильно развитой огневой системой, с выдвинутым вперед мощным опорным узлом сопротивления Богородицкое. Таким образом, перед дивизией находилась усовершенствованная, заранее подготовленная и глубоко эшелонированная оборона, насыщенная противопехотными и противотанковыми огневыми средствами. На этом этапе дивизия, прорвав оборону, показала высокий наступательный порыв и мастерство наступательного боя.

На втором этапе части дивизии, отражая сильнейший натиск превосходящих сил врага, вновь показали свою неувядаемую железную стойкость и упорство в обороне.

БОИ ЗА ДУХОВЩИНУ И НА ВИТЕБСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

17 августа 1943 года дивизия в составе 39-й армии генерала Берзарина перешла в наступление на Духовщинском направлении и, преодолевая сопротивление противника, прорвав глубоко эшелонированную оборону немцев, вышла в так называемые Смоленские ворота и начала преследовать противника. Дивизия своими боевыми действиями содействовала занятию гг. Духовщины, Ярцево и Смоленск. За период наступления на Витебском направлении дивизия освободила от гитле-

ровских захватчиков до 200 населенных пунктов, перерезала три шоссейных магистрали и отбросила на 135 километров. Противник потерял в этих боях более 10 000 солдат и офицеров.

Яркой характеристикой и оценкой боевых действий частей дивизии на этом направлении могут служить бои в районе Юрчко и после — Витебск — Сураж, на котором за три дня боев было уничтожено частями дивизии 37 танков противника.

В боях на Витебском направлении воины показали исключительное мужество — старший сержант Владимир Смирнов (лыжный батальон) и гвардии рядовой Василий Соловьев (31-й полк) повторили подвиг Александра Матросова, закрыв своим телом амбразуру дота, и обеспечили продвижение наших частей. Обоим посмертно присвоены звание Героя Советского Союза.

БОИ ЗА ПРИБАЛТИКУ

21 июня 1944 года совместно с другими соединениями 1-го Прибалтийского фронта, перешедших в общее наступление, дивизия, войдя в прорыв и форсировав реку Западная Двина в районе Веженковичи, начинает преследовать противника и в районе п. Мены встречает организованное сопротивление. В результате решительного наступления частями дивизии был полностью разгромлен 5-й латышский полицейский полк. Продолжая преследовать врага, части дивизии завязали серьезные бои у населенного пункта Плюсса в районе Двинска с превосходящими силами противника, который пытается окружить и уничтожить наши части.

В середине июля 1944 года дивизия вступает в пределы Литовской ССР и начинает бои за освобождение Советской Прибалтики.

17 июля наши части форсируют р. Мемель, ведут наступательные бои в районе Радвилишкиси и оборонительные бои в районе Добеле (западнее Елгавы). Эти бои характерны тем, что части дивизии принимали на себя сильные танковые удары врага, временами переходящие в контрнаступление. Все отчаянные попытки немцев отбросить наши части успеха не имели. Достаточно сказать, что в районе Добеле за четыре дня боев на участке дивизии противотанковым дивизионом капи-

тана Каприлова и артиллеристами 28-го арtpолка было уничтожено 39 танков из группы, наносящей контрудар в направлении на Елгаву. Контрудар — наступление на Елгаву противника — был сорван.

4 октября 1944 года дивизия в составе 2-го гвардейского стрелкового корпуса сосредоточилась на рубеже реки Вента, юго-западнее города Шауляй. На рассвете 5 октября 1944 года внезапным ударом дивизия форсировала Венту и прорвала мощную оборону противника на направлении главного удара.

После прорыва началось организованное преследование противника. 1-й батальон 18-го полка на машинах по проселочным дорогам был отброшен на 30 километров вперед, с боем овладел вторым промежуточным рубежом обороны немцев, лишив их возможности вести дальнейшее сопротивление.

Под ударами частей дивизии противник вынужден был откатиться в полосу нашего наступления за железную дорогу Рига — Либава на рубеже станции Косбори — Вайн ёде. С выходом частей армии на железную дорогу Рига — Либава было завершено окружение Курляндской группировки немцев в составе 36 дивизий.

За успешный прорыв обороны немцев юго-западнее Шауляя, за умение и мужество, проявленные личным составом, 31-й гвардейский стрелковый полк был удостоен правительственной награды — ордена Красного Знамени.

С осенней распутицей 1944 года начинается завершающий период ликвидации окруженной Курляндской группировки в трудных условиях лесисто-болотистой, резко пересеченной местности в этой части Прибалтики с глубоко эшелонированной и весьма насыщенной живой силой и техникой обороны противника на всю глубину до самого синего моря — Балтики. По уточненным разведывательным данным Прибалтику обороняли вышколенные, самые дисциплинированные войска гитлеровской армии — кадровый состав с шестилетним боевым опытом, в 1941—1943 годах действовавшие на Ленинградском направлении, численностью до полумиллиона солдат и офицеров. В условиях Курляндии исключалось понятие тактического и оперативного простора — здесь на всю глубину каждая сопка, каждый перекресток дорог, каждый населенный пункт представлял из себя

организованный опорный пункт с броневыми поясами, часто поддерживаемыми сильным подвижным резервом. Здесь каждый километр представлял из себя глубоко эшелонированную тактическую зону, требующую прорыва методом взлома сильно укрепленных районов.

Повторяю, что мы в Курляндии имели дело с фолькштурмом, не с тотальниками, а с самыми стойкими кадровыми частями войск гитлеровской армии.

Дело не в пространстве. Бои наших частей на Курляндском полуострове славны тем, что тяжелы; они требовали наивысшего напряжения ума, воли и чувства на всех этапах от начала до конца.

В результате январского удара войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов наши войска на широком фронте вышли к Одеру в ее среднем течении.

Для приостановления наступления наших войск немецкое командование готовило ударную группировку в Северной Померании, планируя нанести сильный контрудар по внутренним флангам 1-го и 2-го Белорусских фронтов. В этих целях противник намечал вывести из Курляндии шесть-семь пехотных дивизий. Этой группе войск ставилась задача сковать наши войска, сохранить за собой занимаемый плацдарм, а высвободившиеся дивизии перебросить в Померанию. В этой обстановке нашей дивизии, как и другим соединениям армии фронта, ставилась задача: воспрепятствовать снятию с фронта и отправке в Померанию намеченных дивизий; сковать силу противника, навязывая ему непрерывные бои, лишить его возможности малейшей передышки, окружать и уничтожать по частям, тем самым лишить возможности отправить намеченную группировку войск в Померанию.

* * *

Славный боевой путь прошли части нашей дивизии. Они извели горечь тяжелых оборонительных боев, познали сладкую и священную радость победы, участвовали в грандиозных исторических сражениях, на века вошедших в историю человечества. Наши воины месяцами упорно и настойчиво боролись с врагом на мало-заметных участках, ожесточенно отбивали у врага глухие

хутора, неизвестные деревушки, безымянные высоты, перекрестки коммуникационных и рокадных путей. Но каждый убитый нашими воинами немец, каждая безымянная высота были дорогой к победе, широким и уверенным шагом к Берлину.

В кровавых боях, в огне великих и малых битв ковались и рождались опыт, умение, слава, великие традиции дивизии и полков наших. Они — золотое заветное наследие грядущим поколениям. Они написаны кровью славных героев, потом тысяч советских людей, сражавшихся под знаменем дивизии.

Наш долг — закрепить эти традиции, сделать их той могучей силой, которая будет воспитывать новые и новые тысячи воинов — патриотов, достойных преемников наших героических бойцов и офицеров.

«ТЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ»*

Здравствуй, товарищи! Я пришел с вами поговорить о последних событиях, которые имеют решающее значение для биографии каждого из вас, вашей семьи, ваших родителей, ваших детей. Которые имеют решающее значение для государства, для нашего народа, для нашей Красной Армии. Которые определяют перспективу нашей государственности, нашей экономики, промышленности, сельского хозяйства, нашей культурной и политической жизни. Которые окажут огромное влияние на наш семейный очаг, на наш быт и на психологию наших людей. В связи с победоносным окончанием войны с Германией и Японией и установлением мира во всем мире наша страна вступила в новый исторический период своего развития. В период мирного строительства, восстановления народного хозяйства, в период заживления ран, нанесенных нашему народу врагами.

В связи с этим Президиум Верховного Совета Союза ССР вчера издал указ о демобилизации некоторых категорий военнослужащих из рядов армии, которые составляют по существу большинство личного состава ар-

* Речь на собрании воинов 22-го гвардейского полка. г Пренай (Литва). 28.03.45.

мии, ее основную массу, перенесшую на собственных плечах основные тяготы войны на всем ее протяжении.

На основе этого закона миллионы наших доблестных бойцов и сержантов будут возвращены к своему родному очагу, своей родной деревне, городу, производству, колхозу, своему родному краю, от которого они были оторваны войной.

Многие старики, отцы и матери увидят своих любимых сыновей, женщины — мужей, миллионы советских детей — отцов, которые у них были отняты войной.

А некоторые из детей увидят своего отца впервые, которого они, глядя на фотографию, в течение нескольких лет называли «папа» и тянулись к снимку детскими ручонками.

На основе этого закона многие хаты и избы в деревнях, квартиры в городах получают своего хозяина, главного жильца, по которому они тосковали в течение этих четырех военных лет.

На основе этого закона страна получит миллионы высококвалифицированных, проверенных в суровых испытаниях, закаленных в боях рабочих людей. Станок и плуг почувствуют настоящего своего хозяина, твердую мужскую солдатскую руку и энергично заработают. Это, безусловно, окажет громадное влияние на быстреее восстановление народного хозяйства, на быстреее заживление нанесенных войной ран и в ближайшем будущем наша государственность полнокровно, в полном смысле этого слова, поставит на ноги нормального гиганта.

Вот почему вначале своей речи я говорил вам о значении этого закона, который по существу является началом реформ и перестройки не только Красной Армии, но и всей нашей государственной и народной жизни. В этом состоит политическое, экономическое и историческое значение этого закона.

Народ, правительство, командование выражают вам благодарность за хорошую службу и говорят вам большое спасибо за доблестные боевые дела. Три месяца тому назад мы демобилизовали из рядов нашей армии стариков и девушек. Но разве они являлись основной

массой нашей армии? Они были из основных частей, но не основной массой армии.

После вас в рядах нашей армии остаются только ваши младшие товарищи по оружию. Это «медные котелки». Я преклоняюсь перед их мужеством, но они также не являлись основой нашей армии. Многие из них вступили в войну в 1943—1944 годах, а некоторые и в 1945 году.

Кто же является основой нашей армии, стержнем ее, опорой всех наших боевых дел от начала и до конца войны?

Ими являлись вы, 25—40-летние. Именно это поколение перенесло всю тяжесть войны от начала и до ее конца, не щадя своей жизни и крови за великое дело — всемирную историческую победу нашего народа, нашего советского оружия. Все это является делом ваших собственных рук.

Вы на поле боя выполняли черновую работу, творили великие исторические дела, поэтому вы являетесь черновыми творцами победы. Вот почему я говорю, что это дело ваших собственных рук, что Победа — это ваше кровное дело, за которое из вашего поколения многие отдали жизнь, здоровье. Вы спасли не только нашу Родину от черного фашизма, но и весь мир, все человечество, его культуру, его цивилизацию.

Тот, кто действительно воевал за победу, тот горд высоким званием воина-победителя, тот везде и всюду бережет честь воина-победителя как зеницу ока, ибо он не воевал за награды, за богатство, он воевал за честь, достоинство своего народа, своего государства.

Такой человек никогда не позволит себе мещанской роскоши, торгашеской хитрости, идиотской подлости разменивать честь воина-победителя на мелочь, на бахла, потому что он Муж, он Гражданин, он Воин. Ему честь дороже любого богатства.

Мертвые завещали живым — не запачкать их жизнь, их имена, их священную кровь грязью, аморальным, недостойным поведением и поступками.

Вот почему мы, командиры, неустанно твердим о моральном облике, о достоинстве, о чести воина-побе-

дителя, дабы предотвратить позорный поступок со стороны отдельных недисциплинированных товарищей перед памятью погибших.

Вы думаете, 22-й гвардейский полк состоит и состоял из вас? Нет! Когда вас ваш командир полка строит и, подав команду «смирно», идет ко мне с рапортом, я вижу не только вас, я вижу три 22-х ордена Ленина гвардейских полка: полк мертвых, полк калек и ваш полк. Вот почему я часто тяжело иду из фланга во фланг, прежде чем поздороваться с вами, а не нарочито делаю это. Я вижу три полка.

— Сколько было мертвых — больше или меньше, чем вас?

Боец с места: «Больше, товарищ полковник».

— Сколько было калек?

Боец взволнованно: «Не меньше, товарищ полковник».

Какое же имел право Силенко из-за этих трех свиней разминывать честь полка мертвых, честь полка калек и нашу честь? Он презренный, прогнивший подлец, который заслуживает презрения всех.

На этом разрешите закончить моральную часть моего обращения.

Вас интересует, когда поедете домой? Вы поедете домой с первого октября по пятнадцатое ноября. Отправка будет производиться по принципу землячества. Эшелоны будут подаваться по направлениям: сибиряки — Новосибирским, среднеазиаты — Ташкентским эшелоном, ленинградцы — Ленинградским. Когда подадут, какой эшелон, я не знаю. Следовательно, вам надо будет набраться терпения на полтора месяца. Что вы будете делать до подачи вам эшелонов? Вы будете работать по принципу сдельщины. Вы будете помогать нам подготовиться к зиме. Надо благоустроить казармы, оборудовать учебные поля. Это нужно для того, чтобы новое пополнение — ваша смена — жило в нормальных условиях и обучалось на оборудованном учебном поле. На смену вам в ближайшее время придут младшие братья и даже сыновья. Вы по долгу солдатскому обязаны оставить им хорошее наследие, принять все

меры к тому, чтобы они достойно вели ваши дела в дальнейшем: множили хорошие традиции полка, отлично учились. В этот период вам нужно работать добросовестно, самим соблюдать все воинские порядки не за страх, а за совесть с тем, чтобы не попасть вместо дома в тюрьму. Это я говорю не в порядке угрозы, не в порядке запугивания, а в порядке совета. Никому из вас не желаю такой неприятности.

В этот период вам нужно быть более нравственными, чем когда-либо, ибо настало время скорой встречи с семьей, с женой, с детьми, которые в течение четырех лет ждали вас с глубокой тревогой в сердце, молились богу за вас, провели много бессонных ночей, волнуясь за вас, за вашу жизнь. Долг воина-победителя в этом вопросе требует достоинства. Вы обязаны, как воин-победитель, принести подарок своей семье, жене и детям, свою неизменную любовь и верность, не встречаться с теми, кто готов лечь с вами на первой скамейке и наградить вас любыми болезнями. В таком подарке ни жена, ни дети, ни близкие вам люди, ни народ, ни государство не нуждаются. Заражение венерической болезнью является тяжким преступлением перед народом, перед государством, перед семьей, несмываемым позором и несчастьем вашего поколения. Является антигосударственным преступлением потому, что эта болезнь является социально опасной.

Терпи, солдат, пока настанет день... Не будь свиньей перед своей подружкой, будь человеком. Не падай в грязь венерических болот — это мой первый совет.

Второй совет. В эшелоне вас будет сопровождать эшелонное начальство. Натворил ты что-нибудь в пути, хватят тебя за шиворот и в тюрьму прямым сообщением. Такой неприятности никому не желаю. Веди себя достойно в пути, чтобы каждая станционная торговка была поражена твоим благородством.

Третий совет. Мы вам дадим небогатые подарки. В ваш карман положили по тысяче рублей денег, в мешок — немного муки, сахара, мяса. Для чего это делается? Это дается не вам, а вашей семье, вашим друзьям, чтобы отметить эту радостную встречу, а не для того,

чтобы пропивать или сожрать в дороге. Никому не секрет, что четырехлетняя война достаточно потрепала каждую семью и в материальном отношении. Что значит ваш приезд? Это значит для вашей семьи — мертвый воскрес! Сколько волнений, сколько сладких слез радости! Такой необычайный случай положено отметить по русскому обычаю поцелуем. Все будут вас целовать, а ты вдруг сифилитик. Заразишь искренне целующих тебя от сердца, от души. Какая подлость! Твоя жена с тоской будет ждать тебя в постели и со всей женской искренностью примет тебя и вдруг вместо благодарности ты ее покалечишь на всю жизнь своим подлым подарком. Какое ужасное преступление, какая наглость!

Чарка водки! Не у всякой семьи есть чарка и деньги на это. Не у всякой семьи есть сметана, блины, мясо на закуску, не у всякой семьи есть сахар и чай.

Ты приедешь домой, к тебе явятся друзья, будут пожимать руку твоей жене, поздравлять с приездом дорогого мужа, поздравлять детей твоих, которые с детской радостью будут смотреть на своего отца. Жена, счастливая, взволнованная, захочет в этот знаменательный день своей жизни сделать широкий жест, щедро угостить гостей, отметить твой приезд, но она будет скована бедностью, смущена. Ее беспомощные глаза будут говорить: «Милый Ванюша, я готова зажарить хоть из себя котлету, чтобы гости радостно ушли после нашей счастливой встречи». Вот для этих целей вы и должны привезти армейские подарки.

В кухне жена пироги стряпает, у нее не все получается, гости сидят, водка на столе. Пока будет горячее готово — долго ждать. Гости с досадой и нетерпением на бутылку смотрят — разлить бы водку, закуски нет. Вот для того, чтобы в этот момент ты не очутился в глупом положении, тебе дается на холодную закуску две банки консервов. Пирожки, блинчики горячие на столе, водка вырита, чайку надо попить, а посладить нечем. Чтобы твои гости губы не ошпарили кипятком, тебе дается два килограмма сахара. Гости, веселые, довольные угощением и вниманием, постепенно расхо-

дятся и наперебой приглашают тебя: «Заходи, Иван Иванович». Ну, ладно, ты идешь к одному, посидел, выпили в честь твоего приезда. Ну, положим, ты лишнее заложил, лишнюю рюмку выпил. Попрощался по-приличному. Идешь домой. А водка берет свое. У тебя в голове зашумело, в глазах помутнело, все двоится. У тебя лирическая, трагическая душа. Ты сразу от радостной встречи перебрасываешься на тягостные дни войны. Что только тебе не приходилось пережить: и страдать, и по пояс в болоте сидеть, и многое другое. Все же ты идешь, хоть и качаешься. Вдруг открываешь глаза, а впереди двоится фигура. И вот не выдержала твоя душа: «А-а, я там воевал, а ты здесь сидел! Я четыре года кровь проливал!» Хватаешь его за шиворот. Гражданин ли это, или боец, который также демобилизовался и надел штатскую одежду, тебя останавливает словами: «Гражданин, что вы?» А ведь пьяным море по колено. Подумаешь, что этот гражданин говорит. Он, конечно, простит тебя, но тут милиционер из-за угла — хватъ тебя и в тюрьму. Вот те на! Не успел переночевать дома, попал в отрезвиловку. Омрачил радость встречи. Кому это нужно? Никому.

Ты — воин-победитель, ты имеешь заслуги, и это обязывает тебя быть примером везде и всюду. Ордена требуют достойного поведения. Сколько бы у тебя орденов ни было, ты уехал из дому скромным Иваном, приезжай таким же, только тогда ты заслужишь уважение и любовь.

И последнее. Ты был достойным бойцом на поле боя. С честью выполнил свой долг на войне. Ты отличился на фронте. Будь примерен и здесь: отличись теперь на трудовом фронте, ибо твой долг всеми силами помогать своему народу в быстрейшем восстановлении народного хозяйства. Твой долг — быть стахановцем в труде.

Вот все, что я вам хотел сказать. У кого есть вопросы — прошу.

„Я ВАМ

ПИСАЛ”

ПИСЬМО М. О. АУЭЗОВУ

Мухтар-ага!

Почему-то по-казахски не пишется, извините.

Я Вам писал, что современная война не является войной мушкетеров и пикотеров, и офицеры Отечественной войны (имею в виду настоящего, а не всякую шваль в мундире) — Вам не рыцари XVI века... в основном они делятся на три категории: офицеры ближнего боя, офицеры тактического соображения и назначения, офицеры стратегического соображения и назначения. В этой войне скорее на поле боя ум ума почитает, чем черная сила (қара күш) горячий азарт гладиатора — люди стали умом, умением воевать.

Как же Вы могли допустить неосторожность с «Намыс гвардиясы», слишком наивную доверчивость — получилось неестественное, печальное, несовместимое сочетание Вашего золотого таланта, полной художественной силы, беспредельно богатого, гибкого, маневренного, сочного и насыщенного разумной логикой языка с невежеством, узким кругозором, недалеким умом Вашего соавтора.

Ведь богوماзы никогда не считались художниками, хотя они малевали лучше, чем любой художник, т. к. из-под кисти богوماза никогда не выходило полотно реальной жизни...

Ах, как жаль, и становится обидно, когда истинный художник, сотрудничая с невеждой, неосторожно выглядит богوماзом.

В пьесе совершенно отсутствует порядок, нормы военного и гражданского поведения и такта, доходящих до порнографической вульгарности — кто эта дура Нина с необузданными интимными чувствами, подставляющая

уста при каждом удобном и неудобном случае для поцелуя?

К чему расхваливать Валентину, приписывая ей разную небылицу?

Где же сила приказа, его безотлагательность, реальность расчета властного повелевающего командира?

Что за рассуждения, разглагольствования вокруг выполнения боевой задачи и что за торговля, и добровольности, и умоляющая просьба — кому идти головным?

Откуда. Вы взяли шапкозакладательские победы, без упорного сопротивления, критического положения, иногда и временного поражения? Что за шум, гам и без умолку, до тошноты, ура?

Куда Вы дели полновластного офицера — повелителя, навязывающего свою волю не только подвластным ему воинам, но также и противнику, — даже Панфилова показали, как мастера рукопашного боя. Неужели Вы не понимаете, что такое тактика и стратегия?

Нельзя же рассматривать всех, как солдат с винтовкой, со штыком. Где же наша военная наука, оперативно-тактические замыслы, тактико-стратегическое значение операции и реальное положение строя в обстановке?

Куда Вы дели кроткого солдата, повинующегося, безукоризненно честного, braveго, отважного, простого вояку, а Ваш Толеген скорее клоун для сцены, чем солдат на поле боя.

.
Я часто резок и груб с друзьями — это мой недостаток. Очень сожалею, что могу помочь только наказанием за Ваши оплошности.

С глубоким уважением Ваш
17.11.42.

Баурджан

Н...

22 ноября 1941 года я выходил со своим батальоном из окружения. Шли четверо суток с боями, голодные, несли на себе раненых.

Немец перерезал нам дорогу. Шли длинными кишками вражеские колонны за колонной. Пройти через дорогу казалось невозможным.

«Не погибать же голодной смертью, не сдавать же в плен батальон,— думал я,— огнем, с боями пройду через вражеские трупы».

Шла немецкая колонна во главе с майором, за ней в пятистах метрах другая колонна. Когда первая колонна поравнялась с нами, лежавшим в кювете большака, я подал команду:

— Огонь!

Наш залп был настолько удачным, что вся немецкая колонна, пронизанная нашими пулями, полегла словно по команде в одну секунду.

— Вперед! — крикнул я и побежал вперед. Батальон рывком последовал за мной. Оглянувшись назад, стоя на середине большака, среди вражеских трупов, я приказал взять документы у убитых и сам кинулся к мертвому майору. К моему удивлению, карманные клапаны на его френче были раскрыты.

Подобрав своих раненых и убитых, мы спешно углубились в лес...

Еще шли двое суток с боями, описывать их не стану...

* * *

Встретил майора соседнего полка, который сообщил, что в штабе дивизии все восхищены действием моего батальона, считают нас всех погибшими; мы удостоены гвардейского звания — дивизия переименована в 8-ю гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени...

От этого майора я также узнал, что до штаба дивизии нам предстояло прошагать еще целых пятнадцать километров. Я знал, что люди устали до изнеможения, голодные пятью сутками, и решил подбодрить батальон. Торжественно выстроил людей в лесу при тридцатипятиградусном морозе, произнес речь, все равно как на митинге. Прежде всего, от имени генерала Панфилова (он был убит, но бойцам я воздержался сообщить об этом горе) поздравил их с отличным выполнением боевого задания и благополучным выходом из окружения и сообщил приятные новости о присвоении гвардейского звания и награждения нашей дивизии орденом Красного Знамени, заканчивая свою речь, сказал:

— Нас в дивизии считают погибшими, штаб находится в пятнадцати километрах отсюда. Давайте, товарищи, устроим штабу маленький приятный сюрприз: явимся и докажем, что мы живы...

— Давайте, товарищ комбат, докажем. Ведите нас,— одобрили бойцы.

По выражениям лиц и по возгласам я видел и приятно сердцем чувствовал радость моих бойцов, радовался вместе с ними... Куда вы делись, сильная усталость и жажда голода!

Мы в этот момент были добры, сильны и сыты...

Из строя, подняв руку, ко мне обратился среднего роста красивый голубоглазый украинец, боец Проценко:

— Разрешите мне, товарищ старший лейтенант, несколько слов?

— Давай, Грицько, что хотел сказать? Выходи сюда,— ответил я.

Проценко неуверенно вышел и, запинаясь на каждом почти слове, начал говорить нескладно, но красиво, просто от души: он кратко вспомнил пережитое, пять окружений, из которых мы выходили; 27 боев; которые мы провели, высказал несколько комплиментов в мой адрес, назвав меня по-украински «батько», и закончил свою речь следующими словами:

— Вот что, вы — наш батько, я эти часы снял с немецкого майора, которого убил по вашей команде, и вот его документы, их я вам, батько, торжественно вручаю перед своими товарищами...

Строй одобрительно ласкал глазами Проценко — это чувствовал он и я, и мы все в этом дремучем лесу Подмосковья.

Приняв их, спросил:

— Командир первой роты, доложите народу, как воевал товарищ Проценко.

— Хорошо, товарищ комбат,— ответил старший лейтенант Ефим Филимонов.

— Тогда, Грицько,— я обратился к нему,— вот что, брат, документы я беру, а часы бери обратно, пусть это будет тебе память о нашем окружении, 27 боях и об этом митинге нашего батальона. Он, смутившись, взял часы и, минутку подумав, под аплодисменты батальона вернулся обратно ко мне.

— Нет, батько,— протянул он мне часы,— берите их вы. Зачем мне часы, пусть это будет вам мой подарок...

— Твой подарок мне то, что ты хорошо воевал,— сказал я ему.— Молодец и спасибо, а часы носи вот так,— я надел на его руку.— Когда отгоним немцев, если часы тебе будут не нужны, подаришь своей любимой девушке.

Проценко, под смех батальона, смутился:

— У мене дивчины нема,— сказал он по-украински,— нашо вони здались...

— Нет, нет, брат,— сказал я,— если нет, надо иметь ее обязательно: как же, за кого же воюем-то, если не за милых чернооких красавиц,— продолжал я,— мужчина на нашей земле стебель, а женщина — цветок, а без листьев и цветок по-русски называется сушняк, а по нашему «ку бас», женщина — благородная почва, где развивается, растет человеческое зерно, а вот мы с тобой «урожай» и, кажется, неплохой «урожай»,— бойцы засмеялись, засмеялся и Грицько,— без женщины, брат, человеческому «урожаю» никогда не бывать. Женщина нам мать, невеста и жена, мать наших любимых детей, а в бою некоторые из них наши боевые подруги. Забывать, Грицько, их в бою ни в коем случае нельзя... Ну, ладно, иди, носи часы, воюй, брат, и всегда помни дивчину, которой ты после войны подаришь...

* * *

7 декабря 1941 года (я уже командовал полком) полк накануне вел 18-ти часовой непрерывный бой. Я лежал на командном пункте раненый.

— Товарищ старший лейтенант,— обратился ко мне фельдшер,— тяжело раненный боец Проценко настоятельно требует свидания с вами, говорит, что «пока не увижусь с батькой, ни за что не помру...».

Несмотря на запрет врачей, я пошел к нему. Проценко лежал тяжело раненный в живот.

— Батько,— произнес он с трудом,— вы пришли? У меня до вас дело есть.

— Что, говори, Грицько,— ответил я и сел у его изголовья,— говори, милый...

Он снял с левой руки часы и сказал:

— Мою Нинульку вам все равно не найти, она у

немцев, берите, батенька, часы и подарите девушке, только умной девушке по имени Нина из вашей нации. Я полюбил в бою вас и ваш народ, скажите ей, что это подарок украинца Грицько Проценко, я ухожу от вас... Грицько скончался, не договорив своего завещания.

Все присутствующие плакали...

* * *

Я часы Грицько пронес сквозь дым и огонь, через 60—70 боев на трех фронтах... Искал умницу-девушку по имени Нина — казашку. Из моих респондентов и знакомых Нины-казашки не оказалось. Зимой я получил от тебя очень теплое и умное письмо и ты подписала свое письмо, выпятив заглавную букву «Н», и я почему-то письмо твоего настоящего имени прочел «Нина».

— Нашлась, нашлась,— кричал я в землянке, радуясь, как безумный,— нашлась Грицькина Нина...

* * *

Когда Курманбек уезжал в Алма-Ату, часы Грицько через него я передал тебе и облегченно вздохнул, что завещание Грицько выполнил.

И что же! И что же! (не удивляйся, что я повторяю, я кричу). Вместо благодарности передо мною лежит письмо с ядовитым и глупым эпитетом: «При вручении твоего подарка «Н., кокетничая, ломаясь, хихикая, сказала: «Әлде, қай немістің қолынан шешіп алды екен» (С руки какого-то немца часы снял...). О, неблагодарная, я не знал, что ты успела уже поглупеть. Неужели ты не понимаешь, что взять у убитого врага оружие, документы, ценные вещи является не продуктом мародерства, а продуктом победы.

Передавая тебе часы, я считал, что их вручаю достойной Нине-казашке. У меня, признаться, горит лицо перед памятью Грицько.

Баурджан

20.08.43

«Любовь по истинному влечению — это та любовь, которой нет конца иначе, как только со смертью»

Ибн Хазма (XI в.)

О ЛЮБВИ

Много я видал любящих пар, но в подавляющем большинстве несчастливых.

Неоднократно себя и других спрашивал, почему судьба так зло шутит с людьми, или люди зло шутят с судьбой?

Читал и перечитывал любовные романы знаменитых авторов, но, кроме интимной любви, ничего не нашел,— из них Мопассан более красочно и правдиво передает интимную сторону любви — остальные отделяются общими красивыми словами.

Ф. Энгельс и Ш. Фурье сказали жестокую, но научную правду о любви — браке своего времени, называя брак при капитализме сплошной проституцией, лишь с той разницей, что если проститутка торгует своим телом «поштучно» — на ночь, то верная жена продает себя оптом, навсегда выходя замуж или за богатство, или за общественное положение, или другие материально-бытовые выгоды, сочетая приятное с полезным, но ни в коем случае не за мужчину.

В наше время наблюдалось немало случаев, когда девушки выходили замуж за легковую машину и дорогое платье. Отсюда нетрудно понять корень зла супружеской неверности, любовных конфликтов, семейных драм и неустойчивости брака и т.д. и т.п.

На данном этапе общего и экономического развития, когда пока нет равенства в труде по способности и в потреблении общественного продукта по потребности (хотя в связи с освобождением женщин от многих общественно-кабальных условий — любовь демократически ничем не ограничена и созданы условия для ее прогрессивного развития до настоящей равной, независимой, чистой любви), традиционное стремление к счастью в материально-бытовом смысле, больше чем духовная сторона любви, еще глубоко сидит в уме каждой женщины, она вынуждена смотреть на мужа прежде всего как на источник средств к существованию лично

самой и благосостояния своих детей, и привязана она к семейному очагу как материально зависящее существо, во многих вопросах безвольное и далеко не равное мужу, что нарушает принцип любви — абсолютное равенство.

Поэтому еще на долгое время остается неизбежной «оптовая продажа на все время» со всеми его неприятными моральными, нравственными и прочими последствиями.

Но прогрессивная и культурная часть молодежи ни в коем случае не должна мириться с этим, следует, приспособившись к обстановке, сочетать материально-бытовую сторону с духовной стороной любви, стремясь в первую очередь к последнему.

Инстинктивное интимное чувство — раб соблазна, мимолетное впечатление, горячка без ума. Удовлетворенный соблазн — разочарование.

Сожительство без любви, любовь в силу привычки, — принуждение себя.

Сущность человека — ум. Разум — господин чувства. Любить разумно — любить умом, душой и преданно.

Настоящая любовь не должна быть однозначной: увлечение только лишь внешней красотой — кратковременная любовь — просто увлечение.

Непременными условиями настоящей, чистой, преданной, равной, всевозрастающей любви являются: общность взглядов на жизнь, на физиологию любви (половой подбор), на мораль, нравы, характер любви (сочетания особенностей), равенство в любви, взаимопонимание в любви, на взаимоподдержку, на перспективы, на оценку роли сторон в любви.

Любящие в этих вопросах и во взглядах должны быть обязательно единомышленниками, в противном случае нельзя их любовь назвать всесторонне развитой, устойчивой. Следовательно, без деловых и творческих взаимоотношений и взаимопонимания нет любви, а есть чисто постельные, формальные супружеские отношения — всеяготееущее бремя на всю жизнь, однозначная, внешняя, недолгая, быстроугасающая, впоследствии лицемерная любовь.

Любящие счастливые равные пары попадаются (правда, редко) в нашей среде. Они в настоящем смысле слова счастливые единомышленники: скромны, свежи, деловиты, у них неподдельная дружба и любовь, друг

друга понимают, делятся до дна счастьем и горем, глубоко верят друг другу, им чужды чувство ревности и неуместная чрезмерная нежность, они умело, скромно гордятся друг другом, растут, развиваются творчески, трудятся, одним словом, живут полноценной жизнью, а не мучаются, преодолевают трудности и дают все для жизни и для общества. Они горды и благородны в труде, в быту и семье.

Один счастливец-муж сказал: «Зачем мне бегать, когда у нас все имеется дома — жена мне друг, товарищ, советник, уют тела и души моей...»

Когда ему задали вопрос, изменял ли он жене или подозревал ли в этом жену, он сказал: «Признаться, я над этим вопросом до сих пор даже не подумал».

Оба они были умные, одинакового развития и образования людьми, муж на полголовы стоял выше жены, она это признавала с гордостью.

Вот и все, что я хотел написать на твой последний вопрос в письме от 16.07.43 г.

Баурджан

08.43

т. т. Абдыкалыкову, Панкратовой

Вышедшая в свет «История Казахской ССР» под вашей редакцией, безусловно, является ценным вкладом, где впервые правдиво нашло научное обобщение прошлое нашего народа.

Я с благодарностью отмечаю добросовестные и прилежные труды авторов-составителей книги, очистивших историю от хлама лженаучных, лжемарксистских умышленных и неумышленных искажений, доходивших до вульгарной клеветы на историю и на роль личности в общественно-политическом, хозяйственно-культурном формировании и развитии нашей нации, несправедливо отрицавших прогрессивную историческую деятельность государственных, общественных деятелей прошлого и неумного возмущения некоторых горе-исследователей немарксистскими взглядами ханов, султанов, баев и пр. и видевших поэтому в них только «народных кровопийц — бандитов», а никак не добропорядочного мужа своего времени.

Отдавая должное и искренне выражая благодарность авторскому коллективу книгу, одновременно считаю своим долгом предложить вашему вниманию следующие замечания по главе XXXI § 84 книги, которая на мой взгляд автором написана недобросовестно,— не углубляя себя глубоким изучением вопроса, а просто ограничиваясь обобщением, наспех написанным на седле корреспондентской размазни, не содержащей в себе ни сути, ни содержания боевых дел десятков тысяч сражающихся людей, боевых операций с глубоким тактико-стратегическим значением, влияниями, последствиями на ход событий, боя, войны. Иначе, чем объяснить трафаретное изложение и обилие общих фраз, не обобщающих результатов моря пролитой крови, трудности и радости побед и горечи неудач, уроков кровавого опыта войны, роли личности, значения полководческой деятельности командиров, отваги солдат и, наконец, суть массового героизма — правдивое описание исторических фактов.

Мне кажется:

1. Действия дивизии не увязаны с общей обстановкой и положением сторон на фронте. Следовательно, не показано значение и влияние боевых действий дивизии на общую обстановку войны.

2. Отсюда правдиво и грамотно не освещена суть и содержание боевых подвигов, заслуги дивизии в решении оперативно-тактических и ее место в решении стратегических задач, кроме общих «...отражавшей страшный натиск численно превосходящего врага...» и статистики результатов боев.

3. Не дан настоящий военный портрет генерала Ивана Васильевича Панфилова как полководца, организатора и руководителя неравных оригинальных боев, смелого новатора военной мысли, тактики, методиста-воспитателя солдат. Даже нет мысли о причинах его победы: превосходство оперативного искусства генерала над неприятельскими генералами. Он, решительно навязывая свою волю противнику, бил по уязвимым звеньям боевого порядка, сковывал малыми силами маневренность крупной силы противника, смело и вместе с тем расчетливо маневрируя своими полками, наносил удар на решающем участке, в решающий момент. Его ум, воля, мастерство и гибкая тактика офицеров — его во-

спитанников — вели дивизию к победам, увенчанным славой. Он был творцом победы.

4. Не показаны офицеры ближнего боя, тактического соображения и назначения: отвага, которая прежде всего заключается в смелости принятого им решения, дальновидности, в трезвом учете обстановки и соотношения сил, уверенности и действии, творческой мысли ума, непреклонной воли в проведении в жизнь принятого решения, глубокомысленного действия управления боем, огнем, чувствами и психикой массы солдат, искусного, умного военного вожака части и подразделений, их роль в бою, в любой обстановке боя, а не вообще отделаться общими фразами «... под командованием такого-то».

5. Не показан образец воина, простого, отважного, осмысленно действующего, хитрого, сметливого, солдата-гражданина.

6. Не освещены суть, содержание и последствия проявленного массового героизма, причины и закономерности ими одержанных побед.

7. Автор мало следит за оборотами своей речи, даже мысли, изобилуя строки нескромно горделивыми, малообдуманными, неправдоподобными выражениями, выходящими за рамки всякого приличия — непревзойденной лжи, как, например: «яркий образец стойкости и отваги проявил полк под командованием полковника Капрова». Этот полк один отражал натиски пяти отборных немецких дивизий?! Таких случаев военная история не знала до сих пор,¹ и я, живой свидетель, опираясь на военную науку и скромный опыт боев, имею основание утверждать, что и впредь в истории войны таких полков не будет. Видимо, автор просто не подумал, что хотя тактика и не математика, на войне величина не сохраняет своего постоянства — возможны всякие неожиданности, каковы бы они ни были, но они ограничены известным законом — в пределах возможности опыта войны.

Такие вздорные строки снижают достоинства книги.

8. Подмосковная маневренная оборона и зимнее наступление 1942 г. являются отдельными историческими этапами хода Отечественной войны с особенностями каждой из них без всякой тождественности событий, обстановки и времени и условий боев. В этих двух

поворотных этапах дивизия с достоинством и с честью вышла на почетное место в выполнении поставленной задачи. Эти два периода славных боевых дел не показаны в книге отдельно.

9. О достойном преемнике и верном продолжателе дела Панфилова, об умном и искусном полководце, вожак дивизии, генерале Иване Михайловиче Чистякове, под командованием которого дивизия в наступательных боях написала вторую страницу своей славной истории и удостоена ордена Ленина, в книге не сказано ни единого слова.

10. Не обобщены уроки войны, не выпячен рост воина в огне боев и их воспитательное значение.

11. Мало уделено внимания творческой мысли, народной мудрости, рожденной в бою, красноармейским и народным творчеством, столь богато отражающим популярность войны.

Коленопреклоненно прошу извинения за грубо неотшлифованное изложение мысли.

С глубоким уважением к вам
гвардии полковник

Баурджан

Р. С. Желательно было бы одному из ваших сотрудников на месяц приехать в дивизию с целью изучения истории дивизии на местных материалах при соответствующей консультации руководящих участников (пока они живы, так как даже написанные наспех оперативные документы штаба не всегда полноценно, детально отражают действительную обстановку и положение дела на таком весьма широком фронте, при далеко недостаточных средствах связи) для исправления этой главы во втором издании книги.

1.09.43.

ЗЕМЛЯКАМ

Как ваш земляк-фронтовик, искренне поздравляю вас с Новым 1944 годом.

Пусть все мои лучшие пожелания сопутствуют вам в этом году на военном и трудовом фронте.

Пусть в этом году будут сметены с лица земли двуногие звери — немецкие захватчики.

Пусть этот год будет годом окончательной победы над врагом.

Пусть этот год будет счастливым годом радостной встречи фронтовиков с семьями после окончательной победы и торжества над ненавистным врагом.

Пусть этот год будет годом счастливого трудового подъема, обильного урожая на колхозных полях, стахановского труда на производстве, творческого успеха мысли в науке, литературе и искусстве.

Слава и честь отважным офицерам и солдатам военного и трудового фронтов, день и ночь громящим вражескую нечисть самоотверженной отвагой в труде и бою.

Смерть и проклятье немецким извергам!

(Написано по просьбе Казрадиокомитета).

29.12.43

г.Алма-Ата

МЫ ВОЗМУЖАЛИ В СРАЖЕНИЯХ

28 гвардейцев-панфиловцев кровью своей завоевали право на бессмертие. О них поют песни в народе, слагают легенды, их имена сохраняются в веках как символ мужества, геройства. Немеркнувшей воинской славой овеяно имя первого командира нашей дивизии Ивана Васильевича Панфилова. И нередко я замечал искреннее удивление в вопросе:

— Вы действительно из панфиловской дивизии?

— Да, — отвечает панфиловец.

Это не чудо-богатырь, не великан. До войны этот человек трудился где-нибудь в колхозе, работал на фабрике или заводе, служил бухгалтером в каком-нибудь учреждении. Конечно, когда вот такой мирный советский гражданин надел солдатскую шинель и взял в руки винтовку, он не стал еще от этого воином.

И если из такой разношерстной ополченческой массы генерал Панфилов за два с половиной-три месяца сумел сколотить боевое соединение, то в этом его заслуга.

Панфилов отлично владел искусством ведения боя, обладал боевой смелостью, был новатором военной мысли, тактики. Он умел завоевать оперативное преимущество над генералами противника, решительно навязывал им свою волю, крепко бил по самым уязвимым звеньям боевых порядков врага, наносил ему удары на решающих участках, в решающий момент.

Он был очень человечным, очень чутким генералом. Уважал солдата, ценил его человеческое достоинство. Иван Васильевич глубоко интернационален. Будучи русским, он беззаветно любил свою нацию, знал ее лучшие благородные традиции, гордился ими. В свете этого он любил и уважал народы других национальностей.

И в нашей 8-й гвардейской дивизии, рука об руку, как родные братья, дрались с врагом русские, казахи, киргизы, украинцы, узбеки.

Панфилов учил своих офицеров тактической гибкости. Учил быть не столько солдатами кулачного боя, сколько солдатами ума. Командир — мозг войск, организатор боя, творец победы. Он обязательно работник творческий. Осенью 1941 года панфиловцы грудью встали на защиту Москвы. Один гвардеец был против шести гитлеровских бандитов. Весь мир напряженно следил за этим величайшим неравным сражением. И мы победили. Победили не числом, а умением, потому что тактический перевес был на стороне наших командиров. Ведь недаром говорит мудрость казахского народа: «кулаком победишь одного, умом — тысячи».

Основная задача командира — воспитать в солдате мужество, привить ему технику солдатского ремесла, искусство ведения боя. Именно таких командиров и воспитал наш генерал.

Усвоив основы военного искусства, мирный советский гражданин стал солдатом-воином. Но он по-прежнему остался человеком, таким же простым, трудолюбивым, бесконечно скромным, как и до грозного июня 1941 года. Так же нежно любит он маленького бутуза-сына или ясноглазую дочурку, пишет жене задушевные теплые письма, трепещет от радости любви, ощущает сияние яркого солнечного дня. И плачет. Горько плачет, опуская в могилу тело погибшего боевого товарища. Взгрустнет, задумается, когда не в меру тяжело. Он

устает физически. В груди его бьется такое же сердце, как у каждого из нас.

Он горд своим человеческим достоинством, своей единственной в мире свободной чудесной матерью-родиной, своим правом на труд, он кровью защищает свою жизнь, свое собственное счастье, свою честь. Он гордится своими братьями по нации, любит их.

Это особенная гордость свободного советского человека. А в бою личная и национальная гордость порождает отвагу, мужество. «Мужу честь дороже жизни. Позор, бесчестье — страшнее смерти», — гласит казахская народная пословица.

Солдат прежде всего муж и отец. Немец кровавой лапой замахнулся на его семью, дом, счастье. Он хочет убить и его самого. А человек страстно хочет жить и идет в бой, чтоб жить, а не умереть.

Немец совсем близко, но боец его еще не видел лицом к лицу. И в душе его живут два чувства — страх и долг. В критический момент боя они вступают в смертельную борьбу. Трудно найти здесь подходящие сравнения. Самые свирепые звери не способны так драться. Победит страх — ты трус, победит долг — ты отважен. Командир должен быть сердцеведом и психологом. Он должен знать, что самый укрепленный рубеж немногого стоит, если не укреплены души бойцов.

Нет на свете бесстрашных людей. По крайней мере, за два с половиной года я не видел их на фронте. Героизм тоже не дар природы, а результат воинского воспитания. И сущность этого воспитания заключается в умении преодолеть все трудности и тяготы походной военной жизни, в умении преодолевать страх.

В бою солдата сопровождает инстинкт самосохранения, надежда на жизнь согревает сердце. А то, что мы называем отвагой, мужеством, рождается уже на поле сражения. Когда солдат собственными глазами убедится, что враг — не сверхъестественное огнедышащее стальное чудовище, а смертное живое существо, что его кожу пробивает пуля и штык, а броню — снаряд, тогда страх побежден, и человек идет убить немца, чтобы жить. В жаркой схватке нет мысли о смерти, есть только могучая, безудержная, всепобеждающая жажда жизни.

«Воюя, учись, закаляйся, мужай. Не торопись умирать, учись воевать», — часто говорил нам Иван Васильевич Панфилов. Это мудрое правило и сейчас живет

в нашей гвардейской дивизии. По нему учатся воевать новички, ставшие на место павших в бою. Гвардейцы-панфиловцы выросли и возмужали в сражениях, прошли на войне суровую школу подлинного героизма. Мы испытали сильнейшую любовь и ненависть. В борьбе за жизнь мы научились побеждать страх.

В нашей дивизии сложились славные боевые традиции массового героизма. 28 гвардейцев-панфиловцев, вступивших в неравный бой с 50 стальными чудовищами у Волоколамского шоссе, — только одна яркая его страница. 11, 16, 20, 50, 100 панфиловцев, вся дивизия покрыла себя гордой воинской славой. Бойцы-панфиловцы на поле боя беспощадно истребляют врага, мстят ему злом за зло, кровью за кровь, смертью за смерть.

Страшен врагу такой воин! Но и сейчас панфиловец такой же, как и прежде, человек с большим благородным сердцем. Я знаю, если сейчас на переднем крае выдалась минутка затишья, мои товарищи по оружию пишут душевные новогодние приветы женам, матерям, детям. И в эту праздничную весточку они вкладывают всю свою душу, всю силу своей огромной мужской любви.

С Новым годом! С новым счастьем, дорогие товарищи-фронтовики! Сейчас я временно не с вами, вдали от дивизии, в родном Казахстане. Я хочу от вашего имени горячо поздравить земляков-казахстанцев с Новым 1944 годом.

Пусть в этом году будут навсегда сметены с лица земли двуногие звери — немецкие захватчики. Пусть этот год будет годом окончательной победы над врагом. Пусть этот год будет счастливым годом радостной встречи фронтовиков с семьями после окончательной победы.

Пусть этот год будет годом радостного трудового подъема, обильного урожая на колхозных полях, стахановского труда на производстве, творческого успеха мысли в науке, литературе и искусстве. Слава и честь отважным офицерам и солдатам военного и трудового фронтов, рука об руку громящих вражескую нечисть.

Смерть и проклятие немецким извергам!

1.01.44

Для газеты «Казахстанская правда»

КОММЕНТАРИИ

Писателям — о войне. Гвардии полковник Баурджан Момыш-улы после лечения в госпитале вследствие ранения в одном из боев во время Великой Отечественной войны в декабре 1943 года приехал в Алма-Ату. Жители столицы Казахстана, и в первую очередь ее творческая интеллигенция, радушно встречали легендарного героя, столь страстно мечтавшего вновь увидеть свой отчий край, родную землю.

За короткий срок пребывания в Алма-Ате Баурджан успел встретиться со многими известными литераторами, мастерами искусства и общественными деятелями, выступил на ряде вечеров-встреч.

Именно в те дни ярко раскрылись новые грани дарования отважного воина и дальновидного полководца: эрудиция, умение критически мыслить, аналитичность и глубина суждений, оригинальная точка зрения на множество проблем самого разного характера. Инициатором встреч алмаатинцев с боевым офицером выступил Мухтар Ауэзов.

Мухтар Ауэзов и академик Каныш Сатпаев, движимые желанием сделать достоянием грядущих поколений бессмертный подвиг воинов-казахстанцев, совершенный ими во время обороны Москвы, и факты фронтовой жизни, выводы и размышления боевого офицера, обращаются к Баурджану Момыш-улы с предложением выступить с лекциями перед представителями научно-творческой интеллигенции Алма-Аты.

Предоставляя слово Баурджану Момыш-улы, президент АН Казахской ССР академик К. Сатпаев сказал: «Сегодня мы, работники науки, литературы и искусства, собрались, пользуясь пребыванием в Алма-Ате гвардии

полковника Баурджана Момыш-улы, чтобы из его уст услышать ряд эпизодов из истории Великой Отечественной войны, и в частности, 8-й гвардейской имени генерала Панфилова дивизии... Полковник Баурджан Момыш-улы является не только участником этих военных событий, но и ведущим командиром, тем для нас ценнее его беседы».

В этих словах ясно выразилась мысль о том, что положения цикла лекций-бесед будут иметь основополагающее значение для художественных произведений о Великой Отечественной войне.

Во время цикла лекций-бесед, начавшихся с 19 января 1944 года и продолжавшихся в течение недели, ежедневно с 12 до 18 часов, Баурджан Момыш-улы обстоятельно рассказывал слушателям о своем видении фронтовой действительности, о боевом пути воинов 8-й гвардейской дивизии, о неповторимо своеобразной психологии людей, оказавшихся в кровопролитных сражениях, о собственном военном опыте.

В одной из бесед в последние годы жизни Баурджана Момыш-улы писатель мне говорил, что в архивах Г. Мусрепова и других должны сохраниться конспекты этих лекций-бесед, потому что он неоднократно замечал, что слушатели записывали содержание его речи. Это подтверждается и архивными материалами М. Ауэзова, который в числе других слушателей подробно и аккуратно законспектировал их содержание. Записи эти хранятся в его объемной рукописи «Баурджан, его беседы, лекции, читанные в течение 6 дней января 1944 г.» (Архив литературно-мемориального музея М. О. Ауэзова. Папка № 409).

Непосредственно вслед за этими лекциями М. Ауэзов написал рассказ «Трезвая мысль — неотъемлемая черта воина». Раньше он создал пьесу «Гвардия чести» из фронтовой жизни Б. Момыш-улы. Это говорит о том, что М. Ауэзов в тот период собирал материалы и серьезно готовился к написанию крупного произведения на военную тему.

Глава «Писателям — о войне», в которой с некоторыми сокращениями воспроизведена стенографическая запись выступления Б. Момыш-улы перед писателями, публикуется впервые. В содержании главы отчетливо прослеживается мысль лектора о том, что факты и

положения своего рассказа о войне могут лечь в основу будущих художественных произведений и литературоведческих исследований на тему Великой Отечественной войны.

2. **Воспитание мужества.** На данной лекции-беседе Б. Момыш-улы сформулировал и обосновал свое отношение к проблеме воспитания мужества, изложив его главные моменты. Анализируя природу психологических изменений, которые произошли в поведении граждан нашей многонациональной родины во время войны, он глубоко и с большой компетентностью раскрыл их причины и своеобразие. Эти его размышления сохранили свое актуальное значение и для нынешнего этапа военно-патриотического воспитания.

Многие нестандартные, отмеченные печатью новаторского подхода размышления автора о проявлениях национальных и интернациональных (общесоветских) традиций в условиях войны, о месте и роли человеческих качеств, выработанных народной педагогикой, которые воспитывала у людей любовь к отчей земле и потребность отстаивать ее перед лицом любой опасности, могут играть важную роль в повседневной воспитательной работе в многонациональной Советской Армии.

3. **Генерал Панфилов.** В данной главе также с небольшими сокращениями воспроизведено содержание размышлений Б. Момыш-улы, высказанных во время лекций-бесед.

В главе с чувством особой признательности рассказано о стратегической дальновидности и тактическом мастерстве генерала Панфилова, в ярко выраженной форме воплощавшего принципиально новые качества полководца; о его смелых решениях, связанных с той или иной конкретной ситуацией; особенно о его отеческой заботе о рядовых солдатах — представителях различных национальностей. Б. Момыш-улы критически относится к собственным выводам о предмете беседы и специально предупреждает слушателей: «... образ генерала Панфилова явился центром внимания, стержневым вопросом всей беседы. Насколько он удался, не знаю,

но я искренне и честно приложил все свои способности, чтобы справедливо почтить память Ивана Васильевича».

Он питал особое уважение к героическому образу генерала Панфилова всю свою жизнь и, участвуя в победном завершении войны, обучаясь в Военной академии, вынашивал замысел его литературного воплощения, собирал архивные материалы. Б. Момыш-улы свои размышления о славном полководце впоследствии изложил в книге «Генерал Панфилов», которая издана на казахском, русском и киргизском языках.

4. Волоколамское направление. Данная тема относится к числу проблем, которые освещались лектором самым обстоятельным образом. Объективный рассказ о массовом героизме советских солдат при обороне Волоколамского шоссе явился серьезной исторической иллюстрацией лекции-беседы.

Известно, что А. Бек написал свою повесть «Волоколамское шоссе» на основе событий этой великой битвы. Впоследствии эту тему существенно углубил Б. Момыш-улы в повести «За нами Москва». По этой книге создан одноименный художественный фильм.

5. На литературном фронте. В главе рассказывается о творческих взаимоотношениях А. Бека и Б. Момыш-улы, об истории создания повести «Волоколамское шоссе», своеобразно и удачно раскрыты в ней многогранная военная психология и различные нюансы поведения участников войны.

Причины изменений, внесенных в рукопись повести в процессе написания и редактирования книги, а также творческие связи между редакцией и автором, автором и главным персонажем, редакцией и главным персонажем, оставшиеся до последнего времени неизвестными для массового читателя, в главе нашли адекватное отражение. На наш взгляд, глубинная суть идеи и целей, которыми руководствовались автор и главный персонаж, состоит в следующих размышлениях Б. Момыш-улы: «Бек несет ответственность за книгу, но он человек не военный и во многих вопросах войны разбирается недостаточно; в свою очередь, как автор материалов, я несу ответственность перед памятью панфиловцев, перед историей и перед современниками за правильность

книги; несу ответственность за трактовку всех военных и военно-психологических вопросов».

Повесть «Волоколамское шоссе» впоследствии была переведена на множество иностранных языков. Она получила всеобщее признание как книга, компетентно и правдиво раскрывающая тончайшие нюансы сложной военной психологии.

Хотелось бы обратить внимание исследователей истории создания «Волоколамского шоссе» на текст договора, подписанного Б. Момыш-улы и А. Беком (Договор хранится в архиве Б. Момыш-улы).

6. Победа не приходит сама. В этой главе даны с незначительными сокращениями тексты речей и выступлений Б. Момыш-улы по поводу боевого пути воинов 8-й гвардейской дивизии.

Большинство помещенных в ней данных легло в основу реальных картин фронтовых действий и судеб многочисленных персонажей, описанных как в «Волоколамском шоссе» А. Бека, так и в собственных произведениях Б. Момыш-улы.

7. В главе «Я вам писал» помещены письма Б. Момыш-улы, с которыми он в разные периоды своей жизни обращался к А. Беку, М. Ауэзову, Е. П. Михайловой, Абдыкалыкову и академику Панкратову. Все они взяты из личного архива Б. Момыш-улы. И в этих письмах раскрыта многоликая военная психология солдат, которые вступали в жестокое сражение с врагом, их разнообразие фронтовые судьбы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСАТЕЛЯМ — О ВОЙНЕ	3
ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВА	37
ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ	75
ВОЛОКОЛАМСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	79
НА ЛИТЕРАТУРНОМ ФРОНТЕ	133
Сотрудничество с Беком	134
Письмо А. А. Беку	144
Письмо Б. Момыш-улы	145
Правда, написанная в седле	146
Редактору журнала «Знамя»	160
«Я благодарен судьбе»	166
ПОБЕДА НЕ ПРИХОДИТ САМА	177
Слово, зовущее в бой	178
Мы отомстим мечом и огнем	188
Где порядок — там успех	189
Честь дивизии — моя честь	196
Формирование	198
Под Москвой	198
Юго-Западный фронт	203
Бои за Великие Луки	204
Бои за Духовщину и на Витебском направлении	206
БОИ ЗА ПРИБАЛТИКУ	207
«Ты с честью выполнил свой долг»	210
«Я вам писал»	217
М. О. Ауэзову	218
Н...	219
О любви	224
т.т. Абдыкалыкову, Паикратовой	226
Землякам	229
Мы возмужали в сражениях	230
КОММЕНТАРИИ	234

МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Художник Л. И. Тетенко

Художественный редактор Г. М. Горелов

Технический редактор Л. И. Конькова

Корректор Р. Г. Ермошкина

Инженер ВЦ А. Н. Батырханова

ИБ №4321

Сдано в набор 04.12.89. Подписано в печать 01.11.90. УГ 16127. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6+0,42. Усл. кр-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 13,29. Тираж 20 000 экз. Заказ № 148. Цена 1 руб. 40 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «КИТАП» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41

Набрано в ВЦКП Госкомпечати СССР с использованием АСУТП «Союз»